

МИХАИЛ НИКОЛЬСКИЙ

Кровью своего сердца

ВОСПОМИНАНИЯ

Семейные ценности

Annotation

Эта книга — живая история, живая память о тех событиях, свидетелем и участником которых был мой дед, Михаил Александрович Никольский, рожденный в 1923 году. Он не был героем, не имел воинских званий, не дошёл до Берлина... Он воевал на своей земле, но не смог уберечь от пуль и огня никого из своей семьи, потеряв и отца, и мать, и сестру. Он выжил и рассказал свою правду о войне — простую правду обычного человека, прошедшего через нечеловеческие испытания.

- Кровью своего сердца
  -
  -
  - Предисловие к первому изданию
  - Предисловие ко второму изданию
  - от автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Из архива М.А.Никольского
    - Семья патриотов
  - Комментарии
    -
    - Географический указатель
    - Именной указатель

Кровью своего сердца Воспоминания

Михаил Никольский

Редактор Диана Валерьевна Королькова

© Михаил Никольский, 2019

ISBN 978-5-0050-4755-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На память

детям, внукам, правнукам... и...

от дедушки и отца

Мотин

Июль 1991г.

Случук

Предисловие к первому изданию

Написать эту книгу было давней дедушкиной мечтой. Он осуществил ее, хотя и не до конца — книга так и осталась в рукописи, он не успел ее напечатать. И вот, спустя почти десять лет, книга его воспоминаний издана. Вы спросите меня — зачем?

В библиотеке моего деда всегда было много книг. Есть там и воспоминания А.И.Герцена «Былое и думы», которые дедушка не раз перечитывал, отмечая карандашом то, что считал наиболее значимым. Среди многочисленных карандашных помет есть одна, сделанная ручкой: «Чтобы написать собственные воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком или необыкновенным злодеем, знаменитым артистом или государственным деятелем; достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет рассказать это.

Каждая жизнь интересна — если не в отношении к личности, то к эпохе, к стране, в которой она живет».

Писатель доказывал «право на те или иные слова» каждого человека, независимо от масштабов его личности. История имеет своими символами крупных деятелей, но создается она простыми людьми. И именно через жизнь таких простых людей открывается нам истинный смысл прошлого.

Мой дед принадлежал к тому поколению, для которого точкой отсчета в системе их жизненных координат была война. Он — один из тех десяти процентов рожденных в 1923—1924 годах, что остались в живых к окончанию войны. Кто, как не он, имеет право на память, право на голос, право на текст. На этих страницах — его память. И пусть звучит его голос в строчках Книги его жизни, Книги, написанной «кровью своего сердца»... Я верю, этот голос будет услышан.

Диана Ганцева

Предисловие ко второму изданию

Впервые книгу воспоминаний моего деда мы издали 20 лет назад — к юбилею бабушки. В 1999 году ей исполнялось 75 лет, и мы привезли ей в подарок большую тяжёлую коробку, а в ней — 50 красных книжек с золотым тиснением на обложке. Любительское издание с кучей ошибок и опечаток, с фотографиями сомнительного качества, с не самой аккуратной прошивкой — как мы гордились этой книгой! Она была. Дедушкина мечта сбылась нашими усилиями.

И вот теперь — второе издание.

Зачем?

Я задумалась о необходимости переиздать эту книгу несколько лет назад, когда решила почитать её вместе с дочками. Мне представлялось, как мои девочки будут заморожённо слушать, а их воображение будет рисовать им картины прошлой жизни... На деле оказалось, что воображению разгуливаться нигде — пришлось на каждом абзаце останавливаться и давать пояснения.

— А что такое плюшевка?

— А почему они «белые»?

— А что такое «ликбез»?

Мы полезли в словари и справочники, мы листали карты и книги по истории, воссоздавая культурно-исторический контекст. Так родилась идея сделать новое издание — уже не любительское, а самое настоящее, с комментариями и пояснениями, с необходимым «справочным аппаратом».

В итоге новое издание получило несколько ценных дополнений:

— раздел «Комментарии», где можно узнать значения незнакомых слов и понятий, прочитать подробности описываемых исторических событий, познакомиться с биографиями упомянутых в книге людей.

— Именной указатель, который содержит 199 имён и фамилий — пользуясь указателем, можно легко найти в тексте книги упоминания об интересующих людях.

— Географический указатель — в нём более 190 населённых пунктов и других географических наименований с указанием страниц, где о них говорится.

— Документы и фотографии. Разбирая дедушкин архив уже после издания первого тиража, я нашла документы и семейные

фотографии, о существовании которых никто не знал. Они вошли во второе издание, дополнив семейную историю новыми лицами и фактами.

Для кого?

В первую очередь эта книга для нас — для дедовых внуков и правнуков, для моих растущих дочек и тех малышек, что родятся у них и продолжают семейную историю. Дед подписал свою рукопись: «На память детям, внукам, правнукам... и... от бабушки и отца». Теперь это наше дело — передать его память нашим детям и будущим внукам.

Второй круг читателей, кому может быть важна эта книга, — потомки тех, чьи имена и фамилии встречаются на её страницах. Они учились с дедом в школах, поступали до войны в институт, сражались под Киевом, потом выбирались из окружения, ходили на боевые задания в партизанском отряде, восстанавливали Слуцк и окрестные сёла после освобождения Беларуси... Кто-то из них погиб и, может быть, записанное у деда — это единственное, что известно об этих людях... У многих из них растут дети, внуки, правнуки — думаю, им может быть интересно узнать что-то о своих дедушках и бабушках.

А ещё эта книга для всех, кто хочет знать правду такой, какой она виделась там и тогда. В воспоминаниях моего деда глобальные исторические события предстают в своей обыденной повседневности. Катастрофа Киевского котла, в котором сгинули сотни тысяч наших солдат, видится нам глазами вчерашнего минского студента, впервые оказавшегося под бомбёжкой. Знаменитая партизанская «Рельсовая война» сворачивается до трёх подрывников, почти мальчишек, которые промозглой ночью закладывают толовую мину под рельс, вынимая грунт на расстеленную рядом телогрейку. И освобождение Слуцка оказывается более значимым, чем падение Берлина... Именно так видится в настоящем то, что потом когда-то будет оценено потомками, что войдёт в историю и ляжет на страницы учебников.

Эта книга — живая история, живая память о тех событиях, свидетелем и участником которых был мой дед, Михаил Александрович Никольский, рожденный в 1923 году. Он не был героем, не имел воинских званий, не дошёл до Берлина... Он воевал на своей земле, но не смог уберечь от пуль и огня никого из своей семьи, потеряв и отца, и мать, и сестру. Он выжил и рассказал свою правду о войне — простую правду обычного человека, прошедшего через нечеловеческие испытания.

Эта книга даёт возможность увидеть историю глазами тех,
кто её делал, а не тех, кто потом её писал.

Диана Королькова

Михаил Александрович Никольский

от автора

Написать эти воспоминания меня заставило стихотворение «Семейная летопись» Евгения Чеканова¹. Поскольку оно взволновало меня до глубины души, привожу его текст полностью, без сокращений. Вот он:

Простая жизнь подвластна забвению,
И трудно воротить ее из плена...
Однако родословную свою
Я смог познать до пятого колена.
Я помню вечер... Было и мело
За окнами родительского дома,
А в доме было тихо и тепло,
И запах пищи плавал невесомо.
Трещала печь, и отблески огня
Лицо отца багряно заливали.
Он вспоминал... И в дрожь бросал меня
То жар любви, то жгучий лед печали.
Прошли года. С неясною тоской,
Как будто по утерянному раю,
В который раз в квартире городской
Я летопись фамильную листаю
И снова слышу, как вздыхает мать:
«Кому нужно собрание этих басен,
Их скоро будет некому читать...» —
Но верю я, что труд мой не напрасен,
Что не взорвется хрупкий шар земной,
По яростной орбите пролетая,
Что будет длиться начатая мной
Простой семьи история простая,
И что ее незыблемую гать
Сквозь топь веков мои продолжат дети...
А ты, мой друг? Что можешь ты сказать
Хотя бы о своем покойном деде?
Что ты припомнишь, кроме черт лица,
О чем расскажешь, коль спросить серьезно?
Ну, что молчишь? Иди, спроси отца.
Иди, спроси, пока еще не поздно!

Прочитал. Понравилось. И задумался, разволновавшись всерьез. На самом деле, что мне ответить на поставленные

вопросы? Лично из своей жизни? Как на исповеди, откровенно...

Судьба сложилась так, что ответить на эти вопросы трудно, больно и тяжело. Почему?

Глава 1

Я и моя семья до 1940 года

Свою родословную я не смог познать даже до третьего колена. Частые переезды родителей. Жизнь на частных или государственных квартирах, только не в родном, родительском доме. И отец, когда я был пацаном, затем школьником, никогда не заводил речь о своем происхождении и о нашей родословной, считая, что сын не дорос до таких разговоров. Так что из воспоминаний отца мне не пришлось узнать ни «жара любви, ни жгучего льда печали». Ни дедушек, ни бабушек, кроме одной — матери моего отца, я не знал, не слышал их разговоров и не запомнил ничего. А теперь поздно, не спросишь. Годы ушли...

Что запомнилось? Из паспорта мамы, погибшей в сорок четвертом году от рук фашистов-карателей в болотах Загальщины, что в Любанском районе белорусского Полесья, случайно сохранившемся во внутреннем кармане ее «плюшевки»², я увидел дату рождения отца в штампе о регистрации брака — 1895 год. По рассказам моей бабушки, его мамы, которая несколько лет жила вместе с нами, отец родился в семье сельского интеллигента. Сама бабушка долгие годы работала учительницей церковно-приходской школы в российском Нечерноземье недалеко от города Ярославля. Муж ее, мой дедушка, служил в церкви, не запомнил кем, и умер в годы гражданской войны от разрыва сердца. Бабушка не говорила, по какой причине, то ли от болезни, то ли от случайной пули. Словом, не знаю точно, потому что был еще малышом и не запомнил подробностей из разговоров взрослых. Видел сестру отца, которая приезжала к нам в гости еще до войны. Помню, бабушка рассказывала, как учился мой отец; он окончил гимназию³, красиво писал, умел рисовать, выполнял всю работу по хозяйству, многое мастерил своими руками.

В 1916 году его призвали в царскую армию. Он был вольноопределяющимся⁴ и служил в Могилеве, где находилась ставка⁵. Ожидал назначения на должность офицера младшего чина⁶. Но... в 1917 году победила Октябрьская революция. Царская армия распалась. Как говорила бабушка, отец не стал служить «ни белым, ни красным». В Кличевском районе Могилевской области на одиноком хуторке встретил молодую и красивую девушку. Через некоторое время они поженились. Оставаться в семье мамы отец не пожелал и забрал ее к себе

в Ярославскую губернию, в деревню к моей бабушке. Прожили они там недолго, и вскоре переехали в Ярославль к дальним родственникам. В 1921—1922 годах на Волге часто возникали контрреволюционные мятежи, потом начался голод. Жить стало невозможно⁷.

В конце 1922 или в самом начале 1923 года, уже после моего появления на свет, по настоянию матери семья переехала на родину матери в Кличевский район Белоруссии. Через год, в 1924 году, родилась сестра Янина. Кстати, мама была полькой, исповедовала католичество⁸, поэтому Янина стала католичкой, а меня, по настоянию бабушки, окрестили православным.

Мария Никольская с сыном Мишенькой, 1923 год.

Еще через полгода отец стал искать какую-нибудь работу в Могилеве или Бобруйске, где у мамы жили родственники. Но не нашел ничего подходящего. В Осиповичах — тоже. В Слуцке уже был округ, но работы не нашлось и там. В 1924 или 1925 году, точно не помню, по направлению чиновников из окружного Совета отец получил должность статиста-плановика⁹ в Любанском райисполкоме. Это мне запомнилось надолго — однажды я порвал служебные бумаги отца, которые он принес домой, чтобы закончить работу в выходной день, за что получил ремнем «по мягкому месту».

Но вернуться на хутор Баранновина на Кличевщину, где мы жили с мамой и сестрой, пока отец не найдет работу и квартиру. Видел своих дедушку и бабушку по матери, но не запомнил их лиц — ничего не отложилось в моем детском сознании. Хорошо помню, что у дедушки были колоды с пчелами. Возле дома у крыльца росла груша-дичка, а с другой стороны — большой куст сирени, и весной запах от цветов через открытые окна проникал в комнаты. В хозяйстве были лошадь, коровы, свинья, куры, а также гуси и утки, которые паслись на ближайшем болоте. Словом, жили в достатке. На базаре в Осиповичах или Могилеве мы кое-что продавали и покупали все необходимое на зиму. С ближайшей станции Несета дорог на хутор не было, поэтому только зимой, когда болото покрывалось льдом, на санях можно было ехать куда угодно.

Помню брата мамы Ипполита и ее старшую сестру тетю Пэлю, она немного прихрамывала. Тетя Пэля потом жила в Минске у своего сына, моего двоюродного брата Станислава, и умерла уже после войны в 1983 году, прожив почти 90 лет.

Пока отец не получил направление в Любань, он работал в Слуцке и успел перевезти туда семью из Кличевщины. Жили мы на частной квартире, кажется, по улице Карла Либкнехта, рядом с ветлечебницей. Помню, вокруг нее был сад, и мы с пацанами часто забирались туда рвать крыжовник, за что мне тоже доставалось от отца. Вскоре после направления отец подыскал квартиру в Любани и забрал туда нас всех вместе с бабушкой, своей мамой, которой не было смысла оставаться одной в деревне после смерти дедушки.

В Любани мы жили на квартире у хозяина по фамилии Мирейчик. У него был дом на два крыльца, два входа, стоял он недалеко от рынка и пожарной каланчи, рядом с которой был сарай для бочек с водой и другого инвентаря и конюшня для лошадей. Еще в Любани была церковь, куда бабушка водила меня за руку, приучала молиться, причащаться. Сестру мама учила молиться по ксенжке¹⁰, как требовалось католическими ритуалами. Отец не верил, как говорят, ни в бога, ни в черта.

С одноклассниками мы ездили купаться летом на речку Оресса, ходили в лес за ягодами и грибами, иногда с нами ходила мама или отец, если у него было время.

В Любани мы прожили с 1925 по 1929 год. Здесь бабушка учила меня читать, писать и решать задачи. Ведь она работала в церковно-приходской школе более сорока лет еще до революции, и потому умела объяснить внуку все премудрости учебы, правда, без всяких учебников. Программу начального обучения она знала превосходно и усложняла материал по мере

его усвоения. Особое внимание она обращала на то, чтобы я понимал смысл задачек по «Малинину-Буренину»¹¹, и требовала безупречной правильности и каллиграфии, показывая пример в написании слов и предложений. Кроме того, бабушка водила меня в церковь. А в остальное время я был предоставлен сам себе, находясь в компании таких же пацанов.

Что еще запомнилось из тех времен?

Был случай, который остался в памяти на всю жизнь. Моя мать потом часто вспоминала, как я «обманул» ее и пассажиров в купе одного вагона. Как было дело? Мы с мамой и сестрой как-то весной ехали в Кличев из Любани. Сели мы на станции Уречье до Осипович. Я сидел у окна, рядом сестра и мать. Я любил смотреть в окно по пути следования поезда. А стекла в вагонах были тонкие. Когда поезд останавливался, во время торможения я стукнулся лбом о стекло, оно и треснуло. Испугался я, заволновалась мама. Через некоторое время после очередной остановки проводник, проходя по вагону, обнаружил треснувшее стекло, которое еще не вылетело.

— Кто разбил стекло? — обратился он к пассажирам.

— Мы не знаем, оно, наверное, уже было разбито, — в один голос утверждали пассажиры, пытаясь защитить мать и ребенка от наказания.

Но проводник, очевидно, был опытным. Он немного помолчал, а потом присел рядом со мной и спросил:

— Скажи, мальчик, ты разбил стекло?

— Да, я, — промямлил я сквозь слезы.

Мать и соседи по купе покраснели, как потом рассказывала мама. А проводник сказал:

— Зачем же вы меня обманывали? Я сразу заметил это, а мальчик сказал правду, честно признался. Вот за честное признание я наказывать его и его мать не буду, а вы учтите на будущее...

Я не сразу сообразил, что «подвел» всех, кто пытался заступиться за нас. Потом мама рассказывала эту историю и все, конечно же, смеялись, как я всех «обманул», сказав правду и признав вину. Еще мама говорила, что проводник был убежден в том, что такие малыши не могут обманывать и всегда говорят честно всю правду.

Еще помню, что нашими соседями по дому хозяина Мирейчика в Любани была семья еврея по фамилии Росман. Их дочь дружила с нами, и мы часто гуляли вместе. Давно это было, забылось. Но как-то я встретил ее в редакции Слуцкой районной газеты в 1962 году. Она тоже жила в Слуцке со своим вторым

мужем и сыном.

В 1929 году, кажется, в начале августа, после известного постановления об обязательном начальном образовании¹², отца освободили от работы в райисполкоме и по бумажке районо направили заведующим начальной школой в деревню Малые Городятичи Любаньского района. Помню, отец уехал по месту назначения и вскоре вернулся с тремя подводами¹³ и их хозяевами, единоличными крестьянами. Почти трое суток мы добирались до той деревни. Помню, под вечер переправлялись на пароме через реку Оресса. Пока переправлялись, совсем стемнело. Подводчики по совету паромщика предложили остановиться на ночлег прямо на другом берегу реки, около леса. Зажгли большой костер. Но уснуть никто не смог. Ночью у опушки леса появились волки. Начали выть. Лошади захрапели, возбужденные. Пришлось раскладывать костры вокруг стоянки. Хорошо, что успели запастись сухостоем и ломачьем сосновых веток разной толщины. Когда все несколько костров разгорелись в рост человека и осветили окрестность, волки отошли подальше. Крестьяне и отец бросали в них горящими головешками, но спокойствия в ту ночь никто не ожидал. Вторую ночь провели без волнений, так как остановились в какой-то деревне, а утром следующего дня приехали на место.

Большинство домов в деревне Малые Городятичи были крыты соломой, пол земляной, а в сенях часто стояли овцы, телята, поросята и другая живность. Начальная школа размещалась в бывшем доме священника: в одной половине две комнаты и кухня с отдельным выходом во двор для учителя с семьей, в другой половине через коридор — большой зал, где располагались два класса: первый и третий в первую смену и второй и четвертый во вторую. Отец был учителем всех классов и заведующим начальной школой. Рядом с домом была церковь, через дорогу — большой сад, гумно, где хранились снопы ржи, пшеницы, солома, сено, был ток для молотбы вручную цепами¹⁴. Словом, все условия для жизни учителя были созданы.

В том же двадцать девятом году начались мелиоративные работы в бассейне реки Оресса под руководством ученого из Минска по фамилии Тризно¹⁵. Он некоторое время жил у нас. Помню, как на реку впервые были доставлены две землечерпалки импортного производства: одну называли «Немка», вторую — «Американка». Мы вместе с пацанами из деревни часто бегали смотреть на работу по углублению реки. Вместе с илом черпак выбрасывал на берег выюнов, даже рыб, не успевших выскользнуть из ковша. А однажды землечерпалка, не выдержав нагрузки на опоры, вышла из строя и потонула. Пока ее подняли,

отремонтировали, прошло много времени, и все это время с борта затонувшей машины пацаны и местные рыбаки с удовольствием ловили рыбу. Это было гораздо удобнее, чем забрасывать удочки или сеть с берега. А по окончании всех работ около деревни Тризно в знак благодарности за теплый прием и гостеприимство подарил отцу красивый альбом с большими фотографиями под заглавием «Мелиоративные работы в бассейне реки Оресса». Этот альбом пропал во время войны, возможно, он сгорел в доме во время бомбежки совхоза «Жалы» фашистскими самолетами.

Помню, как трудно было в деревне, среди полесских болот, приобщить ребятишек к знаниям. Многие родители просто не пускали детей в школу. «Куда им наука, — говорили они, — пусть привыкают на земле трудиться». Тем более в сентябре начиналась тяжелая работа по уборке урожая: различных овощей и фруктов, кроме того, молотьба ржи, пшеницы, ячменя, овса и других злаковых культур. Сколько раз приходилось отцу посещать крестьянские семьи, чтобы убедить родителей в необходимости школьных занятий. Несмотря на большие трудности, первого сентября в школе начались занятия. Писали больше на грифельных досках, так как тетрадей, ручек и чернил не хватало. Мел и классная доска были основными «средствами производства» на уроках в сельской школе. Были еще несколько географических карт для четвертого класса. Отцу удалось укомплектовать учащимися все четыре класса начальной школы, так как многие ребята раньше посещали занятия в других школах района.

Семья Никольских: мать Мария Францевна, сын Михаил, бабушка Елизавета, дочь Янина, отец Александр Михайлович, 1932г. Снято в дер. Заельное Любанского района, где Александр Михайлович был заведующим начальной школы.

Меня же продолжала учить бабушка, считая, что по многим разделам программы мне удалось обогнать своих сверстников, и с ними вместе на уроках мне нечего будет делать. Дома я прошел программу первого и второго класса. Мне иногда удавалось уговорить отца, чтобы он разрешил мне поприсутствовать на каком-нибудь уроке, посмотреть, действительно ли я не отстал. Но бабушка была твердо уверена, что ни о каком отставании не может быть и речи.

За время учебы дома и в школе мне запомнились три события. Расскажу о них по порядку.

Живя в деревне, сельчане держали корову, свиней, овец, птицу и другую живность. Отец с матерью тоже решили купить корову. После первой зарплаты, а отец за заведование школой и преподавание в четырех классах в две смены получал в то время прилично, кажется, до 80 рублей в месяц¹⁶. Корова на рынке в Любани, как говорили крестьяне, стоила 75 рублей. Но отец поехал не на рынок, а по совету хорошего знакомого отправился в деревню Грабово к одному крестьянину, который собирался продавать хорошую корову. Поехали они вместе на подводе в воскресенье, когда не было уроков. Купили, помню, рыжую,

невысокую, со сбитым рогом — она упиралась, не хотела идти, зацепилась рогом за кривую ветку дерева и сломала тот рог. Он отвалился, потекла кровь, ранку перевязали тряпкой. Вот такой ее привели вечером домой и поставили в сарай. Положили ей траву и ботвы с огорода, а потом закрыли дверь снаружи и пошли спать. Каково же было мамино удивление, когда утром она не нашла коровы в сарае. Отец сразу побежал к своему знакомому, а тот посоветовал ехать к хозяину, у которого купили корову. Поехали в тот же день. Оказалось, что корова действительно у него.

Выяснилось, что засов был не очень надежным, корова потолкала дверь, запор отошел, и через приоткрытую дверь корова выбралась во двор, оттуда на дорогу и вернулась к прежнему хозяину, который был очень удивлен ее появлению. Но еще более удивительно, как корове удалось пробраться ночью по лесам и болотам, пройти почти тридцать километров, избежать при этом встречи с хищниками, которых тогда в избытке водилось в окрестных лесах. К счастью эта история окончилась благополучно, к общему удовлетворению всей семьи. Кстати, корова, несмотря на преклонный возраст — ей было около 12 лет, оказалась на редкость хорошей: корма требовала мало, а молока давала летом по ведру за каждый удой. Мы с сестрой каждый раз перед доением старались преподнести ей что-нибудь вкусненькое: кусочек хлеба или пучок свежего клевера из сада. Конечно, и хлопот прибавилось, но корова быстро привыкла к новым хозяевам, постоянно чувствуя нашу любовь и заботу.

Второе запомнившееся мне на всю жизнь событие связано с началом атеистической работы в деревне. Прежде всего эту работу требовалось вести учителю в школе. В то время по всей стране по инициативе «главного безбожника» Ем. Ярославского начали создаваться общества так называемых «воинствующих безбожников» для взрослых и «общества юных безбожников» в школах¹⁷. Как-то для проведения подобного рода работы приехал из райцентра представитель, уже не помню его фамилию и должность. Он пришел в школу и предложил отцу собрать в школе родителей учащихся и других взрослых крестьян деревни, кратко сообщив о необходимости создать такое общество. Желающих вступить в «общество воинствующих безбожников» нашлось немного — только те, кто был активистом по любому вопросу, лишь бы пришла команда из центра.

На второй день «активисты» вновь собрались в школе. Представитель решил организовать их на первое «практическое дело» — пойти к церкви, снять крест с купола, а потом сбросить на землю колокола с колокольни. К этому времени у церкви

собралась почти вся деревня, в основном люди верующие. Они наблюдали за происходящим и с негодованием выкрикивали:

— Что вы делаете, антихристы? Зачем вам это нужно?

Когда на землю упали колокола, а затем после долгих усилий с купола был сорван крест, многие крестились, негодовали и возмущались, угрожая восстановить порушенное. Дома отец долго разговаривал с бабушкой, он был возмущен: неужели это указание правительства, чтобы рушить тысячелетнюю традицию, мало того, уничтожать произведения архитектуры и искусства. А бабушка долго плакала и сквозь слезы крестилась и проклинала «новоявленных варваров», называя их «антихристами». Бабушка моя была глубоко верующим человеком, водила меня в церковь, учила молитвам. Но даже отец, который не верил ни в черта, ни в бога, осуждал происходящее. В школе, несмотря на все усилия уполномоченного, не удалось создать «общество юных безбожников» — дети находились под сильным влиянием родителей, а те были против происходящего.

Теперь с каждым днем я все больше убеждаюсь в том, что бабушка была права. Не следовало разрушать многовековую традицию православия. Не случайно в годы так называемой «перестройки» вся страна торжественно отмечала 1000-летие крещения Руси. Но слишком поздно пришло к нам понимание ошибок прошлого, разрушенного не восстановить. Как бы порадовалась бабушка современным событиям. Хотя от своей тетки уже после войны я узнал, что бабушка перед смертью перестала верить в бога, говоря, что все это самообман и единственный бог человека — это его совесть, если нет у человека совести, то нет у него и бога.

Третье событие связано с началом коллективизации¹⁸ в деревне. Было это, кажется, в начале марта тридцатого года. Как-то приехал в школу представитель райкома партии и райисполкома из Любани. Снова к учителю:

— Объявите крестьянам через учеников, что в следующую субботу надо придти в школу на собрание.

Слово учителя в то время было непререкаемо. Собрались крестьяне в назначенное время. Но никто не догадывался зачем. А когда тот представитель начал выступать и заговорил о каких-то непонятных для сельчан колхозах, об обобществлении земли, коров, лошадей, упряжи, сельхозинвентаря, на него посыпался град вопросов:

— Как это обобщить всю скотину?

— Что из этого получится? Зарабатывать сколько будем?

— Это что, к новым панам возврат?

И много других вопросов звучало тогда на собрании. Хотя отец не разрешил мне присутствовать на крестьянской сходке, я все же тайком пробрался в школу, спрятался на задних скамейках, крестьяне прикрывали меня как сына учителя и не выдавали. Таким образом, мне удалось услышать все, что спрашивали крестьяне, и что отвечал им представитель из Любани. Все шумели, галдели и возмущались. Как это задаром увести своих коров и лошадей на общее содержание? Да никогда и никто не согласится с таким порядком! Словом, как ни убеждал собравшихся представитель, никто не согласился вступить в колхоз. Люди разошлись по домам, с возмущением и негодованием обсуждая услышанное на собрании.

Представитель уехал в Любань, а через несколько дней снова вернулся, но уже с милиционером и следователем. Очевидно, они посчитали, что в деревне «контра»¹⁹, которая действует против власти и учреждения колхозов. Снова учителю велят объявить о собрании, и вновь приходит народ в школу. Но и на этот раз желающих вступить в колхоз не нашлось, не помогли ни уговоры, ни угрозы.

И началась в деревне «разъяснительная работа»: постоянные собрания в школе, объяснения, новые уговоры. Наконец, несколько человек подали заявления в колхоз. Районный представитель и милиционер остались довольны, так как «начало положено». Они ушли, а второй уполномоченный и отец остались обсудить практическое обустройство колхоза. Остались также некоторые крестьяне, у которых были вопросы к учителю и о своих детях, и о колхозе — он был свой все-таки и ему больше доверяли. За полночь собравшиеся расходились из школы. Как всегда отец провожал родителей своих учеников до калитки. Попрощавшись с крестьянами, отец с гостем вернулись в дом. Не успели они и десяток метров отойти от калитки, как послышался стук лошадиных копыт по замерзшей земле. Мы с мамой еще не спали и вышли на крыльцо. Мы видели, как четыре человека схватили отца и уполномоченного за руки и потащили к колодцу. Но отец был сильным человеком, мне еще бабушка рассказывала про деревенские кулачные бои.

Дело еще до революции было. Мужики сельские в воскресенье собирались за деревней, чтобы выбрать самого сильного. Как-то отец мой, еще гимназист восемнадцати лет, вышел вместе с ними.

— Ну, давай, Шурка, попробуй с сильнейшим побороться. Навряд одолеешь? — подзадоривали окружающие.

А отец взял того мужика за пояс, поднял да об землю бросил. Тот лежал немного, приходя в себя, но, по словам бабушки,

после того он две или три недели болел, а потом умер. С тех пор отца считали самым сильным в деревне, и бороться с ним редко кто решался.

Мы с мамой, увидев происходящее у колодца, подняли крик, закричал и отец. Его голос узнали крестьяне, не успевшие еще далеко отойти. Они тут же вернулись обратно к школе. Бандиты из балаховцев²⁰, услышав приближающихся людей, бросили отца и нашего гостя и ускакали на лошадях. Отец говорил потом, что один из них был местным жителем, но чтобы его не узнали, он вымазал лицо сажей, а на голову надел шапку-ушанку. Помедли сельчане минуту-другую, и отец был бы сброшен в колодец вместе с уполномоченным. Мы убедились тогда, что разговоры о бандитах — не пустые слова.

В очередной раз, когда отец поехал в Любань, он попросил заведующего районо²¹ перевести его подальше от глуши. И дело не в том, что он боялся за свою жизнь. Бандиты расправлялись и с семьями коммунистов, а отец очень нас любил и не хотел потерять. Приходилось быть более бдительными, закрывать на ночь ставни, приглядываться к незнакомым. Мы укрепили двери и поставили в сенях на всякий случай топор и дубину.

Это все, что я помню о Малых Городятичах.

Сразу после окончания учебного года, как и просил отец, пришло направление из районо, и мы стали готовиться к переезду на новое место. Это была начальная школа деревни Заельное Яменского сельсовета Любанского района. Не буду задерживаться на том, как мы переезжали на четырех подводах со всем нашим добром, коровой и поросенком. Особых происшествий не было, хотя и добирались мы трое суток.

Начальная школа в деревне Заельное располагалась на окраине по дороге на Любань. Здесь же была квартира для учителя и его семьи, и большой класс для занятий, которые шли так же в две смены. Здание школы было красивым, с палисадником и цветами. Во дворе — колодец, сарай, большой навес для дров, погреб для картофеля и других овощей. Вместо забора — живая изгородь из зеленых елок высотой более двух метров. С одной стороны участка было болото. Прежний учитель был родом из деревни Ленино (бывшая Романово) Слуцкого района, фамилия его Шарупич. Мы с ним встречались уже после войны, но он уже почти ничего не помнил из тех лет, а совсем недавно я узнал, что он умер несколько лет назад.

Шарупич со своими учениками за несколько лет прокопал на болоте три параллельные канавы, а одну перпендикулярно им — провел своеобразную мелиорацию. В этих канавах он развел

рыб, व्यюнов. Берега канав уже заросли березами, кустами ракиты, лозы. На песчаном участке рядом с болотом был питомник, где выращивали саженцы яблонь и груш разных сортов. Около забора рос малинник. На пришкольном участке ученики проводили опыты с разными растениями, а чуть дальше находился участок земли под огород семьи учителя, где мы сажали ячмень, картошку и другие овощи. Над погребом росли две большие сливы-венгерки. Нам нравился и наш дом, и участок.

В деревне Заельное мы жили с 1930 по 1936 год. Здесь я сдал экзамены за четыре класса и в пятый класс ходил вместе со всеми ребятами в Яменскую неполную среднюю школу, которую мне так и не удалось окончить.

Что запомнилось из этого периода моей жизни? Во-первых, трудности с посещением занятий в Яменске. Надо было ежедневно утром и вечером топать пешком по пять километров в одну сторону. Это если идти прямее через кладки по болоту, а если на деревню Переспа, по проселочной дороге, то будет километров около семи. Сложность была еще и в том, что весной и осенью в распутицу болото покрывалось водой, кладки не были укреплены и вертелись при каждом шаге, нередко приходилось падать в болотную грязь, естественно, в таких случаях было уже не до занятий. Возвращаешься домой, сушишься, переодеваешься, опаздывать на занятия не хотелось, да и не имело смысла приходить к концу учебного дня, приходилось пропускать. Помню в Яменскую школу со мной ходили Николай Кунтыш (работал после войны в местном колхозе), Николай Уласовец (живет в Уречье), Лариса Радцевич и многие другие.

В Яменской школе в те годы было организовано горячее питание учащихся²². Во время большой перемены ребята стремились быстрее попасть в столовую. Там дежурными учениками уже были накрыты столы. Обычно на столах стояли миски с картофелем и шкварками (кусочками поджаренного сала), иногда даже давали добавку. За чей счет питались ребята в школе, я не знаю, но все очень одобряли это начинание. Ведь каждый из нас ходил в школу с полотняной сумкой, куда кроме книжек и тетрадей мать складывала хлеб с салом, колбасой или маслом, чтобы можно было перекусить, пока вернешься из школы домой. А тут горячая пища в школе. Удобно и полезно!

Далее запомнились еще два события. Первое связано с одной девочкой. Звали ее Настя Уласовец. У ее отца водились хорошие свиньи, и он часто помогал нам поросятами. Мать не раз меня отправляла выбрать маленьких свинок, какие мне больше понравятся. А у Насти была серьезная травма ступни — она

не могла правильно ходить и ступала не на пятку, а на ребро ступни. Ни обуть ничего, ни ходить нормально, и ноги постоянно болят. Мой отец очень переживал за нее и часто думал, чем можно помочь несчастной девочке. И вот как-то летом во время каникул отец был то ли в Минске, то ли в Бобруйске. Там он встретил своего хорошего знакомого по фамилии Марзон²³, который был хирургом, видным специалистом. Отец рассказал ему о Насе как о своей дочери. «Привозите, посмотрим, пока она еще ребенок, возможно, есть шанс что-то исправить, кости у детей быстро срастаются», — сказал доктор.

Через год, когда закончились занятия в третьем классе, отец повез Настю к доктору и оставил в больнице. Доктор сказал, когда можно приехать и навестить больную. Ей сделали операцию — сломали кости ступни, а потом сложили как надо, и загипсовали, чтобы они правильно срослись. Примерно через пару месяцев отец привез Настю обратно в деревню. Никто из крестьян не верил, что медицина способна творить такие чудеса! Нога у Наси зажила, выпрямилась, ступня стала нормальной. Правда при ходьбе девочка немного хромала и первое время ходила с палочкой. Но через некоторое время все встало на место. Обувь по размеру подходила на обе ноги, походка выравнилась.

Этот поступок отца еще выше поднял его авторитет у сельчан. К нему шли по любому вопросу. Особенно в связи с коллективизацией. Правда, колхоз здесь создали быстрее, чем в Малых Городятчах. Председателем его был некто Дадака из Яменска. Долго не могли найти бухгалтера, почти все в деревне были малограмотными или вообще неграмотными. В школе организовали ликбез для обучения взрослых²⁴. Мужчины и женщины вечерами после работы садились за парты, за которыми днем сидели их дети, и учились читать, писать, решать задачи. Я часто наблюдал за этим. Бывало, пока мужчина грубой рукой крестьянина напишет слово, с него, как на пашне, семь потов сойдет.

— Легче воза два навоза набросать из сарая на повозку и отвезти в поле, чем написать две строчки на бумаге, — признавались некоторые мужики, пытаясь превратить в шутку уроки письма или арифметики. Чтение давалось легче, а вот ручку с пером тяжело было удерживать — не привыкла к такому орудию труда рука крестьянина. Но когда вошли во вкус, очень были довольны, что научились писать, читать, решать задачи. «Как глаза у слепых котят открылись у нас после учебы», — признавались многие и искренне благодарили учителя.

Как-то осенью, когда я учился в четвертом классе, отец ушел

еще после второго урока, вызвал меня к столу и предупредил: «Окончишь этот урок, позвонишь на перемену, сам проведешь остальные уроки первой смены». Оставалось еще два класса — первый и третий. Такое поручение было большим доверием, но и ответственностью. Я вполне справился со своей сложной задачей. Провел уроки, дал домашнее задание по папиному плану, где он написал, что и кому задать по предмету. А позже отец объяснил, что в колхоз приехал представитель из Любани. Нужен был бухгалтер, а его нет, так уговорили отца временно исполнять обязанности бухгалтера, совмещая их с преподаванием. После этого мне часто приходилось заменять отца в школе, когда он требовался в колхозе как бухгалтер.

Кампания по коллективизации продолжалась. Многие крестьяне не желали вступать в колхоз. Началось раскулачивание²⁵. Зачастую высылали ни в чем неповинных людей: у кого в хозяйстве несколько коров и лошадей, большая семья трудоспособных сынов и дочек и все работают от зари до темна. Если они и богатели, то трудом своим, потом и кровью. Отец возмущался такой практикой властей, но... возражать не посмел. И всегда с неохотой шел составлять акт на оприходование изъятого имущества туда, где хозяйство раскулачивали. Мне приходилось видеть, как силой заставляли людей покидать дома — женщины и дети плакали навзрыд, голосили на всю улицу, навсегда оставляя родные места. Увозили их в Любань на подводах, на станции Уречье грузили в товарные вагоны и отправляли на Урал, в Сибирь или на Соловки. Отец отказывался присутствовать при раскулачивании, старался уехать в Любань, оставляя уроки в школе на меня, но это не всегда удавалось. В годы оккупации эта история имела трагическое продолжение, но об этом я расскажу позже.

А еще одно событие из жизни в Заельном вспомнилось мне после встречи уже в послевоенные годы в Слуцке с известным белорусским писателем Николаем Павловичем Лобаном²⁶. Как это было? Позвонила мне в школу №5 директор городской библиотеки Янович. И как активному читателю предложила принять участие в читательской конференции по книгам Миколы Лобана «Устронь-городок» и «На парозе будучыні». На мое замечание, что я не читал этих книг, она возразила: «Это ничего, они у нас есть... Возьмите, прочитайте... Конференция назначена в следующем месяце. Я позвоню Вам». Пришлось согласиться. Прочел те книги. Понравилось. Выписал кое-что для выступления на конференции — что задело, что вызвало недоумение или возражение, требовало уточнения.

Еще до начала конференции захожу в кабинет директора, она представляет меня незнакомому человеку:

— Наш активный читатель Никольский, замдиректора школы...

— Лобан Николай Павлович, — представился писатель и тут же заметил: — А я был хорошо знаком с одним Никольским. Еще до войны, в деревне Заельное. Это не ваш отец?

— Да, мой, — признался я.

— Так вы Миша? Помню, как же, малым еще был. Да сестру Янину, мать твою помню. Я ведь тогда работал заведующим начальной школой в деревне Пласток, и с твоим отцом вместе ходили мы в Яменск, на заседание методической секции учителей начальных классов. Но поговорим об этом позднее, когда кончится конференция...

Читальный зал не вместил желающих, и конференцию проводили в зале Дома культуры. Народу собралось много, как никак Николай Павлович — случчанин, известный в городе и районе. После краткой информации первое слово было предоставлено мне. Как позже говорил Николай Павлович, мое выступление понравилось. Выступали другие читатели. Потом сам Николай Павлович. А после окончания мы с Николаем Павловичем еще долго не могли разойтись. Он расспрашивал о судьбе моих родителей, сестры, рассказал о своих злоключениях во время войны. Его, раненного в первые месяцы войны, вместе с другими вывозили в тыл на поезде. И во время бомбежки юнкерсы²⁷ сбросили бомбы на эшелон с ранеными. Одна из бомб попала в вагон, где лежал Лобан. Прямым попаданием вагон был полностью уничтожен, в живых остался только Николай Павлович. Чудо да и только! После выздоровления на фронт он уже не попал и трудился на мирном поприще. Когда Белоруссия была освобождена от фашистов, он приехал на родину. Трудился в Минске, в Академии наук республики как кандидат филологических наук. Издал трилогию «Шеметы».

Несколько раз мы с ним встречались в Минске. Однажды он пригласил меня на свою квартиру в Минске и долго и дотошно расспрашивал о буднях партизан на оккупированной территории. Говорил, что никак не может себе представить образ партизана для окончания своей трилогии о Шеметах. Когда черновой материал был отпечатан на пишущей машинке, он дал мне прочесть и заметил, что мой рассказ ему пригодился и кое-какие эпизоды боевых действий партизан он использовал. А в очередной раз он подарил мне один экземпляр со своим автографом. Он хранится у меня как дорогая память. Несколько лет тому назад Николай Павлович умер. Но я помню наши

встречи, и те которые сохранились в детской памяти, и те, что случились позже.

Следует дополнить воспоминания. Настя Уласовец после войны вышла замуж, ее новая фамилия Статкевич. Родила она и воспитала шестерых или больше детей. Живут они все в той же деревне, в новом доме, ни в чем не нуждаясь. Когда приходилось бывать в Заельном, заходил к ним и радовался этой крепкой семье, их жизни. А Настя с благодарностью вспоминала отца за совершенное доброе дело. Думаю, там еще не раз вспомнят добрым словом моего отца — Учителя и Человека с большой буквы. Как не раз вспоминал его Роман Кунтыш, столяр Слуцкого авторемзавода, за то, что научил его в ликпункте грамоте, чтению и арифметике.

Не могу забыть и такой факт. Как-то из Любани приехал представитель отдела народного образования для проверки работ учеников четвертого класса по такому предмету как политехнизация²⁸. В школе на столярных станках ребята учились делать скамейки, рамки для портретов, скворечники, веретена, шули для ткацких станков (такой станок в деревне называли «кросна» и использовали для ручного ткачества льняного и шерстяного полотна) и другие изделия из дерева. Посмотрел представитель на наши работы и отобрал некоторые на районную выставку ученического творчества и мастерства. Одновременно он увидел у нас дома мои рисунки простыми и разноцветными карандашами. Некоторые рисунки ему понравились, и он попросил их для районной выставки. Через несколько дней я получил конверт с извещением и приглашением на районную выставку, где демонстрируются мои работы. Она проводилась РОНО²⁹ и райкомом комсомола³⁰ в Доме культуры. Комиссия или жюри выставки признала мои рисунки одними из лучших, и в качестве поощрения мне были вручены Диплом третьей степени и бесплатная путевка в пионерский лагерь³¹. Дома не ожидали такого успеха от ученика пятого класса Яменской школы.

Летом того же тридцать шестого года побывал я в пионерском лагере. Там впервые встретил юного авиамоделиста³² Ленку Манкевича. Он и в лагере продолжал работу по созданию моделей самолетов-истребителей. Однажды на поляне в лесу около одной из деревень Турокского сельсовета Леня запустил модель небольшого истребителя с резиновым мотором. Вокруг собрались любопытные. Модель полетела вверх, совершила крутой вираж и тут же стремительно понеслась вниз. Я даже не успел сообразить об опасности, как эта модель врезалась

своим тупым носом прямо в лоб. Ребята вокруг долго смеялись, а мне было не до смеха. На месте удара выступила кровь, и я чувствовал острую боль. Леня, считая себя виноватым в случившемся, подошел и извинился. Мы с ним потом долго не виделись, хотя во время войны и после нее встречались часто, и имя это еще не раз мелькнет на страницах этой книги.

Окончить воспоминания о Заельном мне хотелось бы рассказом о простых бытовых вещах. Корова наша, Рыжуха, принесла нам четырех телушек, но сама она с каждым годом старела. Уже при покупке ей было двенадцать лет, а теперь начали выпадать зубы, стало сложно ее кормить. К нашему общему сожалению отец с матерью решили корову продать заготовителю кооперации райсоюза³³, а себе оставить одну из телушек, которая уже всем понравилась, и кроме того вскоре должна была родить.

Эту телушку мы с сестрой с первых дней ее появления приручили. Летом она вместе с нами лежала в тенечке, а еще рядом устраивался поросенок. Прохожие крестьяне удивлялись дружбе детей с телянком и поросенком. Когда телушка начала подрастать, мне нравилось с ней баловаться: брать за появившиеся рожки и, упираясь в землю, тянуть на себя, теленок сопротивлялся, с каждым разом все сильнее и сильнее. Рожки заострялись и твердели, теленок начал бодаться. Пришлось отцу пригласить крестьянина, чтобы тот отпилил острые концы рогов «нахальному» телянку. Потом телушка стала более спокойной. Но даже будучи взрослой коровой, отличалась тем, что не подпускала к себе никого чужих, а шла только к хозяевам. И если мать болела или отлучалась куда-то, никто, кроме нас, не мог ее подоить. Ростом она была выше предыдущей коровы, своей матери, черно-белая, красивая, как на картинке, с тонкой блестящей шерстью и пятым соском на вымени. Летом она давала по ведру очень жирного молока. Если мама ставила кувшин молока киснуть, то получалось полкувшина сметаны. А какие вкусные сыры мать засушивала на солнце в марлевом мешочке на зиму — жирные, желтые, прямо объеденье. Вдоволь было масла, сметаны, творога, сыворотки, масленки³⁴.

Хорошо росли и поросята — с первых дней (поздней зимой или ранней весной) поросята кормились свежим молоком, потом бульоном с картофелем тоже на молоке, потом поросята регулярно питались сывороткой, масленкой с молодым клевером или другой травой. Если в сарае было холодно, то поросята ночевали на кухне — для них была приготовлена в ящике специальная постель из старых тряпок. Поросят часто мыли

и купали. Немудрено, что за каких-то десять месяцев из поросят вырастали кабаны до десяти и более пудов весом³⁵.

Кабанов откармливали: измельченный молочай, копытник и другую зелень мешали с тертой вареной картошкой, добавляли обмешку. Обмешку готовили из смеси муки овса, ячменя, гороха и желудей. В углу нашего участка, огороженного елками, на сухом месте рос огромный дуб, с которого мы с сестрой собирали до трех мешков желудей. Их сушили, очищали от шелухи, измельчали и добавляли в обмешку для кормления свиней. А часть желудей отец использовал для приготовления «кофе», который все с удовольствием пили. Всегда были свои колбасы, мясо, сало, яйца. В канавах мы разводили уток и гусей, во дворе кур и цыплят. За ними надо было постоянно следить, чтобы не утащил коршун или чужой кот. Словом, хорошая, спокойная у нас была жизнь. Но судьба распоряжается по-своему.

Отцу очень хотелось, чтобы рядом с домом была река, сосновый лес с грибами и ягодами. Мать в свою очередь скучала по своей Кличевщине. Летом, когда я был в пионерском лагере, отец поехал на Кличевщину, чтобы подыскать подходящее место. Вскоре отец вернулся в Заельное и сообщил, что есть место учителя начальной школы в одной из деревень на Кличевщине. Мать согласилась на переезд в родные места. А в Любаньском РОНО отец оставил заявление об освобождении от занимаемой должности в связи с переездом на новое место работы и жительства. Когда же в августе, после сдачи школьного имущества, он поехал в Кличевский район, оказалось, что «надо было раньше приехать, туда послали другого учителя». Отец вернулся ни с чем, озабоченный. И здесь потерял место и на новое опоздал. Правду говорят люди — «от добра добра не ищут». В этом мы убедились в полной мере. Пришлось отцу искать работу и жилье. А поскольку в школах все места уже были заняты, то пришлось отцу сменить учительскую профессию.

Вскоре семья переехала в деревню Бариков Любаньского района, где была создана МТС — машинно-тракторная станция для обслуживания техники части колхозов района. Отца взяли бухгалтером МТС. Мы жили в двухкомнатной квартире в одноэтажном кирпичном доме на возвышенности среди болот, которую местные жители называли «Цахмином». Правда, прожили мы здесь всего один год, но и он запомнился мне своими событиями.

Во-первых, памятна мне учеба в шестом классе. Ходить надо было километров за пятнадцать в деревню Коммуна, где находилась неполная средняя школа. В этой деревне

красноармейцами Чонгарской дивизии был создан колхоз имени Белорусского Военного Округа, прославленный знаменитым белорусским поэтом Янкой Купалой в поэме «Над рекой Орессой»³⁶. Отец поехал туда и договорился со своим знакомым ветврачом по фамилии Величко, чтобы я жил у них на квартире. В субботу после уроков я шел домой в свою деревню, а в воскресенье с котомкой продуктов за плечами возвращался на квартиру Величко, чтобы в понедельник быть на уроках.

Первый раз отец завез меня туда на подводе, доставив постель с подушкой и продукты на первую неделю. Вместе со мной ходили в школу и жили на квартирах Аркадий Вечер (погиб как партизан в декабре 1941 года около деревни Нежин от рук полицаяев, которые устроили засаду), Юлик Дытман и другие ребята, фамилии которых я уже, к сожалению, не помню. Ходили мы вместе через деревню Нежин, где к нам присоединялись Михаил Заблоцкий и Ева, кажется, ее фамилия была Сулим, после войны они поженились и жили в деревне Коммуна, где Михаил был главным бухгалтером колхоза (в последние годы они продали свой дом и уехали в Кисловодск). Иногда нам везло: за деревней Нежин километрах в двух начиналась узкоколейка, где останавливался небольшой паровозик-кукушка³⁷ с вагончиками, на которые грузили тюки сена, доставленные на «полуторках» и «трехтонках» «ЗиС-5»³⁸ из совхоза «Жалы». Машинистом паровозика был некто по фамилии Цибулько. Если на узкоколейке стояли вагоны на погрузке, мы спешили к Цибулько и упрашивали его подвезти нас. Он никогда не отказывал и брал нас с собой, а у деревни он притормаживал и мы спрыгивали на землю. Эта узкоколейка, как я узнал позже, была подарена немецкой делегацией рабочих еще, кажется, в 1929 году. Кроме того, они подарили колхозу одну или две грузовые машины. Кстати, один сын Цибулько учился в шестом классе вместе со мной, семья их жила в Коммуне, и я часто бывал у них дома после уроков. Позже отец всегда подвозил нас до места, где начиналась узкоколейка, а Цибулько подсказывал примерно время, когда вновь приедет за сеном. Иногда нам удавалось, возвращаясь из школы в субботу, успевать к отходу грузовиков в совхоз «Жалы» после выгрузки сена. В Барикове мы слезали с машин и благодарили шоферов, которые просто так нас подвозили. Трехкилометровый участок дороги Нежин — Бариков был песчаный, с глубокими колеями от колес машин, и пешие переходы по нему очень утомляли. Идешь-идешь, а ноги тянут назад по песку.

Еще запомнились в Барикове полеты планеров³⁹. Их привезли в разобранном виде, собирали на месте, как раз около наших двух

домов на Цахмине. В кабину одного из собранных самолетов залез молодой планерист. Сзади хвост был прикреплен к своеобразному крюку, торчавшему из земли. Спереди снизу планер цеплялся за середину резинового каната, длиной почти в пятьсот метров. Планер находился на возвышенности, рядом с нашими домами, за оба конца каната брались больше десятка мужчин и опускались в низину, натягивая его. Когда руководитель полетов убеждался, что канаты натянуты достаточно сильно, он подавал сигнал, планерист нажимал на рычаг, освобождавший кольцо резинового каната из крючка, и планер плавно парил, поднимаясь все выше и выше над окрестностью. Некоторым планеристам удавалось полетать несколько минут и довольно удачно спуститься на землю. Тогда планер вновь поднимали наверх, закрепляли хвост, очередной планерист залезал в кабину, опять до предела натягивался резиновый канат, руководитель давал старт и планер взмывал ввысь. Однажды планерист не сумел справиться с управлением, и планер, только поднявшись в воздух, рухнул на землю, и, конечно же, развалился. Планерист не покалечился, но ударился сильно. Говорили, что он растерялся, когда поднялся слишком высоко, не знал, что делать в этой ситуации. Но сколько было радости и восхищения, когда полет удавался. Такое не забывается!

Оканчивалось первое полугодие. По всем предметам у меня стояли оценки «отлично». Я привык к новым людям, преподавателям (помню наших учителей Демидовича и Старовойтова) и ученикам, появились друзья из школы и из колхоза. Осенью нас часто после уроков приглашали на работу в колхоз — убирать морковь, или в соседний совхоз имени 10-летия БССР (иногда его называли совхоз Сосны) на уборку конопли, она занимала на торфяниках значительную площадь, росла высокой, стебли толщиной до пяти-шести сантиметров. Работникам совхоза было выгодно сеять коноплю, так как в совхозе был свой завод по переработке, а рядом находилась станция железной дороги Сосны-Старушки-Житковичи. Работая там, мы со многими познакомились и подружились. Я был доволен школой, квартирой, учителями, друзьями. Казалось бы все хорошо. Но жизнь диктует свои условия.

Прихожу я как-то в выходной день домой на Цахмин, до окончания полугодия оставалось несколько дней. Квартира на замке, а соседка подает мне записку. Разворачиваю, узнаю почерк отца. Он писал: «Мишка! Меня пригласили на работу

в совхоз „Жалы“, дали квартиру. Это по прямой дороге километрах в семи от Барикова. Приходи, найдешь нас». Темной декабрьской ночью пришел я к родителям. Дом узнал по светящимся окнам — нигде света нет, а в нашем горит. Я так и подумал, что меня ждут. Естественно, мама в слезы от радости, что нашелся сынок. А на другой день отец взял лошадь в совхозе, и мы на санях поехали в Коммуну, чтобы забрать документы из школы, а на квартире — постель и другие вещи, рассчитаться с хозяевами и поблагодарить их. Учителя упрашивали меня остаться до конца года, но отец был против, сказал, что есть школа ближе, и что мне будет удобнее учиться, живя дома, а не на квартире. Учителя согласились, и мы уехали домой.

До начала каникул я успел еще пойти в новую семилетнюю школу в деревне Загалье. Мы сдали документы директору, и он зачислил меня со второго полугодия в шестой класс. Директором был, как сейчас помню, высокий и солидный человек — Степан Яковлевич Радько⁴⁰, историк. Он сразу написал на заявлении резолюцию «Зачислить», отметив с удовлетворением, что в таблице успеваемости стояли почти все оценки «выдатна» — «отлично» на белорусском языке.

От поселка Жалы до деревни Загалье в то время, когда дорога петляла по болоту через греблю⁴¹, вокруг озера, среди кустарников и сосенок по песчаным более высоким местам, расстояние было более пяти километров. Ходить приходилось каждый день в любую погоду. Когда зимой болота замерзали, разливы воды от осенних дождей на болотах и озере покрывались льдом, мы умудрялись ездить в школу на коньках, прикрепляемых к ботинкам на винтах, а чтобы прочнее было, коньки укрепляли ременными полосками сверху и снизу ботинок. Если было много снега, использовались лыжи — тоже было удобно.

Со мной вместе ходил в школу сосед по дому Петр Петреня (наш дом имел два крыльца и по две отдельные квартиры, отец Петра — Иосиф был отличным плотником и столяром, честным и простым человеком, кроме того в семье была мать и сестра Надя, еще маленькая). Обычно к нам присоединялись Коля Замжицкий (с послевоенных лет живет в Слуцке в своем доме), Марченко, братья Шишло, Саша Калиновский, Мария Шуляковская и многие другие. С такой компанией было не страшно ни ночью, ни ранним утром, когда вокруг в поисках пищи стаями бегали оголодавшие волки. Сколько раз приходилось встречать их по пути в школу или из школы!

Михаил Никольский, 1937 год

Постепенно начал привыкать к новым условиям в другой школе. Вскоре после начала занятий во втором полугодии меня избрали председателем учкома⁴². Пришлось оставаться после уроков. В таких случаях меня всегда выручали Петр Петреня и Коля Замжицкий, которые ждали окончания заседания учкома, чтобы вместе идти домой в Жалы. Мне нравились учителя Радько, Макарченко, Сарнацкий. В Загалье я успешно закончил семь классов⁴³. Летом мы с Петром на колясках ездили в лес за дровами, ходили с сеткой-«топтухой»⁴⁴, как ее называли местные жители, ловить рыбу на канавы или на озеро Загальское, за ягодами, грибами и орехами. Мы всегда были вместе с Петром. Он был музыкантом-самоучкой — умел играть на гармонии, балалайке, скрипке, гитаре, меня учил играть на балалайке

и мандолине — все эти инструменты были у него дома, а жили мы рядом. Учился он слабее, но мы дружили честно и искренне, делились всеми новостями и личными впечатлениями, и никто из нас никогда не подвел друг друга. После войны я его ни разу не встретил, он построил собственный дом в Бобруйске, но вскоре умер от военных ран, оставив мать и сестру. У меня сохранилась лишь его фотография довоенного времени, но память о надежном друге осталась на всю жизнь. Так и должно быть!

После окончания семи классов в Загалье встал вопрос, где учиться дальше, в какой школе? Дома после долгого обсуждения все согласились с предложением отца: только в Любани! Удобнее нигде не будет. Через Любань на Уречье ежедневно из совхоза ходят грузовые машины с тюками сена, можно будет ездить на них, а в Любани у отца еще остались знакомые. Как-то отец поехал в райцентр, договорился с Яковом Лагуном, тот согласился взять меня на квартиру, конечно, за определенную плату.

Перед началом учебного года, помню хорошо, отец, погрузив в кузов машины подушку, постельные принадлежности и прочие необходимые личные вещи, продукты на неделю. Хорошо, что она не везла сено, а ехала по бухгалтерским делам в госбанк. Меня отец усадил в кузов с вещами и повез в Любань на квартиру. Дом Лагуна находился на самом берегу реки Оресса по шоссе из Любани на деревню Сорочи. Рядом был мост на уровне выложенного булыжником шоссе. Чтобы попасть в дом, нужно было спуститься по шоссе вниз метра на два, через какую-нибудь сотню метров повернуть налево, открыть калитку, по узкому, около метра, проходу подняться вверх по дорожке и через полсотни метров будет крыльцо и входная дверь.

Хозяина дома не было, хозяйка Елена (к сожалению, не помню отчества) — акушерка, после окончания смены в родильном отделении райбольницы сидела дома с двумя сыновьями — Вовой и Левой, оба они были школьники. Хозяйка нас радушно приняла, немного поговорила с отцом, потом показала комнату с кроватью, где мне предстояло жить и учиться. Мы с отцом перенесли мои вещи и продукты в отведенное мне место. Вскоре пришел и сам хозяин. Разговор продолжился уже за столом, естественно, с угощением и рюмкой водки. А я продолжал раскладывать письменные принадлежности и кое-какие учебники на столе. Ведь завтра было 1 сентября — начало учебного года. Накануне отец завез мои документы директору Любанской средней школы, и тот поставил на нашем заявлении свою подпись: «Зачислить в 8-б класс».

Вскоре мы с сыновьями Лагуна пошли в школу, чтобы узнать,

где находятся классы. В двухэтажном школьном здании наш класс находился на первом этаже. В этом же классе учился старший сын Лагуна, сейчас я уже не помню, кого из братьев как звали. На первом уроке классный руководитель познакомил нас с расписанием занятий, предварительно проверив, кто с кем сел за одной партой и одобрив такой план класса. Я сел с незнакомым мальчиком, потом оказалось, что зовут его Николай Дедюля, сам он был, кажется, из деревни Осовец, что по дороге из Любани в Глуск. Но тоже жил на квартире, кстати, недалеко от меня. Мы хорошо подружились, вместе готовили уроки, домашние задания. В соседней с моей комнате жил Щербаченя Николай Титович — преподаватель белорусского языка и литературы⁴⁵. Он был холостяком и одним из первых в райцентре купил велосипед. Признаюсь честно, когда никого не было дома, я пытался учиться ездить на его велосипеде в узком проходе от дома до улицы. Хозяйка однажды увидела меня, но не ругала, а предупредила, чтобы я не поломал велосипед. Ее сыновья тоже учились кататься на этом велосипеде, мне не хотелось, чтобы в случае какой поломки вина ложилась на меня, поэтому я старался присутствовать при их катании, но не выдавал их учителю. Однако скоро наши уроки велосипедной езды окончились, учитель, видно, что-то заметил, купил цепочку с замочком и все — не возьмешь.

В то время я ближе узнал своих новых друзей — Володю Луковского, Болеслава Куркевича и его младшего брата Карла, снова встретил Леонида Манкевича, который учился в шестом классе. Из учителей мне запомнился Шаплыко Александр Антонович, он преподавал химию и одновременно был завучем школы. К сожалению, не помню имен других преподавателей, даже учителя русского языка и литературы, хотя его уроки оставили глубокий след в памяти.

Помню, на одном из уроков, когда мы начали изучать роман в стихах «Евгений Онегин» Александра Сергеевича Пушкина, учитель решил устроить своеобразный спектакль. В качестве Евгения Онегина он вызвал к доске меня, а в роли Татьяны оказалась Жень Соловьева, сидевшая через парту сзади от меня в том же ряду. Стоим у доски, ждем. Учитель предложил нам взять учебники и читать по очереди слова Татьяны и Онегина. И так это у нас получилось эмоционально и выразительно, что по окончании нашего выступления все ученики хлопали в ладоши. Учитель нас похвалил и поставил оценки «отлично» после того, как каждый из нас ответил на дополнительные вопросы. С тех пор я стал очень стеснительным, краснел при малейшем упоминании об этом «спектакле», хотя на самом деле

после этого урока в моем сердце возникли какие-то новые, неведомые мне до того чувства.

По характеру я вообще был застенчивым, заливался краской каждый раз, когда мать хвалилась моими оценками перед гостями, когда ребята подшучивали, как обычно бывает, когда появляются первые увлечения, первые и поэтому непонятные, трепетные чувства любви, чистой, искренней, тайной для посторонних, скрытой даже от близких родственников и друзей. Одноклассники же после этого «спектакля» на уроке уже открыто намекали, некоторые с цинизмом, с издевкой, о том, что было между нами с Женей. Но «масла в огонь» подлила сама Женя. Очевидно, я ей действительно нравился. Как-то на уроке она попросила у меня ручку. Я подал ей свою через парту. А тогда были в моде железные ручки трубочкой — с одной стороны вставлялся карандаш, а с другой перо (46). Женя написала, что ей было надо, и вернула ручку мне через Николая. Как только я открыл сторону с карандашом, чтобы побольше его вытащить, из трубки выпала записка. Раскрыл, читаю: «Тебе привет», — только два слова. Улучив момент, посылаю с той же ручкой ответ: «Почему ты прислала привет мне?» Так началась между нами своеобразная переписка на уроках, которая возобновлялась каждые пару дней, чтобы не так бросалось в глаза ребятам, а то опять засмеют.

Мы с ней долго переписывались, Женя мне очень нравилась, но однажды читаю ее записку: «Я знаю, в вашем сердце есть и совесть и прямая честь, но... я другому отдана и буду век ему верна». Прочитал я это и слезы навернулись на глаза. Достал я платок, вроде высморкаться, слезы вытер, а в душе остался горький осадок. Я не совсем понял, что она имела в виду, но было ясно, что мои чувства отвергнуты. Тогда я в первый раз подумал: «Вот она женская жестокость!» С тех пор долгое время ни одной девушке, с кем ни встречался, кому ни симпатизировал, кто мне ни нравился — никому не верил, какие бы слова ни говорила. Все казались обманщицами! Правда, позже я кратко рассказал об этой истории Николаю Дедюле, он разговаривал с Евгенией, убеждал меня продолжить дружбу с ней, но мое самолюбие было слишком задето, лучшие чувства оскорблены, и я отказался. Что-то приятное, красивое во мне возникло, часто тревожило своей таинственностью, неизвестностью, но так и не возродилось, увлечение не превратилось в любовь. «Очевидно, так и надо было», — думалось мне позже, наверное не дорос еще до настоящего глубокого чувства в свои пятнадцать лет. Но след этот в памяти остался.

Вспоминаю, как в Любань осенью тридцать седьмого года приезжал один из руководителей республики Червяков⁴⁷. Вся школа вышла на демонстрацию и митинг на центральную площадь райцентра. Красные знамена, плакаты, у всех торжественный вид, улыбки и радость на лицах. Что говорили тогда на митинге, мне не запомнилось. Помню больше реакцию одноклассников. «Зря только уроки сорвались», — сетовали те, кто старался учиться. «Ура! Вот хорошо! Уроков не будет!» — утверждали другие, и таких было больше.

А вскоре по школе стали разноситься слухи о «врагах народа». И в нашем классе появился свой «изгой», «сын врага народа». Директор школы на одном из митингов официально объявил, что среди «врагов народа» оказались и родители некоторых учеников. Позже мы все узнали, что отец Куркевича⁴⁸, старый коммунист, директор МТС арестован вместе с первым секретарем райкома партии и председателем райисполкома. Болеслав⁴⁹ сразу же после митинга почувствовал враждебное отношение значительной части класса, такой необычайный «остракизм»⁵⁰. «Не может быть, — рассуждали мы, — ведь Болеслав честный и хороший товарищ». Но многое тогда нам, молодым, было непонятно. Хотя после этого и мы тоже явственно ощущали какую-то необъяснимую тревогу, которая, казалось, витает в воздухе. В том году почти каждую ночь «черный ворон» (так называлась машина милиции для перевозки арестованных) появлялся неожиданно в разных деревнях района и на улицах райцентра для «уничтожения врагов народа» именем самого народа. Жестокая жизнь круто меняла судьбу многих честных людей в те годы.

Однажды в субботу на автомашине возвращаюсь домой из Любани, и шофер в кабине сообщает, что в деревне будут сжигать лошадей, якобы больных какой-то заразной болезнью, говорят об анемии — эпидемии по всему району. Дома мать подтвердила эту новость. А отец долго возмущался и объяснял всем, что это варварство, что все нужно еще раз проверить, чтобы не погибли здоровые, племенные животные. Перекусив, побежал я к Петру Петрене. Он сказал, что уже и яму выкопали, большую, квадратную, довольно глубокую (пять на пять метров, глубиной метра три). Побежали мы туда, за конюшню, на поляну у леса рядом с полем. Там уже люди ждали, чтобы помочь управиться. Мы остались посмотреть, что дальше будет.

Над ямой уложили толстые бревна вдоль и поперек, клетками. Привели конюхи нескольких лошадей, здоровых и молодых. Работник подошел к одной из них, достал шприц,

наполнил его какой-то жидкостью и сделал укол в шею лошади. Та немного постояла и медленно упала на землю, дрыгая ногами и вертя головой в предсмертных судорогах. Я стоял рядом и видел, как из глаз лошади текли слезы, она словно просила помощи у людей и молча спрашивала «за что?». Я стоял и плакал. А мертвых лошадей сгружали и сгружали в яму. Смотреть на эту нечеловеческую жестокость было невозможно, и мы вместе с другими ребятами оставили это страшное место.

Рассказывали, что после того, как в яме оказалось более десятка лошадей, их трупы облили керосином и подожгли. Они горели всю ночь, распространяя зловонный дым по всей округе. А на окраине леса всю ночь слышался вой волчьей стаи, чувствовавшей запах горелого мяса. Этот год был трагическим и для людей, и для животных.

Впоследствии оказалось, что отец был прав — зря уничтожали здоровых, молодых лошадей в совхозе. Об этом мне стало известно в первые послевоенные годы из книги «Тайная война против Советской России»⁵¹, в которой прогрессивные писатели и журналисты США Майкл Сейрес и Альберт Кан рассказывают, что еще в довоенные годы фашистская агентура организовала провокационную кампанию по ослаблению экономики и обороноспособности Страны Советов. В частности, в Любанском, Старобинском и других, особенно приграничных, районах Белоруссии с целью срыва весеннего сева и мобилизации лошадей в кавалерийские воинские части РККА была проведена массовая акция по уничтожению племенных лошадей под видом «ликвидации эпидемии». Книга эта написана на основании материалов Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками гитлеровской Германии.

В понедельник утром отец договорился с шофером и тот отвез меня обратно в Любань. Мы торопились хотя бы на второй урок, так как на первый я уже явно опаздывал. И снова школьные занятия, уроки, заседания комитета. Так проходит неделя, другая, третья... Вот и первое полугодие оканчивается. Оценки у меня в табеле почти все «выдатна», кроме нескольких «добра»⁵². Вместе с друзьями мы готовим уроки, бегаем на заледеневшую реку кататься на коньках. Словом, все идет как обычно, никаких особых происшествий.

Как-то в субботу приезжаю я на попутной машине домой, чтобы продуктов взять, отдохнуть с семьей и снова в понедельник вернуться в школу. Подхожу к крыльцу, а на дверях замок. Что такое? Останавливаюсь в недоумении. Потом решил пойти к Иосифу Петрене. Он меня увидел и говорит:

— Тебя родители ждали-ждали, не дождались. Часа два тому назад уехали со всеми вещами и корову к саням привязали. Сказали, что уехали в деревню Заелица Глусского района. Так что если постараться, может их и нагонишь.

Стою, думаю: «Вот ведь получилось, прямо как в Барикове». А жена Петрени тем временем предложила: «Заходи, Мишка, хоть покормлю, голодный ведь с дороги». Действительно, я очень проголодался, но в дом заходить отказался, чтобы не тянуть зря время. Тогда она вынесла мне кусок хлеба и сала, сказала, мол, хоть по дороге поешь. Я был очень благодарен.

И зашагал я снова по дороге. Вот знакомая деревня Загалье. Вот в стороне справа Старосек. Не доходя деревни поворот налево. Уже стемнело, когда вдалеке показалась деревня Живунь и хуторок Оснички. Дальше канава и мост. Дорога битая по снегу. Морозит, и снег хрустит под ногами, но вокруг от него светло. Еще светлее стало, когда из-за туч появилась полная луна. Я думал, что это очень хорошо, что видна дорога, потому что мне еще предстояло идти через лес. Вырезал я толстую березовую палку, на случай если собаку или волка встречу. Все-таки страшновато было одному идти через лес и болото. Лес я прошел благополучно, вышел, а там уж и деревня видна. Парни с девушками «на вечёрки»⁵³ идут, многие девушки с пряслицами и пряжей⁵⁴. Деревня эта оказалась Стяг, дальше Славковичи, а за ними та самая Заелица или Стражи.

Пока дошел я до этой деревни, а от совхоза Жалы это почти тридцать километров, во многих хатах уже погасли огни, сельчане ложились спать. Нашел я дом с огоньком в окнах, зашел — может, скажут, где мои родители остановились. Постучал я в окно, а оттуда мама выглядывает. Радости, казалось, не будет конца. Я был просто счастлив, что нашел всех своих. Они еще не успели вещи разложить и постели устроить. Я отказался ужинать, выпил стакан чаю и сразу пошел спать. Не до разговоров было, все-таки усталость давала знать о себе. Как только лег на кровать — сразу уснул.

На следующий день проснулся я почти в двенадцать часов. Мать меня не будила. Отец с утра ушел на работу, он устроился бухгалтером в местном колхозе, и в тот же день его отправили по делам в Глуск. Когда я встал, мать уже приготовила и завтрак, и обед.

Сели мы, и она начала рассказывать...

Сотрудники бухгалтерии совхоза «Жалы» Загальского с/с Любанского района. Сидят слева направо: заместитель главного бухгалтера Михаил Замжицкий, главный бухгалтер Александр Никольский, кассир Елена Алейченко. Стоят: бухгалтер Дмитрий Шевченко, счетовод Фёдор Корзун. 1939 год

Когда пожгли лошадей, специалисты составили акт на их списание. А отец, как был с самого начала против этой акции, так и стоял на своем до конца. Он как главный бухгалтер совхоза отказался подписывать этот акт. Директор сильно с ним поругался, позвонил в Минск, в головной трест и изложил свое мнение. Руководитель треста дал согласие на увольнение отца с должности главного бухгалтера. Но отец, не желая мириться с уничтожением здорового поголовья, уже написал заявление об уходе «по собственному желанию». Все произошло так быстро, что родители даже не успели сообщить о случившемся мне.

В тот же вечер отец вернулся из Глуска и у нас состоялся серьезный разговор. Он предложил мне перевестись в школу-десятилетку в деревне Заболотье Октябрьского района, от Заелицы это примерно девять километров. Далековато, конечно, но это ближе, чем Любань. В течение декабря мы договорились съездить в Любань за вещами и документами. Кроме того, надо было на зиму устраиваться на квартиру в Заболотье.

Через день колхозная лошадь на санях помчала нас в совхоз Жалы. Повозку мы оставили на дворе у Иосифа Петрени, который обещал напоить ее и подбросить сена, пока мы не вернемся

из Любани. Но попутка в Любань уже ушла, а директор совхоза дать машину отказался, пришлось нам заночевать и ехать только на следующее утро. В Любани мы забрали документы из школы, о чем очень сожалели мои друзья, потом погрузили вещи из квартиры, рассчитались с хозяйкой и поехали обратно в совхоз. Там быстро запрягли лошадь в сани и еще до вечера были дома.

Теперь мне предстояло идти в Заболотье, отдать документы директору местной школы, чтобы меня успели зачислить в восьмой класс со второго полугодия. Километров пять дорога шла через лес, затем через поле, и всего получалось около девяти километров. Школа находилась в бывшей помещичьей усадьбе, вокруг дома был разбит большой сад, а дорожки были обсажены кустами сирени и акации. В тот же день, после того как были отданы документы, я подыскал себе временную квартиру. Но там было тесно и неудобно: вся семья — муж с женой и две дочки — помещались в одной комнате. Жил я там совсем недолго, пока не познакомился с другими ребятами из Славковичского сельсовета.

Самым близким другом для меня стал Федя Евтуховский, он был на год старше меня, но учился классом ниже. Вскоре я перешел к нему на квартиру, с согласия хозяев, конечно. Спали мы на одной кровати, по очереди готовили себе завтрак и ужин, первое блюдо на обед готовилось в печи под наблюдением самой хозяйки, но продукты для него заготавливали мы. На другой стороне улицы поселка жили одноклассники мои: Владимир Шабановский и Вася Алешкевич — тоже вдвоем на одной квартире. С ними я учился со второго полугодия восьмого класса по десятый. Они вместе с Федей были из одной деревни — Чапаево. С нами в школу ходили Иван Касеец, Михаил Лиходиевский из Славкович, Балтушкин из Заелицы и другие.

В классе было много ребят старшего возраста, высоких и здоровых, девочек было меньше. Конечно, в основном в школе учились местные ребята из близлежащих деревень и хуторов. Помню Ивана Серика, Лобаха (имени не помню), из Хоромцев ходили Иван Пополамов и Вася Алейников, из Ляскович — Аркадий Чернявский. Дружный был класс.

Учителя все молодые, только после института. Среди них особенной простотой выделялся Николай Николаевич Ельницкий. Он даже брюки носил с заплаткой сзади до тех пор, пока не получил первую зарплату и не купил новый костюм. Нам нравилось, что он после уроков оставался с нами и играл в волейбол. Из преподавателей старшего поколения мы особенно любили учителя русского языка и литературы Станислава Францевича Шумовски⁵⁵, его жена тоже работала в нашей

школе — преподавала иностранный язык. Историю преподавал Сухан Андрей Яковлевич, директор школы.

В конце марта, после весенних каникул, мы все оставили квартиры и стали ежедневно ходить в школу из дома: девять километров туда и столько же обратно. Уставали, конечно, но дни увеличивались, оставалось время не только для подготовки уроков на завтра, но и для помощи по хозяйству дома: корове дать сена на ночь, поросенка покормить, дров заготовить, воды принести из колодца. Бывало, когда сестра болела, я и полы мыл в комнате и на кухне, половики вытряхивал, словом, все делал, чтобы маме было легче.

Экзамены за восьмой класс я сдал успешно. Лето провел дома: то в работе по хозяйству, то в походах с ребятами в лес за грибами, ягодами, орехами. Тем более, в лесу недалеко от деревни в болотине росли высокие кусты крупной и сочной малины. Но и змей с ужами было немало, только успевай под ноги смотри. Нередко встречались волки, косули, дикие кабаны, говорили, что даже рыси и медведи водились в тех местах.

Начался новый учебный год в девятом классе. В начале года на комсомольском собрании нас несколько человек приняли в комсомол⁵⁶. Мы с огромным волнением ожидали вызова на заседание бюро Октябрьского райкома комсомола, еще и еще раз повторяли статьи Устава ВЛКСМ, выписали и регулярно читали «Комсомольскую правду» и «Сталинскую молодежь» (эта газета начала издаваться в 1938 году, ныне «Знамя юности») ⁵⁷, чтобы всегда быть в курсе всех событий как в стране, так и во всем мире. В то время мне попалась книга Николая Островского «Как закалялась сталь»⁵⁸. Прочитал дважды, был восхищен образом Павки Корчагина.

Еще в начале года меня выбрали редактором общешкольной газеты. Я старался выполнять это поручение со всей ответственностью. Директор школы был очень доволен газетой, а те, кого я критиковал, пытались мстить мне разными путями, но друзья-одноклассники, с которыми мы жили на квартирах и вместе ходили в школу, никогда не давали меня в обиду. У меня как у редактора вскоре появились надежные помощники из ребят и девушек — членов редколлегии. К концу первой четверти, ко дню рождения Ленинского комсомола нас вызвали на бюро и утвердили решение комсомольской организации школы, а поскольку все документы уже были оформлены и даже заготовлены фотографии по размеру, то сразу после бюро мы получили комсомольские билеты. Вот было радости и торжества!

При вручении билетов первый секретарь райкома тепло и искренне поздравил нас и дал наказ «дорожить высокой честью

члена Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, брат пример с героя гражданской войны, воина-комсомольца Павки Корчагина». Пусть читающий эти строки не подумает о нескромности автора, но слова Н. Островского о том, что жизнь дается только один раз и ее нужно прожить так, чтобы не было больно и обидно за бесцельно прожитые годы, прямо вонзились в сердце. Такие слова произносятся не часто, и лучше не говорить о них, а претворять в жизнь ежедневно, незаметно, пусть буднично, но на пользу общему делу. С радостью шел я первый раз из школы домой с комсомольским билетом в кармане на груди! Мать и отец одобрили мое решение, поздравили с таким событием, пожелали успехов. Со второго полугодия мы все снова стали на квартиры у прежних хозяев — по двое в каждой.

Каково же было мое удивление, когда в очередной раз я пришел в субботу из школы домой, и мать сообщила мне, что приезжал новый директор совхоза «Жалы» по фамилии Макуценя и, лично убеждая, приглашал отца обратно на прежнюю должность главного бухгалтера. Отец согласился, пообещав ему приехать в совхоз через пару дней, после сдачи дел в канцелярии колхоза новому бухгалтеру из числа работающих там счетоводов-самоучек. Но пока не была готова квартира в новом деревянном двухквартирном доме, которую пообещал директор совхоза главному бухгалтеру с семьей, мы не могли переехать. И наш отъезд затянулся еще на две недели, пока в доме велись последние работы — побелка, покраска и прочее.

Через пару недель отец приехал за нами на автомашине, я как раз был дома. Поговорили с отцом. Отец хотел, чтобы я перевелся в школу в Любань, а я настаивал на том, чтобы остаться в прежней школе. После долгих споров отец согласился со мной. Таким образом, все уехали в «Жалы», а я остался на старой квартире и в той же школе. Осенью тридцать девятого года был призван в армию Василий Алешкевич, ему исполнилось девятнадцать, он попал в финскую кампанию. Там же пришлось воевать и нашему директору Сухану. Он погиб в Финляндии.

После выезда родителей из Заелицы мне пришлось по субботам ходить в «Жалы», более тридцати километров. А по воскресеньям после обеда с полной сумкой продуктов возвращаться обратно в Заболотье, чтобы в понедельник с утра быть на уроках. Положение усложнилось, но иного выхода не было. Привык к школе, к друзьям и ради этого был готов преодолевать любые трудности. А в конце учебного года, в последней четверти, по предложению нового директора на общешкольном собрании меня избрали председателем

ученического комитета. Мне пришлось оставить пост редактора стенгазеты, но членом комитета комсомола я остался, не был переизбран. Опять новые хлопоты и заботы.

Когда я в первый раз пришел домой, то оказалось, что дом наш стоит не в старом поселке Жалы, а дальше километра на четыре, в новом центре совхоза на песчаном острове среди болот, который люди называли Сосны, потому что среди высоких песков там росло несколько старых разлапистых сосен. Мне понравилась новая квартира: две комнаты, кухня, прихожая, пристройка-кладовая с кирпичным погребом внутри для картофеля, овощей и прочих продуктов. Оказалось, что из нашего поселка не только я учился в Заболотской школе. Вместе со мной ходил в эту же школу и тоже жил на квартире Адам Плышевский, из соседнего поселка нашего совхоза с нами училась Вера Сулим, некоторые ребята из Загалья, Старосека, Живуня и других деревень. Хорошо помню Евгению Лещеня, Любу Халаем, Настю Прокопович. У нас был очень дружный класс. Среди ребят выделялись Михаил Бондаренко, Женя Тарасевич, Люба Подловкина из Живуня. Правда, некоторые после девятого класса, как Евгения Лещеня, ушли из школы и поступили в медицинское училище в Бобруйске.

В школу ходить было очень далеко, и дорога не из легких. Приходилось идти через деревни Загалье, Старосек, остров Зыслов среди болот, далее Лясковичи и Заболотье — не менее тридцати пяти километров, это около шести часов пути пешком. И так каждую субботу из школы и в воскресенье с продуктами обратно. Ходили, конечно, не в одиночку, а группами по пять-шесть человек, иногда собиралось и больше.

За полтора года учебы не произошло нечего особо запоминающегося. Если не считать довольно частых встреч в лесах и на болотных тропах с ужами, ежами, зайцами, а то и с дикими кабанами, волками. Приходилось наблюдать и различные сцены из жизни животных. Не раз мы видели, как дерутся ежик с гадюкой, всегда побеждал ежик. Очень часто гадюк ловили аисты. В природе можно встретить много интересного, если внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг, даже рядом с твоим домом. Я, например, никогда бы не подумал, что уж может сосать молоко у коровы из вымени, если бы не видел этого сам, когда мама позвала меня помочь ей с коровой. Дело было утром, мама пошла доить корову, а я вышел, чтобы выгнать нашу буренку в общее совхозное стадо, пока пастух его не увел далеко. Тут мама увидела ужа, который присосался к коровьему соску и спокойно завтракал, уже растолстел весь от молока. Мама сначала испугалась, что это

гадюка, но потом выяснилось, что это просто уж, и мы все потом долго смеялись над этой историей.

Видели мы с ребятами, как весной по залитым водой болотам рыбы, в основном щуки, выплывали на нерест на мелководье, а сверху стрелой падал коршун, пытаясь схватить щуку. Это удавалось не часто, так как рыба была большой и сильной. Обычно сцены «коршуновой охоты» мы наблюдали каждый раз по дороге домой, так как происходило это все недалеко от тропинки. Однажды коршун поймал щуку, но выронил из когтей и она упала на купину⁵⁹, кто-то из ребят кинулся в воду — там было всего по колено — щука упала неудачно — голова в воде, а большая часть тела на купине — не уплыть. Лежит, мотается по сторонам, и ни с места. А рыба большая, одному ему не справиться.

— Давай кто на помощь! — крикнул он нам.

Обломав толстую палку у тропинки, мы с еще одним парнем пошли ему на помощь. И только после того, как рыбу оглушили, она замерла, и мы смогли ее поднять. Дома ее взвесили, оказалось — почти шесть килограммов, разделили на троих. Хорошая уха была дома!

Вскоре настала пора экзаменов. К концу учебы у меня и у других ребят на квартирах, что мы снимали, не осталось почти никаких вещей — все уже успели перенести домой. Экзамены у нас были через два дня, и каждый готовился дома, успевая по дороге прихватить кое-что из вещей. А незадолго до этого состоялись собрания по выборам новых общественных формирований и их руководителей. Мне как члену комитета комсомола и председателю ученического комитета за активное участие в работе вручили ценный подарок с официальными подписями новых активистов, классного руководителя, директора и завуча школы, и Почетную Грамоту школы. На экзаменах мне повезло — все предметы я сдал на «выдатна», а на выпускном вечере получил аттестат о среднем образовании, комсомольскую характеристику и Похвальную грамоту, которую давали тем ученикам, у кого в аттестате стояли все оценки «выдатна». После официальной части был праздничный стол, музыка и танцы. На всю жизнь осталась память о днях учебы в Заболотской средней школе.

Глава 2

1940—1941. Студенчество

Друг мой, Федя Евтуховский, еще после девятого класса поступил в Новобелицкое педагогическое училище под Гомелем. А для меня вопрос о том, куда пойти учиться, встал после окончания десятого класса. Я пытался разговаривать с ребятами, чтобы по возможности поступать в один вуз, но никакого согласия не получилось ни с одним выпускником, видимо, они не надеялись на свои знания, сравнивая аттестаты. Родители тоже не настаивали: «Думай сам, тебе решать, какую выбрать специальность, чтобы не жалеть потом всю жизнь».

Я внимательно следил за объявлениями о предстоящем поступлении в высшие учебные заведения страны в газетах «Комсомольская правда», «Сталинская молодежь», но ничего подходящего для себя не встречал. Приехал я в Любань, в надежде встретить бывших одноклассников, посоветоваться с ними. Сел на лавочке в центральном сквере, вдруг идет Андрей Сухан из нашей Любанской школы с газетой «Комсомольская правда» и показывает мне объявление о том, что Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта⁶⁰ объявляет прием абитуриентов на очередной учебный год. Он отдал мне этот номер газеты, чтобы я прочитал условия приема, и предложил подумать. Андрей уже решил поступать в Новосибирск и принялся уговаривать меня:

— Ты что, Мишка, у тебя и аттестат отличный, тебя без экзаменов примут, так в условиях приема написано.

— Далеко очень, и билет будет дорого стоить, — пытался я возразить.

— Что ты! Я был в райвоенкомате, там оформят бесплатный проезд, — отмел мои сомнения Андрей. — Поедем сейчас в военкомат, сам убедишься.

Заходим в военкомат. Все правильно. Там тоже меня принялись уговаривать. Сказали, когда зайти для оформления проездных документов.

Еще с детства я восхищался одним видом паровоза, его силой, могуществом. Профессия железнодорожника казалась мне таинственной, загадочной. Я мечтал, и даже во сне видел что-то похожее. Приехал я домой, рассказал родителям. Мать, как обычно, заплакала, что редко будет меня видеть, что это далеко и все так неопределенно. А отец сразу согласился, мол, как решил, так и действуй.

В июле сорокового года мы с Андреем Суханом получили в райвоенкомате бесплатные проездные документы от станции Уречье до Новосибирска, выписались в паспортном столе и договорились, в какой день встретимся уже на станции в Уречье. С комсомольского учета в Октябрьском райкоме комсомола я снялся еще раньше, когда оканчивал школу в Заболотье.

На грузовой автомашине с чемоданом из фанеры, который мы с отцом сколотили сами, приехал я на станцию Уречье. До прихода поезда из Слуцка было часа два. Сел на скамейку на перроне и наблюдаю за происходящим, жду Андрея. Примерно через час отец привез его на подводе, тоже с самодельным чемоданом из фанеры — купить чемодан до войны было трудно и в селе, и в райцентре. Вскоре со стороны Слуцка появился пассажирский поезд, остановился. Мы сели в плацкартный вагон. Очень нас удивило то, что пока доехали до Осипович, в вагоне несколько раз появлялись пограничники — проверяли документы. Если в паспорте стояла виза (штамп №1), как у всех жителей приграничных районов республики, то пассажир продолжал путь дальше. Если же в паспорте такой постоянной визы не было, то пассажира высаживали на очередной станции и предлагали покинуть пограничный район⁶¹. Из Осипович поезд шел в Минск, и там не менее пяти раз появлялись пограничники. В Минске была пересадка на Москву. В кассе мы быстро закомпостировали билеты⁶², подождали своего поезда и уехали. По пути до Москвы еще несколько раз были проверки документов. Это показалось нам странным.

Позже оказалось, что уже в 1939 и 1940 годах фашистская разведка, несмотря на мирные и формально «дружественные» отношения СССР и Германии, засылала своих шпионов и диверсантов на нашу территорию. Тем более, что возрастала угроза войны в Европе. Гитлер к июлю 1940 года уже захватил Чехословакию, Австрию, Польшу и другие европейские государства. Значит, нужна бдительность. В печати и по радио постоянно рассказывали о героизме советских пограничников. Помню, еще раньше, когда мы учились в школе, в Малогородячицкой и Заельницкой начальных школах нередко устраивали встречи с пограничниками, которые рассказывали о шпионах и диверсантах, советовали учащимся, как поступать, если в деревне появится незнакомый человек и будет о чем-нибудь спрашивать. Один раз всем ученикам даже пришлось участвовать в прочесывании леса и посевов ржи вместе со взрослыми, но там никого не нашли.

Поезд приближался к Москве. Для нас это были волнующие

минуты. Какая она — столица нашей Родины? Только по фотографиям в газетах да по сценам из немого кино знали мы этот город. За окном мелькают пригородные станции. Наконец из репродуктора по всем вагонам раздался голос начальника поезда: «Уважаемые пассажиры! Наш поезд приближается к столице нашей Родины, Союза Советских Социалистических Республик — городу Москве». В эти минуты мы чувствовали какое-то торжество, ожидание встречи с неизвестным.

Поезд остановился. Белорусский вокзал. Началась высадка пассажиров. Мы с Андреем стараемся держаться вместе, чтобы не потеряться в огромном потоке прибывших и встречающих. Узнали, что нам надо на Ярославский вокзал. Решили, что на такси ехать нам не по карману — дороговато, и направились к метро. Но к кому обратиться простым деревенским парням из белорусского Полесья с фанерными чемоданами в руках. Мы долго крутились на одном месте и наверняка обращали на себя внимание окружающих, но нас обходили стороной. Пока мы стояли и думали, у кого спросить дорогу, к нам подошел молодой человек:

— Вам куда, ребята?

— На Ярославский вокзал.

— Согласны по рублю? Я проведу.

Подумали, и чтобы не терять зря времени решили согласиться. Вслед за провожатым направляемся в метро, стараясь не отстать. Бросили по пятак, чтобы пройти к эскалатору и сесть в вагон. Через некоторое время поезд остановился, и наш провожатый предложил идти за ним к выходу на вокзал. Расплатившись, мы поблагодарили его и пошли в кассы. Однако нам не удалось закомпостировать билеты не то что в одно купе, но и в один вагон. Пришлось согласиться с местами в разных плацкартных вагонах. До отхода поезда оставалось почти 8 часов, мы сдали чемоданы в камеру хранения и решили погулять по Москве.

На площади около вокзала стояли автобусы для туристов на экскурсию по Москве. Мы купили билеты, и вскоре автобус доставил нас на Красную площадь. По предложению экскурсовода мы вышли из автобуса и подошли к мавзолею Владимира Ильича Ленина: увидели смену часовых, кремлевские башни, брусчатку на площади. Это произвело на нас такое впечатление, что не передать на бумаге. На всю жизнь запомнились те минуты! Побывали на Воробьевых горах, у многих памятников, проехали по музеям В.И.Ленина и революции и вскоре вернулись на Ярославский вокзал. Здесь мы перекусили своими продуктами, что родители в дорогу собрали, попробовали московского

мороженого — оно отличалось от того, что продавали в Любани и запахом, и вкусом.

Вскоре по радио объявили посадку на поезд Москва-Новосибирск. Мы поспешили в камеру хранения за чемоданами, а потом побежали на перрон искать свои вагоны. Захожу я в свой вагон и оказывается, что он переполнен пассажирами, среди которых много женщин и детей. Пришлось мне потесниться и уступить свое место пожилой женщине с ребенком. А сам пересел на боковую лавку внизу к двум юношам.

Семь суток ехали мы до Новосибирска. В дороге со всеми перезнакомились. Мне, как и тем двум молодым людям, всю дорогу пришлось по ночам спать сидя на боковой лавке. Поскольку дорога была однокорейкой, а поезда на Восток и с Востока (вспомним события на озере Хасан и на реке Халкин-Гол) ⁶³ в основном шли с военными грузами, курьерские, то наш пассажирский нередко загоняли в тупик на какой-нибудь станции, пока не освободятся пути.

Наконец, приехали мы в Новосибирск. Измучились, как никогда раньше после тяжелого труда. Стоим с Андреем и размышляем: «Не зря ли мы приехали в такую даль?» Но решили, что если приехали, то надо действовать дальше. Расспросили, как попасть по нужному адресу. Доехали мы на трамвае, вышли, точно: вот улица Дуси Ковальчук и угол Красного проспекта. Прошли несколько сотен метров и остановились у проходной. Рядом высокий забор с натянутой колючей проволокой. Сели на свои чемоданы и замолчали.

— Ну что сидеть без толку, пойдем, — предложил Андрей.

На проходной дежурный просмотрел наши вызовы, другие документы и указал путь в здание, где принимали поступающих. В большой комнате для временного проживания, где было не меньше сотни железных кроватей, нас встретил дежурный с красной повязкой на рукаве. Он тоже посмотрел вызов, показал свободные кровати и повел нас в камеру хранения для сдачи чемоданов. Он сказал, что завтра с утра мы должны пройти санпропускник⁶⁴ вместе со своей группой.

Однако, поскольку за семь суток в вагоне спать почти не пришлось, то сон на новом месте затянулся почти на сутки, сколько нас ни будили, мы не проснулись и в санпропускник опоздали. Ребята посмеялись, но мы прошли его на следующее утро с другой группой. Когда я вернулся из санпропускника в институт с бумажкой и штампом о прохождении медкомиссии, пришлось спешить на военно-медицинскую комиссию. Комиссия располагалась в этом же здании в другой большой комнате. Вдоль стен стояли столы, за которыми сидели врачи всех необходимых

специальностей. Входили в комнату голыми, как мать родила. Конечно, стесняясь и заливаясь краской от стыда, ведь почти половина врачей были женщины. Когда я прошел всех врачей и каждый из них поставил на листе свое заключение, меня осмотрел старший врач, пробежал мой медицинский лист, задал несколько вопросов о здоровье, а потом спросил:

— Почему вы не поступаете в авиационное училище? По состоянию здоровья вы вполне подходите для этой профессии.

Но мне такая мысль в голову не приходила раньше, а теперь я уже не хотел отказываться от своего решения.

На следующий день с утра всех абитуриентов собрали в актовом зале, и кто-то из начальства кратко рассказал нам об институте военных инженеров железнодорожного транспорта, единственном в стране, об условиях учебы, ответил на многочисленные вопросы. Совершенно неожиданной была для меня новость о том, что без экзаменов будут приняты только 50% отличников, успевших подать документы в числе первых, а остальные будут сдавать конкурсные экзамены на общей основе. А конкурс был 12 человек на место. От неожиданности я опешил — ведь я совсем не готовился к экзаменам!

Попали мы с Андреем в разные группы, по своим предметам сдавали экзамены в разные дни с небольшим интервалом. На наших экзаменационных листках с фотографиями появились первые оценки. У меня «пять» по математике письменно и устно, русскому языку и литературе, «четыре» по химии и «тройка» по немецкому языку.

Экзамен по немецкому по сути меня ошеломил: в аттестате «пятерка», а тут «тройка». Помню, вытянул билет с вопросами. Про себя четко прочитал текст, вроде перевел его неплохо. Сажу спокойно, жду вызова. И вдруг сосед толкает меня в бок и шепчет: «Иди, это тебя отвечать вызывают». Как оказалось, экзаменатор уже дважды приглашал меня к столу, но поскольку вызовы повторялись на немецком языке, я его не понял. Никто к столу не выходил, хорошо, сосед выручил, догадался толкнуть меня и подсказать. Мне было очень, неприятно, неудобно и стыдно перед экзаменатором. Но это была не вина моя, а беда. В результате беседы экзаменатор сказал:

— Ставлю вам «удовлетворительно», так как читаете и переводите вы в целом хорошо, но разговорного языка не знаете.

Это было правдой. Учитель немецкого языка в Заболотской средней школе сам не владел разговорной речью, и потому ограничивался чтением и переводом текстов, а также правилами грамматики.

Мы встречались с Андреем, делились впечатлениями. Однажды он пришел очень встревоженным, угрюмым, в плохом настроении и сразу мне сообщил:

— Для меня все кончено. Завтра уезжаю домой. Понимаешь... — после некоторого молчания он продолжил, — получил «неуд» вчера за сочинение по русскому. Я уже забрал документы, купил билет по брони за свои деньги. Пришел с тобой попрощаться.

После минутного молчания спросил: «Как у тебя дела?» Я показал ему свой экзаменационный лист. Увидев у меня «тройку» по немецкому, сразу сказал: «Не пройдешь по конкурсу. Давай со мной». Его слова заставили меня задуматься. Вроде, он прав, но я все равно не успею оформить документы, чтобы уехать вместе с ним. Андрей уехал один, сказав, что по дороге заедет к какому-то дальнему родственнику.

Назавтра вместо очередного экзамена пошел я к ректору института. Кажется, фамилия его была Матвеев. Подождал свою очередь. Передо мной из его кабинета вышла со слезами на глазах, возмущаясь порядками, какая-то женщина с сыном, по всей видимости с Кавказа. Вхожу я в кабинет ректора, объясняю, почему хочу забрать документы и уехать домой. Он посмотрел мои оценки, немного подумал и сказал примерно следующее: «Сдавайте остальные экзамены, а там решим». Я пытался ему возразить, что могу и здесь не поступить, и опоздать подать документы в другой вуз в Белоруссии. «Поймите вы, — объяснил мне Матвеев, — у нас очень строгий отбор по всем параметрам. Видели, женщина вышла в слезах, мы ее сына не только до экзаменов не допустили, но и документы назад отправили, потому что он по росту не проходит — маленький. А вы по состоянию здоровья проходите, по основным предметам у вас отличные оценки. Идите и подумайте, не спешите забирать документы».

Думал я до вечера и потом почти всю ночь, нервничал, волновался, но на следующий день снова пошел к начальнику. Он убедился, что мое решение окончательное и написал на моем заявлении резолюцию: «Выдать документы. Заказать бронь в кассе ж/д вокзала до Минска». Вышел я из кабинета в каком-то замешательстве. Подумал, может, силы воли не хватило заставить себя остаться? Но вскоре я забрал документы, оформил обходной, принес чемодан из камеры хранения и быстрее на вокзал. В воинской кассе по брони выдали мне билет после уплаты примерно двухсот рублей. В тот же вечер я выехал в Москву, снова наш поезд шел почти семь суток. В Москве я переехал на Белорусский вокзал, закомпостировал билет, и через

некоторое время, после объявления поезда, занял свое место в вагоне. Ехали мы всю ночь и к утру были в Минске. На вокзале я сдал вещи в камеру хранения и поехал в Политехнический институт⁶⁵.

В канцелярии института посмотрели мои документы, экзаменационный лист из Новосибирского института и предложили: «Пишите заявление о приеме на гидромелиоративный факультет, там у нас недобор. Но придется досдать экзамены по физике и письменное сочинение по белорусскому языку и литературе». Это меня обрадовало. Я подал документы, получил направление в общежитие. Отправился я на вокзал за вещами, там выяснилось, что общежитие далековато. Надо было перейти железный мостик для пешеходов над путями, затем пройти пешком метров 400, снова перейти железнодорожные пути станции Минск-Товарный, далее найти переулок Студенческий и двухэтажное деревянное здание под номером 5. Я благополучно добрался до общежития, и вскоре комендант привела меня в комнату, где было свободное место — кровать и тумбочка.

На следующий день я сдал экзамен по физике на «четыре», потом получил две оценки «хорошо» за письменное сочинение, и через несколько дней в списках зачисленных студентов нашел и свою фамилию.

Тогда уже со спокойной совестью я пошел на вокзал и купил в кассе билет до станции Уречье. До отхода поезда я еще успел забрать чемодан из общежития, и после недолгого ожидания на вокзале сел в вагон. В поезде снова начались регулярные проверки документов — каждые час-два до самого Уречья.

Около пяти часов дня мы прибыли в Уречье. Я сразу поспешил к площадке у перрона, где грузовые автомашины из совхоза «Жалы» обычно выгружали тюки сена. Мне повезло — на разгрузке как раз стояли две полуторки. Поздоровавшись с водителями, я спросил, когда они поедут обратно и не смогут ли они меня подвезти. Они согласились, предложив подождать около часа, пока машины не разгрузят.

Оставив чемодан в кабине одной из машин, я ненадолго вернулся на станцию. Меня привлекли звуки духового оркестра, доносившиеся из-за высокого забора на другой стороне привокзальной улицы. Я подошел к забору, заглянул в щель между досками и увидел: всадники на лошадях под звуки музыки отрабатывают технику показательной выездки. Синхронные движения лошадей были удивительно красивы и грациозны. Я долго смотрел на них, пока не настала пора возвращаться к машинам.

Примерно через пять-шесть часов пути по разбитым проселочным дорогам из Любани через деревни Коммуна, Нежин, Бариков мы прибыли к центру совхоза, в поселок Сосны. К тому времени уже стемнело.

Мама и сестра очень удивились, когда поздним вечером я переступил порог нашей квартиры. Они не ждали меня так скоро из Новосибирска. Мама готовила ужин, отец был еще на работе. Когда вечером вся семья собралась за столом, я рассказал о своих приключениях. Узнав о том, что я зачислен студентом первого курса в Минский Политехнический институт, мать на радостях прослезилась — мол, хоть чаще дома будешь. Отец тоже одобрил мое решение. А через несколько дней почтальон принес конверт с вызовом на занятия в институт. Пришлось опять готовиться к отъезду, чтобы первого сентября утром быть на лекциях.

В те дни у нас на квартире ночевал какой-то начальник со своим коллегой из Минского треста совхозов, приехавшие по служебным делам. Приехали они из Минска на служебной легковой автомашине «ЭМ-1», как ее называли «эмка»⁶⁶. Отец спросил гостя, не сможет ли он на своей машине подвезти до Минска сына-студента. Тот согласился. И 30 августа сорокового года мне впервые в жизни довелось удобно и приятно на легковушке-«эмке» отправиться в Минск. Ехали мы через Любань, Уречье, Слуцк. В Слуцке проехали по узкой и тесной, покрытой булыжником улице, по обе стороны которой стояли одноэтажные деревянные домики с разными пристройками одна ниже другой. Эта улица была недалеко от улицы Парижской Коммуны. Здесь столичные гости заехали к какому-то своему знакомому, но ненадолго, и вскоре машина выехала из города и взяла направление на Минск по новому булыжному шоссе, которое было построено года 2—3 назад. Примерно через 30 километров вдоль шоссе начинался лес. «Здесь, наверное, грибов много», — подумал я, наблюдая в окно за такими знакомыми грибными местами. И, словно услышав мои мысли, машина остановилась. Оказалось, что лопнула камера на заднем колесе. Пока водитель ставил запасное колесо, я вылез из машины и решил пройтись по лесу вдоль дороги. Как я и предполагал, здесь росли красивые боровики. За десяток-другой минут я собрал около 30 грибов, а так как складывать их было некуда, пришлось вернуться к машине. Там я показал минчанам свой «трофей» и высыпал грибы на заднее сиденье автомобиля. Они очень удивились обилию и красоте даров природы. Водитель сказал мне, что стоять будем еще не меньше получаса, а то и дольше, и я снова отправился в лес. Вернулся с грибами.

За всю дорогу по лесу машина останавливалась еще дважды.

А поскольку «запасок» больше не было, водителю пришлось вскрывать камеры шин, заклеивать их, сразу по два колеса, чтобы одно поставить, а второе осталось про запас. И каждый раз мне удавалось насобирать еще грибов. По приезде в Минск я предложил собранные грибы тому начальнику, что у нас ночевал, а так как их было почти целое ведро, то он разделил их с товарищем.

Они высадили меня на площади у железнодорожного вокзала. Я поблагодарил их, попрощался и пошагал с чемоданом в общежитие, на Студенческий переулок, дом №5.

Комендант проверила мои документы и вызов в институт, сразу провела меня на второй этаж в комнату и предложила занять свободную койку с тумбочкой у стены справа. К вечеру собрались приехавшие сюда раньше шесть человек. Помню, были Поляков и Герасимов Сергей, их направили в наш институт из Москвы, потому что там они не прошли по конкурсу, и белорусы Солонец, Окунец и Туровец, а фамилии шестого я не помню.

Утром следующего дня, задолго до начала занятий я приехал на трамвае в институт на улицу Пушкина. Здесь нашел свою группу на факультете, отметил у дежурного и стал ждать начала занятий.

Вместо первой лекции, помню, к нам в группу пришел декан факультета и преподаватель-куратор. Они объявили, что в актовом зале будет собрание студентов всего факультета. Декан объявил о порядке выборов органов студенческого самоуправления в группах и в целом на факультете, познакомил с расписанием занятий, ответил на вопросы. Потом мы разошлись по группам и провели собрания, на которых избрали старост, студенческий актив факультета.

Начались занятия. По четыре пары лекций в день. Помню первую лекцию по начертательной геометрии. Преподаватель, инвалид на костылях, что-то объяснял, а я ничего не понял. Думал, что позже пойму, но шли дни, лекции продолжались, и я начал сомневаться в твердости своих знаний, особенно когда не понимал смысла изучаемой темы. Как-то спрашиваю я своего товарища: «Как мы экзамены будем сдавать?», а он: «Как все, что мы хуже других? Сдадим».

Очень нравились мне занятия по рисованию. Преподаватель, низкого роста, горбатый, не привлекал студентов своим внешним видом. Но как только он начал читать лекцию, заостряя внимание на значении рисования и черчения для будущей профессии инженера, сразу заслужил исключительное уважение и вызвал интерес к своему предмету. В конце лекции он посоветовал нам

купить набор простых конструкторских карандашей, резинку, линейки, угольники, лекала и другие чертежные приспособления. На следующем занятии он предложил нам взять карандаши и начал учить их правильно затачивать. Затем достал проволочную модель куба размером примерно 70х70х70 сантиметров, поставил его на возвышение на кафедре и дал задание: нарисовать эту фигуру в такой проекции, как каждый видит ее со своего места.

Я неплохо умел рисовать. Присмотрелся к кубу со своего места, попытался на черновых листах набросать эскизы. Вижу: получается. И начал рисовать на ватмане. Прошло минут 30. Преподаватель ходит между рядами, низко нагибается над каждым рисунком и громко делает замечания: «Неправильно, посмотри внимательнее», «У тебя тоже неправильно». Подошел ко мне: «А у тебя хорошо, так и надо». И пошел дальше. А к моему столу тут же подбежали девушки, посмотреть, как я нарисовал, и стали просить, чтобы я им помог. Закончив свою работу, я подошел к одной из них, набросал эскиз куба с ее места и посоветовал, как окончить рисунок. Первая половина лекции закончилась, все разошлись на перерыв, но многие подошли ко мне, чтобы посмотреть рисунок куба. После перерыва я помог выполнить задание еще нескольким студентам. Одним из первых я сдал свою работу на преподавательский стол и попросил разрешения выйти из аудитории. На следующем перерыве многие ребята благодарили меня за помощь, выражая готовность при случае помочь и мне.

Так продолжались занятия месяц. В выходные ребята тянули меня на стадион, смотреть футбол. Конечно, денег на билеты у нас не было, поэтому для проникновения на стадион мы пользовались тщательно замаскированными дырками в высоком дощатом заборе. При этом приходилось постоянно быть начеку, чтобы не заметил конный милиционер, который проезжал по периметру стадиона и отгонял любопытных. Иногда, когда оставались деньги, мы ходили в кино, но это было очень редко.

Меня удивляло, что многие студенты почти не готовились к занятиям, полагая, что до экзаменов еще далеко, успеем, мол, научиться. Я же привык ежедневно перечитывать конспекты, уточнять пропущенные или сокращенные слова, разбираться в записанных формулах, правилах и законах, чем часто вызывал насмешки своих товарищей по комнате в общежитии. Иногда, чтобы не быть «белой вороной» в компании друзей, я тоже прогуливал лекции.

Продукты мы привозили из дома. И, конечно, всем привезенным делились друг с другом. Одному, может, этого бы

на месяц хватило, а так расходовалось за неделю. Но товарищи никогда не подводили, и свои продукты: сало, хлеб, колбасу — делили на всех. Холодильников еще не было, и продукты хранились в тумбочках или на улице в сетках. Нередко бывали и случаи воровства. Часто, особенно по субботам и воскресеньям, мы с ребятами из общежития договаривались поработать на разгрузке вагонов на товарной станции. Помню, разгружали вагоны с капустой и другими овощами, с досками и другими строительными материалами. Уставали мы здорово, но были довольны тем, что утром каждому выдавали на руки заработанные деньги — рублей по 20, 30, а то и больше.

Иногда мы даже уходили с лекций в здание Академии Наук Белорусской ССР, которое размещалось через дорогу почти напротив института. Там тоже была работа: переносить на носилках тяжелые папки с документами канцелярии Виленского генерал-губернаторства, которое после сентября 1939 года вместе с территорией Западной Белоруссии было присоединено к СССР⁶⁷. За час такой работы каждому платили по два рубля.

Материальное положение студентов еще более усложнилось, когда было объявлено, что с нового 1941 года каждый должен будет платить за учебу 400 рублей в год⁶⁸. Конечно, не у всех была возможность уплатить такую сумму, поэтому приходилось подрабатывать, часто в ущерб учебе.

В октябре меня вместе с другими студентами вызвали в Ворошиловский райвоенкомат г. Минска на призывную комиссию. Пройдя комиссию, я получил удостоверение допризывника — осенью 1941 года мне предстояло идти в армию.

Никогда не забуду моего участия в декабре 1940 года в лыжных соревнованиях студентов первых курсов из нескольких институтов Минска, которые проводились в связи с предстоящими республиканскими соревнованиями студентов в честь приближающейся годовщины образования Белорусской ССР 1 января 1941 года (69). На соревнованиях я занял третье место, получил грамоту и был включен в команду института для участия в республиканских соревнованиях. Здесь сказалась лыжная подготовка с детства, когда зимой приходилось из своей деревни ходить на лыжах с запасом продуктов до школы, преодолевая расстояния до 30 и более километров в одну сторону.

Вспоминаются мне и наши попытки пробраться на демонстрации и митинги в честь 1 мая и 7 ноября. Студенты должны были идти в институтских колоннах, а значит не видели

ни парада, ни самой демонстрации. Поэтому мы старались пробраться через военные и милицейские заслоны к центральной улице. Правда, иногда попадало за отсутствие в студенческой колонне, но наказание компенсировалось удовлетворенным любопытством.

Не забылось мне и такое происшествие. Где-то в ноябре под вечер в нашу комнату на втором этаже общежития зашли три сотрудника милиции: капитан, старший лейтенант и сержант. Ничего не объясняя, они сразу приступили к осмотру тумбочек, что-то искали. Мы забросали их вопросами: «Что вы ищете? Что случилось?» Тогда старший из них спрашивает: «Кто из вас бросил в окно бутылку из-под кефира?» Мы ответили, что никто не бросал. Он обошел нас, каждому заглянул в глаза, видимо, надеясь, что бегаящий взгляд выдаст виновника. Потом обратившись к Сергею Герасимову, сказал: «Пройдемте с нами». Мы все следом отправились в районное отделение милиции, чтобы узнать, за что задержали Герасимова. Наши попытки добиться объяснений и встретиться с начальником отделения оказались безрезультатными. Наутро уже все студенты из общежития вместо занятий отправились вместе с нами. Но сколько мы ни требовали, сколько ни добивались, ничего у нас не вышло и в этот раз.

Мы все поехали в институт. Направили делегацию к ректору, чтобы тот позвонил в милицию и выяснил, в чем дело. Ректору это тоже не удалось. Тогда примерно 200 или 300 человек студентов покинули аудитории, собрались во дворе института, чтобы отправиться в милицию выручать товарища. Ведь мы прекрасно знали Герасимова как спокойного, рассудительного человека, который не мог совершить плохой поступок, тем более, что тогда мы с ребятами тоже находились в комнате и могли подтвердить его невиновность.

Потом выяснилось, что кто-то из студентов выбросил из форточки пустую бутылку из-под кефира, которая попала в окно соседнего дома, разбила стекло. Осколками оконного стекла были поранены женщина, что сидела у окна, и ее грудной ребенок. Да, это совершил кто-то из студентов, и виновного необходимо было найти, а пока в милиции сидел человек, который ничего не совершал, и это было несправедливо.

Вскоре все студенты собрались у отделения и заполнили не только коридоры, двор, но и улицу, начали раздаваться выкрики с требованиями объяснений, а также личных переговоров с начальником или его заместителем. Только через два или три часа такого шума и гама к нам вышел начальник милиции. «Мы требуем проведения экспертизы в присутствии

наших представителей», — заявили лидеры студентов и вручили начальнику соответствующую петицию с подписями всех студентов. Начальник сначала отказывался, но потом согласился. Поскольку уже вечерело, экспертиза была назначена на утро следующего дня. Мы опять пропустили занятия, но добились своего. Экспертиза подтвердила, что из нашего окна бутылка никак не могла попасть в окно соседнего дома. Только после этого наш Герасимов был выпущен из камеры предварительного заключения, и мы, ликуя от торжества справедливости, поехали в институт.

Это ЧП запомнилось не только первокурсникам, но многим другим студентам и, конечно, руководству института. Именно этот эпизод помог мне восстановиться студентом первого курса этого института в августе 1945 года.

За зимние каникулы я хорошо отдохнул дома, встретился с друзьями детства, и снова приехал на занятия. Тогда я не знал, что еще в прошлом году в совхоз был назначен новый директор — Колганов Александр Ильич, что он по какому-то вопросу повздорил с главным бухгалтером, моим отцом, и понизил его в должности до старшего бухгалтера. А когда однажды отец опоздал на работу на 15 минут, директор оформил дело в суд. Отца вновь понизили в должности и начали высчитывать 20% заработка в пользу государства. Я узнал об этом, когда родители стали присылать меньше денег. Тем не менее занятия продолжались и надо было как-то выкручиваться, зарабатывать самому.

Уже с весны в столице Белоруссии стало беспокойно. Ощущалось беспокойство по поводу обострения международной обстановки в Европе, ходили упорные разговоры о неизбежной войне нашей страны с Германией. Но не верилось, что подписанный в сентябре 1939 года договор о ненападении на 10 лет будет нарушен. Хотя по городу были усилены патрули, и нас несколько раз даже не пускали переходить железнодорожные пути по нашему мостику. Тогда шли специальные поезда, на которых Молотов ездил в Берлин, а Риббентроп приезжал в Москву⁷⁰. А в июне студенты начали сдавать экзамены за первый курс. Уже сдали по нескольким предметам, но...

Глава 3

1941—1944. Война

В воскресенье 22 июня мы договорились с ребятами из общежития сходить на стадион на очередной футбольный матч. Однако уже ранним утром над городом появились первые фашистские самолеты и сбросили бомбы на важнейшие объекты⁷¹. Город был похож на развороченный муравейник. В переполненном трамвае мы еле добрались до института. Пока ждали, что кто-то что-то нам объяснит, по радио передали выступление Молотова⁷². Началась война. Из института мы все — допризывники бросились в райвоенкомат. Там уже все были на местах, но на наши настойчивые просьбы зачислить добровольцами на фронт отвечали: «Ждите, когда надо будет — позовем. А пока идите, без вас забот хватает».

Мы опять в институт. И снова ничего конкретного. Только радио будоражило и волновало душу своими сообщениями о том, что превосходящие нас в танках и авиации фашистские силы продвигаются на восток, занимая наши города и села. На второй день повторилось то же самое как в институте, так и в военкомате. Только после обеда в институте начали формироваться команды из студентов, которые под руководством военных специалистов должны были тушить зажигательные бомбы⁷³ на крышах и спасать раненых из-под обломков жилых зданий.

На следующий день началась срочная эвакуация ценного имущества и документов, а также преподавателей и студентов института. По несколько автомашин, нагруженных доверху, отправлялись на станцию, где все перегружалось в вагоны. Однако большинство студентов не желали эвакуироваться, стремясь на фронт.

Но началось отступление, и вместе с отступающими раздробленными частями красноармейцев и группами гражданского населения, мы начали отходить на восток. Нашей целью был Могилев, говорили, что там теперь руководство республики. Мы шли днем и ночью, делая короткие привалы для отдыха и сна. Колонны беженцев и эвакуирующихся ежедневно подвергались бомбардировке. Мы стремились присоединиться к действующей армии, но никто из встреченных нами командиров не соглашался зачислить нас в свою часть. «Ищите особый отдел», — всегда предлагали нам. За двое-трое суток пути наша группа существенно поредела. Кто-то пропал во время бомбежки,

кто-то отстал, кто-то просто изменил направление. Некоторые разошлись по домам, кто-то продолжал продвигаться к Могилеву, а несколько человек, в том числе и я, узнав, что правительство из Могилева переехало в Гомель, повернули на юг. Не доходя Бобруйска, мы перешли шоссе на Слуцк, дальше пробирались по лесам и болотам и вскоре присоединились к новой группе солдат. Это были остатки пулеметного взвода во главе с лейтенантом. Они несли на себе и тянули по земле части станковых пулеметов «Максим»⁷⁴ и ящики с лентами патронов.

Не думаю, что стоит подробно вспоминать о первых днях отступления. Об этом написано много книг и снято не меньше кинофильмов. Вспомним хотя бы фильмы по романам К. Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются»⁷⁵. На собственной шкуре пришлось испытать бомбежки, обстрелы, близкую гибель людей, видеть и обстрелянные мирные колонны беженцев, и разрушенные города и поселки.

Не доходя до Речицы, мы встретили верхового из штаба какой-то другой части, который велел нам повернуть в сторону Лоева. Там готовилась оборона, рылись траншеи, окопы, строились заграждения их колючей проволоки, чтобы задержать противника на Днепре. Верховой предупредил, что если мы за сутки не достигнем Лоева, то окажемся в окружении врага, так как вражескими частями уже взят Бобруйск, они обходят Гомель, хотя между Жлобином и Речицей еще продолжаются упорные бои.

Мне пришлось поверить в то, что можно дремать и на ходу. Идешь, дремлешь, стукнешься о впереди идущего и приходишь в себя. Трудно было, но молодой организм выдерживал нагрузку.

Когда мы присоединились к другим частям, лейтенант посоветовал нам обождать, а сам пошел искать старшего командира, чтобы договориться с ним о зачислении нас двоих, оставшихся от двадцати, что вышли из Минска, в свою часть. Но командир повторил уже знакомую нам фразу: «Ищите особый отдел». Конечно, мы понимали, что немцы уже давно засылают в тылы наших войск своих диверсантов, переодетых в военную, милицейскую, гражданскую форму и отлично владеющих русским языком, поэтому и не желали рисковать командиры.

В это время в воздухе появилось более тридцати вражеских бомбардировщиков. Они звеньями по три самолета, после бокового пикирования и выхода на цель, начали сбрасывать по 8—10 бомб на бегущих в укрытие солдат и офицеров, на автомашины, трактора с орудиями и другую военную технику. Попала под обстрел и проходящая мимо колонна беженцев, в которой находилось много стариков, женщин и детей. Первый раз в жизни я серьезно столкнулся со смертью. И она потрясла

меня. Сотни жизней оборвались за какие-то несколько минут. Сердце разрывалось от боли, злоба наполняла душу и звала на борьбу с варварами, но не принимала нас армия.

От прямого попадания был разрушен только что налаженный понтонный мост для передвижения воинских соединений и боевой техники. Когда налетели фашистские самолеты, переправа уже началась, и все, кто находился на мосту, погибли, за редким исключением. Мы с Гришей Каминским, студентом нашего первого курса из другой группы, решили переправляться через Днепр на подручных средствах. Нарвали камыша, связали из него два снопа, разделись до белья, связали одежду в узел, чтобы можно было держать ее над головой, и, спустив «плоты» на воду, отплыли от берега. Устроившись на камышовых снопах, мы примостили узелки с одеждой на спине и, подгребая двумя руками, довольно быстро начали продвигаться вперед. Мимо нас тоже проплывали люди на самодельных плавучих средствах, попадались бревна, бочки, какие-то обломки. Несколько раз мы наталкивались на трупы солдат с разбитого моста. На поворотах реки течение ускорялось. Изредка по воде проносились военные катера или проплывали буксиры с баржами для перевозки грузов. Днепр в тех местах довольно широк, и мы с большим трудом сумели добраться до противоположного берега примерно в 15—20 километрах от того места, где отплыли от берега. Во время переправы я потерял своего товарища и пришлось идти еще несколько километров в попытках найти его. Но это мне так и не удалось. Продолжать путь предстояло одному. Далее на восток.

В ближайшем лесу на проселочной дороге нагнал я очередную группу солдат под командованием младшего лейтенанта с одним кубиком в петлицах⁷⁶. Познакомились, я ему показал свои документы: паспорт, комсомольский, студенческий и профсоюзный билеты, рассказал о своих приключениях при отступлении из Минска. Узнав, что я неплохо ориентируюсь на местности, он потом часто приглашал меня для определения маршрута, для поиска дороги по кустам и болотам, особенно в дождливые дни, когда не было солнца и это затрудняло ориентацию. Тем более что сам он был не из этих мест, и ни карты, ни компаса у него не было. Как выяснилось, у него было всего 7 классов образования, и поэтому, несмотря на то, что был несколько старше меня, он считался с мнением студента-первокурсника. Несколько суток провел я вместе с этой группой солдат. А однажды совсем неожиданно нам встретился Гриша Каминский.

Мы очень обрадовались встрече, бросились друг к другу

и крепко обнялись к удивлению командира. Я рассказал ему о товарище, Гриша показал свои документы и присоединился к группе. Мы снова двигались дальше на восток.

По пути остановились в деревне Репки Черниговской области. Даже не заметили, как с Белорусской земли попали на Украинскую, — все было так же, как у нас. В Репках мы встретили группу военных из разных частей. Наш командир очень обрадовался, когда нашел среди них своего командира полка из двухсотой стрелковой дивизии⁷⁷. Оставив нас со своей группой, он направился к командиру полка, о чем-то долго говорил с ним, посматривая в нашу сторону, а потом вернулся и предложил нам идти с ним.

Мы подошли к сидящему на лавочке полковнику с четырьмя шпалами в петлицах. Это был командир 200-й стрелковой дивизии Иван Ильич Людников⁷⁸. Младший лейтенант доложил комдиву о нас, ходатайствуя о нашем зачислении добровольцами в действующую армию. Иван Ильич отпустил лейтенанта, оставив нас. Он долго и внимательно рассматривал наши документы, расспрашивал откуда и кто наши родители, где жили и где находятся сейчас. Убедившись в правдивости наших слов, он немного подумал и, улыбнувшись, сказал: «Ну ладно, ребята, зачисляю вас в хозяйственную роту. Идите, осваивайтесь там со своими обязанностями».

Полковник отдал распоряжение своему ординарцу, и тот повел нас к хозяйственному взводу, представил командиру, добавив, что приказ комдива о зачислении на довольствие будет вскоре оформлен. Взводный внимательно посмотрел на нас, на нашу гражданскую одежду и повел на склад, который размещался в кузове крытой грузовой машины «ЗИС-5»⁷⁹. Там он поручил кладовщику выдать нам армейскую форму рядового, белье, ботинки с обмотками, плащ-палатку, шинель противогаз и прочее солдатское имущество. Мы с другом тут же переоделись. Когда я подбирал себе форму, то попросил выдать на размер больше. Гриша удивился: «Зачем тебе это?» Но я понимал, что осенью на Украине ночи холодные, часто идут дожди, а ночевать солдатам приходится где попало, под открытым небом, в окопе или в траншее. Вот почему, переодеваясь, я не сбросил новый гражданский костюм — пиджак и брюки серенького цвета в мелкую клетку — который купил к Первомайскому празднику 1941 года в Минском ГУМе, а надел военную форму поверх костюма. Вместо порванных ботинок обул новые солдатские ботинки с обмотками по 4 метра длиной и по 10 сантиметров шириной каждая⁸⁰.

Затем командир-хозяйственник предложил нам список

личного состава роты и повел к другой автомашине-складу для получения хлеба, сахара, махорки, мыла на всех бойцов согласно списку. Тут же была и лошадь с повозкой, в которую мы загрузили несколько буханок черного хлеба, мешочек с сахаром — по два кусочка на каждого, отдельно пачки махорки, спички и хозяйственное мыло. Получив все это, мы на подводе, которой управлял третий солдат, отправились в расположение своей роты. Перед ужином раздали все продукты и товары каждому солдату по нормам — буханку хлеба на четверых, банку с мясными консервами на двоих.

Так прошло несколько дней. Кроме раздачи продуктов, мы выполняли и другие поручения. При необходимости нас назначали часовыми на посты, а иногда посылали в траншеи для занятия линии обороны перед наступающим противником. Такое случилось перед местечком Репки.

Однажды утром после налета вражеской авиации и артобстрела, мы под прикрытием танков вышли в наступление. Мне впервые пришлось столкнуться с врагом так близко. Конечно, был и страх, и волнение, но побеждало стремление быть сильнее этого и выдержать все, что бы ни случилось. По цепочке из траншеи в траншею передавались распоряжения командира: «Огонь открывать только по команде». Мы сидели в окопах и в напряжении ждали. Командир приказал, если танки врага не удастся остановить и уничтожить гранатами, пропустить их вперед через окопы и основной удар сосредоточить на пехоте. Когда танки начали приближаться и до них осталось не более 10 метров, бойцы начали бросать противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Несколько танков сразу загорелись, две машины закружились на месте — взрывом противотанковых гранат с них сорвало гусеницы. Из танков стали выпрыгивать фашисты, по ним открыли огонь. Когда подошла пехота, по команде «Огонь!» открыли стрельбу станковые и ручные пулеметы. И в эту минуту командир вместе с политруком выскочили из траншеи, и с криком «В атаку! За Родину! Вперед!» все солдаты ринулись в атаку. Тут впервые мы столкнулись лицом к лицу с фашистами.

Фашисты не выдержали натиска и повернули обратно. Уцелевшие танки тоже возвращались на свои позиции. Мы подобрали трофейное оружие, забрали у убитых часы, сигареты, зажигалки, блокноты и вернулись в свои траншеи. Это был первый довольно удачный бой с фашистами, в котором мне довелось участвовать. Во время самой атаки, как помню, куда-то подевался весь страх. В мыслях было одно — как уничтожить больше врагов. В разговорах после боя выяснилось, что такие же

мысли владели всеми солдатами нашей роты. Правда, и у нас было трое убитых и более десятка раненных, но в основном от бомбежек и артобстрелов. Больше в подобных атаках мне участвовать не приходилось.

Однако служба в хозяйственной роте нас с Гришей не удовлетворяла. Выбрав минутку, когда командир дивизии оказался на месте, мы решили обратиться к нему с новой просьбой: «Мы не довольны своей службой — делить махорку и хлеб. Желаем перевестись в боевую часть». Иван Ильич посмотрел на нас, оглядел каждого с ног до головы и, непроизвольно улыбнувшись, сказал: «Молодые вы, ребята, грамотные. Война протянется, еще навоюетесь, но раз уж так вы настаиваете, направляю вас в отдельный саперный батальон. Согласны?» Мы согласились без разговоров. Командир вызвал адъютанта и велел проводить нас до места расположения и представить командиру батальона.

Командир 400-го отдельного саперного батальона обрадовался пополнению, так как у него был некомплект⁸¹. После предварительной беседы он провел нас к грузовой автомашине «ЗИС-5» и приказал командиру взвода подрывников принимать пополнение. Мы с Гришей удовлетворенно переглянулись. Командир взвода познакомил нас с боевыми задачами взвода — подрывать мосты при отступлении, минировать завалы на дорогах и прочее.

Пока мы знакомились с устройством мин, капсюлей, методикой их установки в разных положениях и на разных объектах, прозвучала боевая тревога об угрозе бомбардировки. Бойцы бросились к землянкам. В это время появилась полевая кухня с обедом. Пока возчик привязывал свою пару лошадей, укрывши их под густым тополем на окраине деревни, началась бомбежка. Звеньями по три «Юнкерса»⁸² летчики методично, круг за кругом входя в пике, сбрасывали бомбы. Из-под каски я всегда следил за полетом каждой бомбы. Каждый самолет сбрасывал их, в зависимости от веса, по 8—10 штук. По мере приближения бомбы к земле воздух оглашался пронзительным звенящим звуком, и через 2—3 секунды вздымались фонтанами черные столбы земли и пыли, разлетались вокруг свистящие осколки. Иногда казалось, что очередная бомба обязательно упадет на тебя. В эти минуты сердце уходило в пятки, но в каску стучали металлические осколки, на шинель сыпалась земля и песок, и смерть обходила стороной. Пожалуй, ничего более страшного я на фронте не ощущал.

После бомбежки, которая обычно продолжалась минут 30—40, казалось, живого места не осталось на земле, не то что живых

людей. Тем не менее из окопов и траншей вылезали бойцы и с котелками и алюминиевыми ложками спешили к полевой кухне. Бывало, после бомбежки оставались раненные, но убитых от бомб почти никогда не было, разве что от прямого попадания. В котелки подошедших бойцов повар накладывал ячменную кашу с жиром, которую мы называли «дубовой», иногда, если повезет, было и первое блюдо — суп из чечевицы. Нередко во время обеда в воздухе пролетала «рама» — самолет-разведчик⁸³. В таких случаях мы ожидали либо артиллерийского или минометного обстрела, либо нового налета.

Однажды поступила команда перебираться на новое место. Мы переехали и расположились на берегу реки Десны, по ту сторону моста со стороны Чернигова, недалеко от деревни Количевка, расположенной по шоссе Одесса-Ленинград, обсаженном с двух сторон высокими деревьями с пышными кронами. Это было утром в начале августа сорок первого года. Машины замаскировали ветками в кустарниках на берегу реки, а сами по команде тут же начали копать одиночные окопчики на случай бомбежки. Сколько за время отступления пришлось нам перевернуть земли, копая окопы, траншеи, землянки для спасения собственной жизни! Трудно даже представить. Отличие было лишь одно: если первые ячейки оставляли кровавые мозоли на ладонях, то потом кожа огрубела и никаких следов не оставалось.

Вскоре командир батальона вызвал взводного и приказал подобрать группу саперов, погрузить их вместе с взрывчаткой на автомашину и срочно выехать по шоссе в направлении Киева. Командир взвода (к сожалению, не помню фамилий ни его, ни комбата), погрузив в кузов необходимую взрывчатку с капсюлями, проводами, отобрал 8 человек, в том числе и нас, и объяснил задание. Выехали мы на шоссе и помчались в сторону столицы Украины. Когда до города оставалось километров 6—7 и в зелени уже виднелись дома на окраине, нашу машину остановил офицер в чине капитана. Рядом стояли два его товарища и мотоцикл с коляской. Подозвав старшего нашей группы, он объяснил суть дела и предложил возвращаться обратно. Оказалось, что команда взорвать мосты, ведущие в Киев через Днепр, была отменена (а нашей группе предстояло взорвать именно один из этих мостов). Мы повернули обратно.

На второй день мы заминировали мост через Десну у Чернигова, а для взрыва его оставили двух бойцов с младшим командиром. Прибыв на прежнее место, я был вызван командиром батальона в штаб. Он приказал мне заполнять списки личного состава с указанием солдат, находящихся

в строю, раненных, погибших и пропавших без вести в последние дни. Словом, пришлось мне исполнять обязанности писаря, так как прежний был ранен, а командир откуда-то узнал, что пишу я грамотно и красиво. Кроме составления списков он предложил мне редактировать и оформлять боевой листок под заглавием «Раздавим фашистскую гадину»⁸⁴. У него нашлись листы ватмана, краски и цветные карандаши. Я согласился. Пришлось пройти по ротам и взводам батальона, поговорить с командирами отделений и взводов, чтобы собрать необходимый для листка материал. В тот же день через пару часов после обеда на кузове штабной машины был вывешен первый боевой листок с карикатурами и даже куплетами из сатирических басен Крылова. Командир объявил мне первую благодарность.

Но из саперов меня никто не списывал. Мы минировали завалы из спиленных деревьев на лесных дорогах, чтобы задержать наступление противника. Один раз нас вместе с другими подрывниками на двух автомашинах направили к городу Пирятин. Там на возвышенном месте мы копали землянки, покрывали их бревнами в три или четыре наката, засыпали землей и маскировали. Как оказалось, позже здесь размещался штаб Юго-Западного фронта⁸⁵.

После выполнения этого задания мы вернулись на прежнее место у Десны. Ночь прошла спокойно. Только зарево дальних пожаров освещало темное небо.

Но спокойствие было лишь кажущимся. Тяжелым грузом легла на бойцов весть о серьезном ранении командира нашей двухсотой стрелковой дивизии, полковника Ивана Ильича Людникова. По приказу командующего фронта Кирпоноса он на самолете был вывезен в Харьков, а оттуда поездом в Казань, в госпиталь. Об этом И.И. Людников писал потом в своих мемуарах: «Шел третий месяц войны... После боев на реке Десна мы сражались на полях Черниговщины... В те дни я получил ранение и на полтора месяца выбыл из строя <...> «Ранение головы без повреждения черепа и перелом малой берцовой кости правой ноги», — с таким диагнозом отправили меня из медсанбата в тыловой госпиталь.

Адреса этого госпиталя никто не знал и шофер медсанбата завернул по дороге в село, где находился штаб 5-й армии.

— Подайтесь в Пирятин, — посоветовал начальник медслужбы армии. — Дорогу немцы хотя и обстреливают из минометов, но проскочить можно.

Мы проскочили. А из Пирятин меня повезли в штаб фронта в село Верхояровка.

Беззащитность — самое тягостное состояние. Дивизия, которой я командовал два с половиной месяца дралась с врагом... Теперь я командир без войска, даже стрелять из пистолета могу только лежа. Меня окружают встревоженные и озабоченные люди, им не до раненого.

На мое счастье увидел на улице Верхояровки генерала Тупикова. Начальник штаба фронта Василий Иванович Тупиков позаботился, чтобы на медпункте мне тут же оказали необходимую помощь. А когда мы остались вдвоем, он подтвердил данные об окружении Юго-Западного фронта...

Вечером меня навестили командующий фронтом Кирпонос и член Военного Совета фронта, секретарь ЦК КП (б) Украины М. А. Бурмистренко...

Кирпонос распорядился, чтобы меня вывели из окружения на самолете ПО-2...

Когда гитлеровцы захватили Полтаву, в путь на восток тронулся харьковский госпиталь, где я лежал. Долечивался в казанском военном госпитале»⁸⁶.

Как жаль нам было, что выбыл из строя И.И.Людников, человечный человек, тот, что приютил нас, вчерашних студентов, зачислив в действующую армию, в саперный батальон своей дивизии.

На рассвете бойцы умылись у реки. Подъехала полевая кухня на паре лошадей. Вдруг в небе появилась знакомая «рама». «Ну, хлопцы, жди очередного сюрприза», — заметил кто-то из ребят. Сделав пару кругов, «рама» улетела, но все вокруг оставалось тихо, никаких налетов и обстрелов. Через некоторое время в небе появился самолет и в воздухе замелькали разноцветные прямоугольные бумажки. Когда они начали падать на землю, каждый бросился поднимать. Это были листовки на русском языке. Стали читать. Запомнил я ту листовку на всю жизнь, и хотя за точность изложения не ручаюсь, но смысл содержания привожу почти дословно. Рядом с фотографией военного человека был напечатан текст: «Узнаете ли вы кто это? Это Яков Иосифович Джугашвили (Сталин)». Смысл дальнейшего сводился к следующему: «понимая бесполезность дальнейшего сопротивления доблестным немецким войскам, Яков Джугашвили (сын Сталина), командир артиллерийской батареи добровольно сдался в плен под Смоленском». На обратной стороне листовки говорилось, что она является пропуском для каждого красноармейца или офицера при сдаче в плен немецкому командованию, мол, сопротивление бесполезно, и только плен сохранит вашу жизнь, как сыну Сталина»⁸⁷.

Все, кто читал эту листовку, возмущались и недоумевали: «Не может этого быть! Не верим пропаганде Геббельса!» (88) Я же быстро отправился к командиру батальона с вопросом, что и как объяснить солдатам в очередном боевом листке. Командир прочитал и как отрезал: «Это провокация фашистов, чтобы парализовать волю наших воинов в сопротивлении врагу». Вскоре я выпустил очередной боевой листок об этом ЧП. Однако некоторые солдаты более старшего возраста заподозрили неладное. Они отмалчивались в разговорах, а листовки прятали в карманы, как говорится, «на всякий случай», если действительно возникнет угроза плена. Этот факт сохранился в моей памяти на всю жизнь.

Отступление наших войск продолжалось, хотя нередко возникали жестокие, кровопролитные схватки с врагом. Наш батальон двигался, как правило, по ночам, на грузовых автомашинах, на подводах, пешком по размытым дождем дорогам по колено в грязи. А днем все укрывались в тени деревьев и кустарников около населенных пунктов или в балках и оврагах. Трудно себе представить, как шоферы ночью без света медленно вели свои машины по бездорожью, преодолевая ухабы. Сколько раз приходилось солдатам вытаскивать машины, завязшие в грязи. Тем временем горючего становилось все меньше и меньше, снабжение прекратилось. Еще через пару суток по приказу командира нам пришлось взорвать машины, чтобы не достались врагу.

Потом пришлось оставить и повозки, так как многие лошади были убиты или ранены во время бомбежек и обстрелов, а оставшиеся выбивались из сил и только тормозили движение. Как правило, более молодые бойцы шли ночью впереди основных сил батальона. Напряженно смотришь в темноту, вдруг видишь силуэты людей впереди:

— Стой, кто идет?

— Свои-свои.

— Много вас тут своих ходит, поди — разберись.

Подходим. Здравоемся. Оказывается, тоже остатки какой-то части.

— Вы куда?

— На восток. У нас сзади немцы.

— Туда нельзя, там тоже немцы.

Везде кольцом полыхали зарева пожарищ. Как выяснилось, весь Юго-Западный фронт оказался во вражеском окружении. Потеряв связь с вышестоящим командованием, каждый офицер с группой солдат искал выход из создавшегося положения самостоятельно.

Еще под Черниговом был получен приказ при отступлении уничтожать все, чтобы не досталось врагу — взрывать технику, сжигать собранный в скирды хлеб. Когда нам пришлось жечь только что собранную в скирды пшеницу, у многих слезы наворачивались на глаза — самое дорогое губили, кровью и потом крестьян политое. Но приказ есть приказ, его, как известно, не обсуждают, его надо выполнять. А из деревни бежали люди с лопатами, с ведрами, полными воды: «Что ж вы делаете, ироды! Вам отступать, а нам жить здесь дальше, детей малых кормить». Тяжело было слышать их упреки, сами из такой же деревни, мы хорошо понимали слезы и горе сельчан. И, что греха таить, все реже полыхали хлеба, ради остававшихся в оккупации, ради чьих-то матерей и детей мы нарушали приказ командиров.

После одного из боев командир батальона, заметив, что обмотки на моих ботинках уже изрядно истрепались и мешают при ходьбе, предложил не мучиться и снять обувь с убитого. Мне было очень неловко, и тогда один из моих товарищей сам это сделал и принес мне пару сапог. Жаль, что они не подошли по размеру, но в очередной раз я все же заменил свои разбитые ботинки на сапоги.

Шел уже октябрь. Кольцо вражеского окружения сжималось все теснее. Пошли слухи о сотнях и тысячах пленных, о которых сообщали жители местных деревень. Мы пробирались по Украине, наш батальон шел по знакомым со школьной скамьи местам — Нежин, Щорс, Конотоп, Путивль, Миргород, Диканька. Хотелось становиться на колени и кланяться этой великой земле, давшей миру таких гениев художественного слова, какими были Николай Васильевич Гоголь и Тарас Григорьевич Шевченко. Каждый раз на привале я рассказывал своим товарищам о жизни этих людей, об их творчестве, пересказывал им произведения Гоголя. Эти рассказы вызвали живой интерес и помогали хоть как-то сохранять присутствие духа.

За время отступления мы часто останавливались у местных жителей. Глинобитные хатки, земляные полы, соломенные крыши. Часто после обстрела в стенах крестьянских домишек оставались отверстия от снарядов. Тогда хозяйка замешивала глину с навозом и соломой и замазывала дырку — глина высохнет, стенку выбелят и опять хата целая.

Как-то остановились мы в одной деревушке, и я отпросился у командира сходить к какой-нибудь хозяйке вымыться. За время отступления редко удавалось нам мыться — мы все пропитались потом и покрылись грязью, обовшивели. Командир с улыбкой отпустил меня. Захожу я в ближайшую избу, здороваюсь

с хозяйкой, прошу помочь. Она охотно согласилась, быстро принесла несколько охапок соломы, сложила их около печки. Налила два чугуна воды, поставила их в печь, и бросила между ними горящий пучок соломы. А потом только подбрасывала солому, чтобы она не успевала выгорать. Минут через 40—50 вода почти закипела. Хозяйка принесла ночевки⁸⁹, поставила их на табуретку, налила горячей воды, добавила холодной и предложила мне умываться.

Раздевшись до пояса, я несколько раз вымыл голову с мылом, затем грудь, руки. Хозяйка мочалкой потерла мне спину и вышла, оставив меня одного домываться. Она успела подготовить мне чистое нижнее белье, так как старое мое совсем износилось. В сенях раздавалось шипение примуса и шкворчание чего-то вкусного на сковородке. Пока я умывался, вытирался, менял белье и переодевался, хозяйка на кухне накрыла стол: хлеб, огурцы, яичница с салом и даже бутылка водки.

Когда я вышел из комнаты, хозяйка пригласила меня к столу. Я не стал отказываться, хотя и чувствовал себя не совсем удобно. Сели мы за стол. А я к тому времени, признаться, ни разу водки не употреблял, разве что вино иногда по праздникам. Хозяйка налила водки себе и мне по полстакана. Выпил я несколько глотков и закашлялся, оставил примерно половину налитого. Хозяйка решила, что я скромничаю и стесняюсь пить, но я объяснил ей, что действительно первый раз попробовал водку. К столу вышла дочь хозяйки, молодая и красивая девушка. Ей тоже налили водки, и я не мог отказаться, чтобы не выпить еще с ними вместе. Через некоторое время я почувствовал себя совершенно сытым и слегка пьяным. Хозяйка завела речь о дочери, которая, оказывается, была студенткой первого курса Киевского университета, должна была сдавать первую сессию, как и я, да война помешала. Потом хозяйка вышла во двор, и мы с девушкой остались вдвоем. Честно говоря, она мне сразу понравилась, не только внешне, но и характером своим, мы очень быстро нашли общие темы для разговора и прекрасно друг друга понимали.

Но время, выделенное мне командиром, подходило к концу, я должен был возвращаться в свой батальон. Пришлось распрощаться с гостеприимными хозяевами. Дойдя со мной до калитки, хозяйка вдруг остановила меня: «Миша, оставайтесь у нас. Разве вам не понравилась моя дочь? Вся жизнь у вас впереди». Конечно, мне понравилась эта милая украинская девушка, но как я мог остаться, когда вокруг идет война и нужно сражаться с врагом. На мои слова хозяйка возразила: «Что вы, у нас многие ваши остаются». И действительно, во многих хатах

оставались наши бойцы, боясь не выбраться из окружения или попасть в плен. Но я все-таки извинился и ушел, поблагодарив за гостеприимство.

Позже, оказываясь в сложных ситуациях, часто на грани между жизнью и смертью, я не раз вспоминал этот случай, и всякий раз убеждался в том, что не мог поступить иначе. Перед глазами вставал образ Павки Корчагина, который при любых обстоятельствах оставался честен перед самим собой и никогда не шел против своей совести. Его пример не однажды словно подсказывал мне правильное решение. Кстати, на привалах я часто рассказывал бойцам про книгу Николая Островского «Как закалялась сталь». Мало кто из солдат, особенно пожилого возраста, читал ее — и образование достаточное было не у всех, и время на чтение не всегда оставалось, — но мои рассказы были им интересны.

С каждым днем ряды нашего батальона все редели: некоторые солдаты оставались в примках⁹⁰, кто-то был убит или ранен и оставлен на излечение в какой-нибудь деревне. Мой друг Гриша Каминский, как говорили, пропал без вести. Чувствовалось, что развязка уже близка. Около деревни Погребы Золотоношского района мы напоролись на фашистов. Остатки нашего батальона были взяты в плен, но немногим удалось скрыться в зарослях кукурузы, в их числе был и я. По дороге мимо кукурузного поля мчались немецкие мотоциклы с ручными пулеметами в колясках — фашисты неуклонно продвигались вперед.

Товарищей я растерял и в одиночестве долго думал, куда же идти дальше. Пошел я в сторону, противоположную дороге, по которой продвигались немецкие колонны. Кукурузные поля занимали большую площадь. Шел я долго, изредка утоляя голод уже созревшими кукурузными початками. Стебли достигали в высоту трех метров и надежно укрывали меня от постороннего глаза. Когда я вышел на другую дорогу, то оказалось, что по ней тоже движутся вражеские колонны. Снова я углубился в кукурузные заросли. Неподалеку виднелись домишки одинокого хутора, и я решил остаться некоторое время около него — подождать, пока фронт продвинется дальше на восток и реже будут встречаться вражеские части. Наконец, через несколько дней, когда шум на дороге начал стихать, я осторожно выбрался из кукурузных зарослей. Я шел по солнцу на запад по скошенным пшеничным полям, стараясь избегать встреч с противником. Через несколько суток я вышел на голую равнину, в 10—15 километрах от которой шла дорога. В сухую погоду проходившая по ней вражеская техника поднимала клубы пыли.

Вдали от дороги приметил небольшую деревню. На улице никого. Я наблюдал за ней больше часа — идти, не зная, кто в деревне, было рискованно. Нужно было убедиться, что здесь нет ни фрицев⁹¹, ни полицаев — холуев-предателей, которые, как говорили женщины, уже появились в крупных деревнях с повязками полицейских на рукавах с охотничьими ружьями или даже с немецким оружием⁹². Крадучись по ягоднику на задах огородов, я подобрался к одной избе. Под навесом пожилая женщина чистила кормовую свеклу и, увидев незнакомца, сначала немного трухнула, но убедившись, что человек без оружия и в гражданской одежде, поздоровалась по-украински и замолчала. Потом спросила: «Убежал из плена или скрываешься от «новых хозяев»?

Тогда многие солдаты боялись попасть в плен, выходя из окружения, поэтому спешили поменять военную форму на гражданскую одежду в деревнях, встречавшихся по дороге. Вот тут-то мне и пригодился мой гражданский костюм, который я носил под формой. Я просто поменял их местами, надев костюм поверх формы. На руку было и то, что, попав в армию добровольцем, я не проходил санпропускник, и потому моя пышная шевелюра сохранилась в целости, тогда как все солдаты были обриты наголо. Хотя и тут были свои сложности — командиров и комиссаров в армии не стригли, а в плену расстреливали в первую очередь.

После короткого разговора женщина пригласила меня в беленую хату-мазанку⁹³: «Изголодался, небось, солдатик, зайдем, покушать дам». Когда мы зашли в избу, я попросил позволения вымыться хоть чуть-чуть и переодеться в чистое. «Конечно, сделаем — и помоем, и переоденем», — услышал я в ответ, и хозяйка захлопотала у печки.

Умывшись и пообедав, я начал расспрашивать хозяйку о том, что происходит в округе. Она рассказала, что фашисты уже начали устанавливать свой «новый порядок», что в крупных деревнях и райцентрах появились объявления о смертной казни — расстреле каждого, кто укрывает большевиков и евреев, солдат и офицеров, командиров и комиссаров, также расстрел грозил за саботаж и неподчинение новым властям, за убийство немецких солдат и офицеров, за прослушивание советских радиопередач. С быстротой молнии передавались из деревни в деревню вести о варварских действиях «новых хозяев»⁹⁴.

Рассказала мне хозяйка и историю, которую я вспомнил только после войны, прочитав рассказ М. Шолохова «Судьба человека», в котором она повторялась почти слово в слово⁹⁵.

Фашисты конвоировали колонну пленных. Говорят, там было несколько тысяч солдат и офицеров, взятых при окружении. Была уже осень — дожди, морозные ночи. Теплой одежды ни у кого не было, поэтому многие замерзали по дороге. В одной из больших деревень пленных разместили в церкви. Колокольня была разрушена попаданием вражеского снаряда, а в церкви все разместиться не могли. Тогда старший офицер из конвоя приказал построить всех пленных в две шеренги, которые растянулись примерно на 300 метров. Офицер проходил вдоль строя, всматривался в глаза каждому и задавал единственный вопрос: «Комиссар? Юде?»⁹⁶, после чего пленного выталкивали из строя и отводили в сторону. Таких набралось около двухсот человек. Их отвели в низину за деревней и расстреляли, а остальных загнали в церковь. Людей набилось, как сельдей в бочке, — сесть негде.

Когда хозяйка рассказывала о том, как развернулись события дальше, глаза ее наполнились слезами — сама она была женщиной набожной. Пленные ночью часто стучали в двери церкви, чтобы их выпустили по нужде. Многие из них были люди верующие, да и те, кто не особенно верил в бога, все равно не могли себе позволить справлять естественные надобности в стенах древней церкви. Но охрана не реагировала. В церкви слышались отчаянные крики, шум, стук в двери усиливался. Доведенные до отчаяния пленные, не выдержав, дружно нажали на массивную дверь, она затрещала под вопли и стоны, прижатых к ней людей, терявших сознание. Наконец, дверь сорвалась с петель и проход открылся. В этот момент охранники открыли пулеметный и автоматный огонь и начали забрасывать вырвавшихся во двор пленных гранатами. Почти все были убиты, раненых потом добили из пистолетов. А оставшихся в живых утром погнали дальше.

Эта трагедия потрясла местных жителей. И это совершили люди... Люди, на ременных пряжках которых было выбито «Gott mit uns!», что по-русски означает «С нами Бог!». Стало быть, любые действия этих варваров можно оправдать именем всевышнего.

Хозяйка окончила рассказ, немного помолчала, вытерла подолом фартука слезы и предложила остаться ночевать: «Поздновато уже, стемнело». Заночевал я, а утром отправился в путь, унося с собой необъяснимое чувство вины перед гостеприимной хозяйкой, которая за ночь успела выстирать мою одежду и даже высушить ее у печи. Кроме того, вместо моей старой шинели она дала мне теплую стеганую фуфайку, чтобы не мерзнуть холодными осенними ночами. В дорогу она

положила мне кусок хлеба и шмат сала в сумку, наполнила карман семечками подсолнуха, рассказала, как лучше идти, какие деревни обходить, чтобы не нарваться на фашистов.

Следуя советам хозяйки я пробирался самыми безопасными тропами и однажды встретил белоруса, родом из Гомельской области, вырвавшегося из плена. Мы познакомились. Его звали Василий. Низкого роста, худощавый, черноглазый, с косматыми черными волосами, в рваной одежде, с полотняной торбочкой за плечами и с палкой в руках он скорее выглядел пастушком, чем солдатом. Он, как и многие другие, обменял военную форму на гражданское старье, а впридачу хозяйка положила ему хлеба, сала, луковицы и даже вареные яйца. Он сообщил, что в деревнях встречал полицаев. Они его не задержали, поверили, что идет из тюрьмы и ненавидит Советы за то, что без вины пострадал.

Я рассказал немного о себе. Вдвоем идти стало и веселее, и безопаснее. Прежде чем войти в большой город или крупный населенный пункт, мой попутчик один отправлялся на разведку, затем возвращался и мы выбирали наиболее безопасный путь дальше. Например, в одной из деревень женщина ему сказала, что на окраине есть пост, где полицаям поручено задерживать всех идущих на запад без немецких документов и направлять в ближайший лагерь военнопленных. Эту деревню мы благополучно обошли.

Через Чернигов прошли днем по шоссе. Немцы суетились на улице возле автомашин, кто-то играл на губной гармошке, и никто не обратил на нас внимания, приняв за местных жителей. Мы проходили по уже знакомым местам. Вот насыпь вдоль улицы, на четырех ее углах старинные орудия, дальше руины разрушенного военного училища, полуразрушенного здания фабрики музыкальных инструментов. Покидали город мы уже не по центральному шоссе, а окольными улочками. Вечерело, нам следовало решить, где заночевать. Появилось впечатление, что чем дальше от фронта, тем спокойнее, а по слухам, белорусов не задерживают и пропускают домой. Но оказалось, что все не совсем так. Мы не стали рисковать и переночевали в копне соломы в поле на окраине города, вдали от центральных дорог. У моего напарника был пистолет «ТТ»⁹⁷, который он показал мне, убедившись в моей надежности, но мы надеялись, что нам не придется им воспользоваться.

Дальше дорога пошла кустарниками и болотами, так как приближались мы к родной белорусской земле. Через реку Сож переправились на небольших рыбацких лодках, местные рыбаки поддались на уговоры и перевезли нас на другой берег. Вскоре мы пришли к дому Василия. Он познакомил меня со своими

родителями и с дедушкой. Я остановился у них на несколько суток, хозяйка с радостью согласилась приютить товарища сына по несчастью.

Мы помылись в бане, переоделись в чистое белье и хорошенько выспались после ночевки под открытым небом. На второй или третий день в деревне появились партизаны, они долго нас расспрашивали, приглашали в свой отряд, но я не согласился. Я знал, что партизанские отряды уже действуют почти по всей территории Белоруссии, и в нашей местности тоже наверняка был такой. Еще на фронте я читал сообщения о том, что белорусским партизанам Бумажкову и Павловскому (98) за мужество и героизм, проявленные в боях с фашистами на территории Октябрьского района, было присвоено высокое звание героев Советского Союза. Партизаны согласились со мной, что все же воевать лучше поближе к дому.

Поблагодарив хозяев за приют и гостеприимство, пошагал я дальше один. А через день снова встретил попутчика, он шел до Калинкович. Около одной из деревень мы переправились через Припять. Старик из местных жителей посоветовал держаться вдали от шоссе Гомель-Калинковичи, что проходило по лесной болотистой местности. Так мы и пошли. Впереди показалась небольшая деревенька. Улицу мы прошли спокойно, но из крайней от леса избы вышли нам навстречу два полицейские с повязками на рукавах и с охотничьими ружьями. Остановили нас. Мы объяснили, как и договаривались, что один — учащийся техникума, другой — бывший заключенный, оба идем домой. Но, очевидно, полицейские нам не поверили, провели в хату. Мы остались в передней, а они прошли в комнату. Вдруг слышим за перегородкой разговор: «Что с ними цацкаться, за сарай и конец». А другой голос возражает: «Нет, в Речицу их надо, в лагерь. Молодые еще, здоровые, их в Германию увезут». Услышав все это, мы, не теряя ни секунды, вышли на крыльцо. Там стоял третий полицейский, мы к нему: пусти, мол, за сарай до ветру. Тот по дурости отпустил. А мы за сараем осмотрелись: забор, за ним болото, поросшее кустарником. Забыли и «до ветру». Махнули через ограду — только нас и видели.

Пригнувшись, пробежали по кустарнику, поплутали по болоту, но вышли, наконец, на греблю — дорогу по болоту, выложенную бревнами и жердями. Навстречу нам попало стадо коров, которое женщины гнали домой. Пробираясь между широкими спинами коров, мы вышли к ельнику и орешнику. Оглянулись — погоня. Двое верховых пробирались за нами через стадо. И один из них был уже достаточно близко. Тогда мой товарищ достал наган и выстрелил в преследователя. Лошадь

поднялась на дыбы и встала. Не ожидавшие сопротивления полицаи повернули назад. Мой товарищ улыбнулся: «Смотри-ка ты, и „пушка“ моя пригодилась».

Начинались полесские болота, поросшие ольхой, березами, кустами малинника, черемухи и камышом. Шагая по этим тропинкам, мы иногда встречали женщин и стариков из местных жителей. Они сочувствовали нам и предупреждали о возможной опасности. Шли мы больше днем, так как ночи были холодные, подмораживало, иногда появлялись первые снежинки, и поэтому приходилось искать ночлег.

Помню, вошли мы в одну из деревень километра за два от шоссе Речица-Калинковичи. Заходим в крайнюю хату, объясняем хозяйке суть дела, а она нам заявляет, что без разрешения старосты посторонних на ночь пускать в дом нельзя. Но посмотрев на наши измученные и уставшие от недосыпания и недоедания лица, она согласилась провести нас в сарай на сеновал. Она очень беспокоилась, чтобы нас никто не увидел, так как послушание приказа старосты грозило ей и семье расстрелом, и просила нас вести себя тихо. Еще засветло хозяйка пошла доить корову и принесла нам кувшин свежего молока и кусок хлеба. Мы поблагодарили ее, поели и уснули, как убитые. Утром мы проснулись от того, что хозяйка пришла в сарай доить корову. Она опять принесла нам молока и еще теплый ломоть сковородника (испеченный на сковородке толстый блин из теста, оставшегося после приготовления круглых буханок подового хлеба). Сковородник был вкусным, приятно пах свежим домашним хлебом, а с парным молоком он нам понравился еще больше. Поблагодарив хозяйку за доброту, мы незаметно вышли из сарая, через огород выбрались к лесу, а там по знакомой тропинке дальше на запад.

Вышли мы на шоссе, довольные, что нас никто не видел и мы не подвели нашу хозяйку. Идем, доедаем краешки теплого сковородника, шутим, смеемся. По обе стороны шоссе — замерзшее болото, покрытые инеем кусты, буреломы, которые летом представляют собой непролазные чащи. Примерно через двадцать минут нас догнали еще два человека. Мы решили подождать их, все-таки вместе веселее. Эти двое тоже что-то ели по дороге. Когда они подошли поближе, мы увидели, что они едят теплые блины, смазанные здором — так называют жир из внутренностей свиньи. Мы подождали, пока они закончили еду, потом коротко познакомились. Оказалось, что они идут из Речицы. Фашисты выпустили их из лагеря, и даже выписали пропуска на русском и немецком языках, дающие право проезда

до места жительства, пропуска были заверены подписями немецкого коменданта и печатью со свастикой. Про себя мы оба позавидовали им — у нас таких не было, и нас могли задержать в любой момент за отсутствие каких-либо документов. Мы договорились идти по двое на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не привлекать внимание встречных.

Ближе к десяти утра на шоссе показалась грузовая автомашина, полная немцев. Наши попутчики шли метров в четырехстах впереди нас. Документов, как у них, у нас не было, да и желания лишний раз встречаться с врагом тоже. Я и говорю спутнику: «Давай быстрее в кусты».

Мы спрятались в кустах метров за сто от шоссе. Сидим, ждем. Слышим — машина остановилась, под шум мотора наши попутчики что-то говорили по-белорусски, но вместо ответа прозвучала автоматная очередь. Взревел мотор, и машина вскоре скрылась за поворотом шоссе. Мы подождали еще немного и вышли на дорогу. Оба наши попутчика лежали на земле, истекая кровью и держа в руках немецкие пропуска. Замечаю напарнику: «А ты хотел отнять у них пропуска, ссылаясь на пистолет. Иди, бери те документы». «Да, — говорит, — ты оказался прав».

Еще через пару суток мой попутчик пришел домой в город Калинковичи. Немного отдохнув у него и подкрепившись, пошел я дальше один, обходя деревни, где, по словам местных жителей, уже были немецко-полицейские гарнизоны. Новых попутчиков я уже не встретил. На лодках переправлялся через Птичь и несколько других мелких речушек. Благополучно прошел знакомые с детства деревни Малые Городятичи, Большие Городятичи, Калиновку (бывшая деревня Убибатьки) Любанского района. Странно было слышать от женщин о том, что на Любанщине появились бандиты, которые отнимают оружие и одежду у тех, кто идет из плена, а потом убивают. Не верилось, что это могут быть партизаны. Но чем черт не шутит, об осторожности забывать нельзя никогда. Кстати, в этих полесских деревнях полиции еще не было.

Перейдя временный деревянный мостик через Орессу возле Калиновки, я свернул с дороги вдоль осушительного канала на болото, выломал толстую палку и пошагал напрямик на новый поселок Сосны — центр совхоза Жалы Загальского сельсовета. Здесь в одном из новых домов жили мои родители. Было это в начале ноября, когда болота уже покрылись тонкой корочкой льда, но вода в канавах еще не замерзла. При перепрыгивании таких канав мне очень пригодилась выломанная, почти трехметровая палка, по крайней мере мне не угрожала опасность

выкупаться в ледяной воде. Так за тридцать трое суток из далекой Полтавской области пришел я домой на Любанщину.

Пришел я, когда отец, мать и сестра уже пообедали и каждый был занят своим делом. Они меня не ждали, так как давно не знали, где я и что со мной. Мама со слезами на глазах бросилась мне на шею. Я производил удручающее впечатление — заросший, худой, в старой фуфайке и солдатских сапогах. Начались расспросы. Все это происходило на кухне, а в комнате в это время обедал военный человек, светловолосый, выше среднего роста, в опрятной офицерской форме с чистым подворотничком, с портупеей через плечо и с пистолетом «ТТ» в кобуре на ремне. Мама рассказала, что это комиссар партизанского отряда, который постоянно обедает у нас. Когда мы все вошли в комнату, он уже закончил обед и встал из-за стола, протянув мне руку для приветствия. Из разговоров на кухне он понял, что вернулся сын. Меня сразу поразила исключительная аккуратность его формы. На рукаве у него была красная звезда и угольник, в петлицах по два кубика. Значит, кадровый политработник.

Позже я узнал, что Алексей Васильевич Львов⁹⁹ еще в 1940 году окончил Ивановское военно-политическое училище и прибыл в Белорусский особый военный округ. 22 июня 1941 года на западной границе вел со своим подразделением первые бои с немецко-фашистскими захватчиками. Вырвался и пробирался на восток с группой бойцов, пока в начале августа сорок первого не встретил на болотах совхоза Жалы другую группу бойцов-окруженцев, затем третью. Из личного состава на общем собрании был сформирован отряд, командиром которого единогласно был избран Розов Николай Николаевич¹⁰⁰, а комиссаром — Львов Алексей Васильевич. Это был человек простой, скромный, тактичный и искренний в отношениях с другими, что подкупающе действовало на его собеседников. Коммунист подлинно ленинского стиля.

Но я отвлекся. И пусть читатель простит меня за это.

Мать, прервав наши разговоры, налила в таз горячей воды и оставила умываться. Пока я мылся, она приготовила покушать. После трапезы я кратко рассказал родителям о своих приключениях за последние месяцы с начала войны. К этому времени комиссар уже ушел от нас. Он мне с первого раза понравился не только своей располагающей внешностью, но и всем своим поведением, и манерой разговаривать, особенно же меня привлекали его рассуждения по многим вопросам. Он был именно таким человеком, с которого можно

было брать пример и в жизни, и в боях с врагами.

На второй день после моего приезда, утром совершенно неожиданно приехали несколько грузовых автомашин с немцами и полициями из Любанского гарнизона. Они вылезли из крытых кузовов и быстро разошлись по поселку. Партизаны едва успели спрятать оружие и переодеться, слившись с местными жителями. Никто их не выдал.

Мать как раз подоила корову и возвращалась в дом с ведром молока. Увидев немцев, она забежала в дом и крикнула мне: «Давай быстрее в подпол, там спрячешься и переждешь, пока немцы уйдут». Сестра в это время была у подружки, а отец как бывший бухгалтер в конторе бывшего совхоза. Говорили, что на собрании рабочих он был избран в комиссию по разделу имущества совхоза среди рабочих и служащих. Это было сделано по приказу главного агронома совхоза Войцеховского, которого немцы назначили временно управляющим хозяйством. Директор совхоза, коммунист А.И.Калганов в это время был организатором одного из партизанских отрядов из числа местных жителей.

Однако, фашистские вояки, пробыв недолго в Соснах, поехали дальше, в поселок Жалы. Там они расстреляли несколько человек как партизан и вернулись в Сосны. При помощи переводчика старший офицер немцев объяснил управляющему, что они останутся ночевать в совхозе, что в дома жителей надо подвезти соломы и приготовить постели для солдат и полицейев и обеспечить их питанием.

Под вечер в нашей квартире появились восемь немцев. К этому времени мать уже приготовила для них постель на полу. Она очень беспокоилась за меня в подполе: «Хоть бы не выдал себя кашлем или храпом». Трое немцев, очевидно старших по званию, расположились на двух кроватях и кушетке, мать с сестрой спали на печи, а отец ушел к соседям.

Ночь прошла спокойно. Утром немцы ушли в совхозную столовую завтракать, для них были приготовлены мясные блюда из зарезанных накануне совхозных телят и свиней. После завтрака немцы снова уехали в поселок Жалы.

На беду недалеко от поселка машины были обстреляны из винтовок несколькими партизанами из засады. Машины тотчас остановились. Фрицы начали прочесывать небольшой кустарник вдоль дороги, обследовали крытый навес, где хранились тюки сена и солома от обмолоченного урожая, но никого не обнаружили. Всю свою злобу они выместили на жителях двух многоквартирных кирпичных домов недалеко от навеса. Человек более тридцати мужчин, женщин, даже стариков и детей были загнаны в деревянный сарай с сеном и подожжены со всех сторон.

Эта расправа с мирными жителями за несколько выстрелов преследовала одну цель — нагнать страх перед представителями так называемого «нового порядка» и парализовать волю к сопротивлению.

Из поселка Жалы автомашины с немцами направились в деревню Загалье, где, по имевшимся у них сведениям, председатель сельсовета Корнеев создавал из местных жителей свой партизанский отряд. Позже стало известно, что в Загалье был бой. Несколько домов немцы подожгли, до десятка мирных жителей было убито, в основном старики, так как мужчины и женщины с детьми успели скрыться в лесу, а старики отказались покидать свои дома.

Под вечер того же дня вражеские автомашины вернулись в Сосны и без остановки проследовали в Бариков, Нежин и далее в свой гарнизон.

После отъезда немцев, на второй день меня навестил Аркадий Вечер — мой товарищ по учебе в 6 классе Коммунарской школы. Я его еле узнал — он вырос, располнел, носил кожанку, перевязанную портупеей, а на ремне висела кобура с «маузером». Мы тепло поздоровались, коротко рассказали друг другу о своем житье-бытье, и в конце разговора он предложил мне присоединиться к партизанскому отряду, в котором он сам состоял с момента его формирования. Но мать, услышав наш разговор из кухни, стала просить Аркадия, чтобы подождал немного, мол, пусть отдохнет человек и оправится после всех испытаний.

Через пару недель немцы повторили свой визит в Жалы, но меня тогда дома не было. Я решил сходить в гости к своему лучшему другу Федору Евтуховскому в деревню Чапаево Славковичского сельсовета Глусского района. Мы дружили с Федей, живя на одной квартире в деревне Заболотье Октябрьского района, когда оканчивали девятый и десятый классы средней школы. Вспомнилось, как в то время ребята, в том числе и Федя пытались научить меня курить, но ничего из этого не вышло. Курить я начал только на фронте в тяжелые дни отступления.

У Феде дома, кроме отца, матери и младшего брата, жили с осени 1941 года три партизана из отряда командира Жорки Столярова и комиссара Дмитрия Гуляева¹⁰¹. Одного из этих партизан — Ивана Твердохлебова, я запомнил особенно хорошо. После освобождения Белоруссии он поселился в городе Слуцке, долгое время работал милиционером на железнодорожной станции Слуцк. В настоящее время вышел на пенсию, но продолжает трудиться в товарной конторе станции.

Я кратко рассказал Феде о своих приключениях с начала войны. Федя сообщил, что после окончания школы он поступил в Новобелицкое педагогическое училище под Гомелем, проучился год, а с началом войны вернулся домой. Очень радостной и приятной была наша встреча. Казалось, конца не будет разговорам и воспоминаниям.

Я прожил у Феде больше недели. За это время нам довелось однажды в качестве проводников отвозить на санях партизан на выполнение боевого задания под деревню Барбарово. Оставив нас с лошадьми за два километра от деревни, партизаны штурмом разгромили немецко-полицейский гарнизон и вернулись с трофеями. В основном это было оружие, боеприпасы и продукты питания.

Однажды вечером Иван Твердохлебов «по секрету» рассказал нам, что командир с комиссаром в отряде никак не могут найти общий язык. О командире Столярове многое говорило уже то, что партизаны звали его просто Жорка. Это был человек, склонный к анархизму, который мало уделял внимания отряду, любил выпить и погулять с женщинами. Как выяснилось позже, в армии он служил поваром, а тут возомнил себя командиром и решил возглавить партизанский отряд. Комиссар отряда Дмитрий Гуляев — кадровый военный политработник, отличался строгим отношением к соблюдению воинских требований и порядков, боролся с пьянством и анархией, считая, что без железной дисциплины ни от какого воинского формирования толку не будет. Отряд раскололся надвое: кто-то поддерживал командира, кто-то стоял за комиссара — и таких было большинство. Часто между двумя половинами отряда возникали ссоры и стычки, сопровождавшиеся угрозами применить силу и оружие. Вот в такой обстановке приходилось нам с Федей принимать решение о вступлении в отряд. Все чаще шли разговоры о разделении отряда. Пока не было ничего определенного, я предложил Феде сходить в Жалы, погостить у меня.

Если мне пришлось топтать к Феде пешком по снегу, то обратно в Жалы мы с ним прибыли в санях на его лошади. Он остался у нас на несколько суток, посмотрел, как у нас обстановка, узнал, что делают местные партизаны из отряда Розова. Конечно, ему больше хотелось идти к своим. Мы обсудили наши сомнения с отцом. Папа одобрил наше решение принять участие в деятельности партизанского отряда и даже высказал желание пойти в отряд вместе с нами. Только мать была против, сокрушаясь о том, что у нее всего один сын и она не переживет его смерти. Однако, наше общее решение было твердым,

оставалось только ждать, чем закончится разделение отряда Жорки. Федя уехал.

Шло время, а весточки от него все не было. Мы с отцом занимались хозяйством. Стали обучать молодую рыжую кобылку, запрягать ее в сани. Лошадка неохотно наклоняла голову, чтобы мы могли надеть хомут, и никак не желала вставать между оглоблями саней, пугливо озиралась, когда на поднятую оглоблю надевали дугу, закрепляли сыромятной хомутиной и перекидывали на другую сторону. Как хорошо было вдвоем! Помню, как-то отец затягивал супонь хомута, прицепил концы вожжей, которые я держал, сидя в санях, к уздечке, а потом вдруг выпустил кобылку, и она с места рванулась в галоп. Отец еле успел вскочить в сани. Снега было много, а лошадка неслась галопом более километра, от натуги она вся покрылась пеной и, наконец, тяжело дыша, остановилась в глубоком сугробе. Отец слез с саней, подошел к ней, погладил, дал кусочек хлеба. Минут через десять лошадь успокоилась. Отец хотел было повернуть в обратный путь, взялся за уздечку. Но лошадка вновь вырвалась и понеслась по снежной равнине. Большого труда нам стоило усмирить ее и приучить спокойно ходить в упряжке.

В нашем хозяйстве не было своей упряжи, и приходилось одалживать ее у соседей. Чтобы купить хомут и все остальное, мы с отцом пошли пешком в деревню Озломль, где жил товарищ отца, с которым они познакомились еще когда отец работал в начальной школе в Заельном. Этот крестьянин был специалист по шорному делу. По дороге отец немного рассказал мне о своих родителях, но очень коротко и пообещал еще вернуться к этому разговору. Вскоре мы пришли к дому того крестьянина. Он как раз мастерил хомуты, седелки, уздечки и прочую упряжь. Принял он нас очень любезно. Пока они с отцом разговаривали, хозяйка успела накрыть стол. После того, как отец договорился с шорником об изготовлении упряжи и о сроках, мы немного посидели за столом, перекусили и вернулись домой.

Через некоторое время отец один уехал за готовым заказом, так как я был у друга Феде Евтуховского. Теперь нам не было нужды одалживать упряжь, чтобы запрягать кобылку. По заказу отца другие мастера изготовили для нас сани и повозку. В совхозе были в основном пароконные повозки и нас они не устраивали. Лошадь наша постепенно привыкла к своим обязанностям, и вскоре мы с отцом смогли поехать на санях за дровами за 12 километров на берег Орессы около деревни Нежин. Там еще летом заготавливались метровые бревна, расколотые надвое, чтобы быстрее подсыхали, их складывали в штабеля метровой высоты и длиной примерно два метра.

Первый раз мы положили в сани немного дров, чтобы не перегрузить лошадь. Ехали мы не одни, с соседями, так что набралось подвод пять-шесть. За другими повозками и наша молодая лошадка шла увереннее. В следующий раз мы нагрузились побольше. Так повторилось еще раз. А затем отец посчитал, что я один управлюсь с этой работой. Все было хорошо до тех пор, пока на обратном пути домой не оторвалась одна оглобля от саней. Я сначала немного растерялся. Но лошадь остановилась, товарищи помогли мне укрепить оглоблю заново, запрячь кобылку, и я благополучно приехал домой. Так я еще несколько раз ездил за дровами, чтобы хватило не только до конца зимы, но и на лето, когда уже не будет керосина для примуса, на котором готовили пищу. Тем более что за этими дровами можно было ехать только на санях по замерзшему болоту.

Тем временем произошли события, которые в корне поменяли наши с отцом и Федей планы.

В один из дней в конце февраля 1942 года, когда я на санях привез очередную партию дров, мать бросилась ко мне со слезами на глазах: «Беда, сынок. Приходили партизаны за отцом. А его дома не было. Мне он не сказал, куда ушел, а они решили, что отец убежал и где-то скрывается. Ты ведь знаешь, его с Войцеховским вместе на собрании работники совхоза выбрали в комитет, чтобы он как бухгалтер служил „новым властям“. Отец-то наш так все и оставил тихо. А Войцеховского партизаны недавно расстреляли за то, что очень уж старался. Может, они и на отца что плохое подумали».

Ничего я толком не понял из слов матери, но утешил и пообещал узнать у друзей, которые были в партизанском отряде. Однако дни шли, а мне ничего не удавалось узнать. И отец все не появлялся. В марте того же сорок второго по совету друзей я вступил в отряд Розова. Я еще не понимал, почему и от кого отец скрывается и что ему угрожает. Идти сам к командиру или комиссару с вопросом о судьбе отца я поскромничал, ожидая удобного случая.

В то время я уже принимал участие в выполнении боевых заданий. Мне приходилось бывать и в деревне Заельное и в других местах, где работал отец и многие хорошо его знали.

Тем временем в Минске немцы создали полицейский гарнизон. Кто-то из бывших раскулаченных и высланных вернулся в деревню Заельное и поступил в Яменскую полицию. Как мне стало известно, отец в это время был уже в Любани. Там знакомые помогли ему устроиться на работу продавцом в ларек

бывшего райпотребсоюза почти в центре вражеского гарнизона. Когда Яменский полицейский узнал от местных жителей, что я партизан, а в Любани встретил моего отца, он тут же сообщил об этом в гестапо¹⁰².

В тот же день, это было в начале мая 1942 года, гестаповцы арестовали отца. В тюрьме его долго допрашивали, избивали, пытались узнать, кто и из какого отряда подослал его в Любань. Зная, что сын — партизан, они были уверены, что и отец — партизанский связной.

Пятого мая сорок второго года моего отца вместе с двумя женщинами, которые тоже были страшно избиты и окровавлены, вывезли на подводе за город и расстреляли, сбросив трупы в выкопанный ров на окраине леса около деревни Костюки.

Весть об этом быстро разнеслась по району. Узнали и мы с мамой. Горю нашему, казалось, не было границ.

Только после освобождения Слуцка мне стало понятно поведение отца в то время. Командир партизанской бригады им. Чкалова Розов Николай Николаевич, будучи председателем Слуцкого райисполкома, однажды по моей просьбе подписывал справку о том, что в годы оккупации фашисты зверски расстреляли, замучили и сожгли моих отца, мать и родную сестру, разграбили и уничтожили все имущество семьи, неожиданно для меня заметил: «А я так надеялся на твоего отца. Ведь это по моему заданию он был послан во вражеский гарнизон, а чтобы никто не знал об этом, пришлось ему удрать якобы от партизан». Тогда мне стало понятно, почему отец не сказал ничего ни жене, ни сыну. А в поселке Сосны все так и думали, что отец избежал расстрела партизанами. Расчет Розова был верным. Отец беспартийный, человек старой закалки, судим до войны, значит, недоволен Советской властью. А сын-партизан, регулярно встречаясь с отцом, будет доставлять сведения о намерениях фашистов и полицаев. Не надо будет ни пароля, ни тайных явок — встречи родственников не вызовут подозрений, и сомнений в надежности человека тоже нет: отец сына не выдаст.

В партизанском отряде мне довелось быть рядовым. Потом, после окончания кратковременных курсов, подрывником-разведчиком¹⁰³. Пригодился опыт фронтовых будней, когда воевал в саперном батальоне в первые месяцы войны. Помню, как в деревне Живунь (там тогда стоял наш отряд) создавались добровольные комсомольско-молодежные диверсионные группы. Преподавал подрывное дело специалист из Минского штаба

партизанского движения по фамилии Шимченко¹⁰⁴. Он учил нас ставить заряды тола с капсулями-взрывателями, пользоваться предохранителями при постановке мин под железнодорожными шпалами и рельсами, на шоссе на дорогах для подрыва автомашин. На огороде одного из сельчан был установлен трехметровый участок железнодорожного полотна в натуральную величину. Шимченко учил нас ставить нажимные, натяжные (которые взрываются при контакте со шнуром) и особенно опасные мины, капсули которых взрывались от контакта с батарейкой карманного фонаря. Такие мины очень трудно разминировать.

Особую сложность представляла установка предохранителя. Он крепился при помощи шпагата таким образом, чтобы между рельсом и взрывателем можно было поместить ампулу с кислотой. Это было необходимо, потому что немцы для безопасности движения эшелонов с военными грузами с самого утра отправляли по железной дороге со станции паровоз с несколькими вагонами балласта. Когда паровоз проходил над миной, ампула лопалась, кислота разъедала льняной шпагат, но он не утрачивал свою удерживающую силу еще несколько часов. Благодаря этому мина не взрывалась. Но когда кислота окончательно разрушала шпагат, предохранитель переставал действовать, и следующий эшелон обязательно шел под откос.

После учебы в разное время с группами партизан мне трижды приходилось устанавливать мины по железной дороге Слуцк-Осиповичи, на участках между Повстынью и Уречьем, между Уречьем и Оточкой, между Верхутином и разъездом Пасека. Эшелоны с военной техникой и живой силой противника были пущены под откос. В этих операциях принимали участие мои друзья Костя Фурсов, Степан Вдовин, Хусаин Вахитов и другие.

Боевая операция, 1943 год

На гравийных и песчаных дорогах между Уречьем и Кучином, между Любанью и деревней Таль, между Талью и станцией Уречье, между Слуцком и Уречьем и в других местах на минах, которые я лично устанавливал, было подорвано 16 грузовых и легковых автомашин врага.

Однажды летом сорок третьего года я поставил мину на дороге между Уречьем и деревней Рыбак, километра за два от нее. Потому что если мина взрывалась близко от деревни, то фашисты расстреливали местных жителей и сжигали их дома. Мину мы ставили ночью. По дороге, где оставались следы от протектора колес машины, я разостлал плащ-палатку, на нее выгребалась земля из ямки под ящик с толом-миной. Ящик опустили в ямку, установили капсюль с предохранителем. Ящик сверху накрывался крышкой с таким расчетом, чтобы с дороги не был замечен боек-взрыватель капсюля мины. Закрытый ящик мы аккуратно засыпали песком с плащ-палатки. Чтобы это место не так бросалось в глаза, песок брызгали водой и куском покрывки с протектором делали отпечаток, как будто недавно прошла машина. Остальной песок с палатки уносили в сторону, чтобы не осталось никаких следов.

Мы остались в засаде напротив поставленной мины. Примерно в 10 часов утра со стороны Уречья послышался шум мотора. Через несколько минут показалась огромная крытая машина. Как только левое переднее колесо наехало на мину,

раздался взрыв. Мотор отбросило метров на пять вперед по дороге. Колесо отлетело в сторону засады метров на 10, кузов опрокинулся в кювет, но машина не загорелась. Из нее начали выскакивать немцы. Завязалась перестрелка. Из разбитого кузова выбирались арестованные фашистами советские военнопленные и убегали в лес. Несколько человек из них позже встретились с партизанами из нашей группы и присоединились к отряду. Они рассказали, что гестапо арестовало их всех в Любанском районе, держало в тюрьме, пока шли допросы, а потом в той самой машине, что мы взорвали, отправили в Старые Дороги для погрузки в вагоны и отправки на каторжные работы в Германию.

В ходе перестрелки кто-то из партизан заметил, что со стороны Уречья подъезжают машины с карателями¹⁰⁵. Продолжать бой было бессмысленно. По приказу командира взвода мы отошли в лес. Вскоре подъехавшие каратели выстроились в цепь и, стреляя из автоматов, начали прочесывать лес. Одна из машин остановилась на опушке леса, и немцы, оставив на месте ручной пулемет с расчетом, вышли в картофельное поле. Лес был небольшим и вскоре мы вышли на эту самую опушку, напоровшись на фашистов. Пришлось рассеяться по группам в 2—3 человека и ползком в междурядьях выбираться из вражеского кольца. Когда мы выползли из ботвы, то оказалось, что перед нами болото, поросшее камышом и мелким кустарником. Идти по нему было совершенно невозможно, поэтому пришлось расходиться в разные стороны, тем более что поле было небольшим и по нашим следам фашисты легко могли нас обнаружить. Нас спасла еще несжатая высокая созревшая рожь. Если бы мы опоздали с отходом еще на 10—15 минут, то весь взвод был бы уничтожен или взят в плен.

Особенно запомнились мне мины-сюрпризы, которые изготавливал в различных вариантах молодой инженер из России Александр Беляев. В основном такие сюрпризы приходилось ставить мне с ребятами. Изготавливались они под большим секретом.

Летом сорок второго года мы ставили мину в ящике патефона на подводе по дороге между Любанским вражеским гарнизоном и деревней Орлево. В пустоту металлического ящика Александр залил расплавленный тол, а капсюль взрывателя приспособил к пружине, которой заводится патефон. На круге патефона мы оставили пластинку, уже не помню какую. Ночью мы на старой кляче кое-как добрались поближе к гарнизону, имитировали перестрелку, затем убили лошадь в оглоблях, обмазали кровью старую фуфайку, положили ее на повозку, прикрыв соломой ящик

с патефоном, бросили ржавый диск к ручному пулемету, а сами ушли в лес.

От связных через Леонида Манкевича¹⁰⁶ мы узнали, что каждое утро по этой дороге проходят до двух десятков подвод с полициями и шефом-немцем, они вывозят заготовленные местными жителями жерди и прутья для укрепления стенок окопов и траншей вокруг гарнизона, чтобы не осыпался песок. Именно на них и был рассчитан наш сюрприз.

Как потом рассказывали полицаи из этой колонны, взятые в плен, они остановились у повозки, чтобы узнать, в чем дело. Кто-то сразу начал ворошить солому и нашел патефон. Открыл крышку, завел пружину, и по округе разнеслась мелодия песни. Пока подъезжали остальные и подходили к патефону, кто-то вспомнил ночную перестрелку: «Видишь, бандитов перестреляли, они и трофеи побросали». Вдруг раздался взрыв. Мина сработала. На месте было убито сразу шесть полицаев. Они стояли ближе всех к патефону, прислонившись к повозке. Несколько человек были тяжело ранены и умерли по дороге в больницу. Об этом мы узнали от местного доктора Чадовича Ивана Васильевича¹⁰⁷, который передавал нам информацию через связных. Немцы надолго запомнили партизанский сюрприз.

В другой раз мне с двумя партизанами пришлось ставить на шпалы по железной дороге обыкновенные кирпичи, которые Беляев продавал с одной стороны и начинял взрывчаткой — кусками тола, похожими по размеру на туалетное мыло. Из жести от консервной банки он делал предохранитель — жестяная полоска привязывалась к кирпичине веревочками в трех местах для безопасности при переноске.

Мы ставили такую мину недалеко от станции Уречье. Это было глубокой ночью. Для маскировки, как советовал Саша Беляев, я положил на шпалу несколько листов бумаги, вырванных из какой-то книжки, а сверху придавил их кирпичом. Осторожно перерезал все три веревочки и мина готова к действию.

Мы знали, что каждое утро по железнодорожным путям проходят по два патруля из немцев. Они подошли и с любопытством стали разглядывать листки, видимо они решили, что это партизанские листовки. Один из них ногой толкнул кирпич и... раздался взрыв. Вместе с кусками кирпича отлетела в сторону и нога фрица. Второй был смертельно ранен осколками. В это время сработала вторая мина, поставленная нашими товарищами недалеко от деревни Оточка. Тоже две жертвы. А третью мину, поставленную нами одновременно с нашей около станции Верхутино, немцы расстреляли

из винтовок. Кирпичина взорвалась, не причинив никому вреда. Как потом выяснилось, кто-то позвонил в Верхутино и предупредил о наших сюрпризах.

Еще одну мину с секретом приготовил Саша Беляев из трубок от рамы велосипеда. Трубки он наполнил толом и соединил их капсулем-взрывателем на шарнире, который доставили нам из-за линии фронта, впрочем, как и все остальные детали, необходимые для изготовления мин — бикфордовы шнуры, взрыватели, корпуса и прочее. Эти трубки крепились к деревянной палке, на которой развевался красный флаг, сшитый из куса красной материи или просто из пионерских галстуков. Такой сюрприз группа подрывников установила на металлических креплениях семафора перед въездом на станцию в ночь перед Октябрьским праздником.

Утром патрули, обследуя железнодорожный путь, издалека заметили красный флаг на семафоре. Когда они подошли ближе, старший приказал другому залезть и снять флаг. Тот обрезал шпагат, который соединял металлические трубки с древком, и сорвал все вниз. В ту же секунду раздался взрыв. Закончилось все смертью одного и тяжелым ранением другого. Снимать остальные два флага немцы уже послали полицейав. Еще два фашистских прихлебателя пали от рук партизан.

Однажды Саша Беляев решил заминировать убитого ежика. Кто-то из партизан заболел туберкулезом, а лекарств в лагере не было. По совету стариков решили воспользоваться народным средством — использовать для лечения жир ежика. А ежиную шкурку забрал себе Саша. Принцип заливки тола и установки капсуля-взрывателя в шкуру ежика был похож на минирование кирпича. И предохранитель из жести тоже подошел, только пришлось сделать его чуть меньше. Ставить этот сюрприз по дороге Слуцк — Бобруйск недалеко от деревни Кучино выпало мне с товарищами. Оставив ежика на дороге ближе к обочине, я снял предохранитель и спрятался в кустах вместе с товарищами, чтобы посмотреть, как сработает наша ловушка.

Помню, этим утром на небольшой высоте над дорогой пролетел самолет. Примерно в девять утра по шоссе прошло несколько автомашин. И все мимо. Наконец, к полудню видим, приближается на большой скорости легковая автомашина. Вот она подъехала ближе. Я подумал: «Неужели и эти проскочат?» Но в ту же секунду раздался взрыв, машина опрокинулась, немцы с передних сидений — офицер и водитель, были убиты на месте, а третьего нам пришлось добить. Захватив трофеи, оружие — автомат и два пистолета, полевые сумки и чемодан, мы скрылись в лесу. Прибыв в отряд, я сдал трофеи и доложил об успешном

выполнении боевого задания.

На всю жизнь запомнилась мне удачная засада по дороге из Любани в Сосны, бывший совхоз им. 10-летия БССР, где размещался вражеский гарнизон. Дело было в сорок втором году как раз накануне Первомайского праздника. Группа партизан под командованием комиссара Алексея Васильевича Львова, имея на вооружении два ручных пулемета, три автомата и несколько винтовок, залегла с ночи в небольшом сосняке метрах в семидесяти-ста от дороги недалеко от деревни Седьмое. И надо же такому случиться, что крытая штабная машина (водителем был предатель с Украины, сдавшийся в плен еще в сорок первом и заслуживший доверие фашистов), вырвавшись из колонны, обогнала все впереди идущие и бронемашину с мотоциклами, и оторвалась от них километра на два. Когда эта машина приблизилась к нашей засаде, с двух сторон раздались автоматные и пулеметные очереди и одиночные винтовочные выстрелы. Водитель и офицер в кабине были сразу убиты. Потеряв управление, машина съехала в кювет. Из кузова через заднюю дверь начали выпрыгивать фашисты. Таких до этого мы никогда не встречали. Вскоре все они были уничтожены. Среди убитых оказалось два генерала из ставки Гитлера из Берлина, несколько высших офицеров и только водитель имел младший чин. Мы тогда взяли четырнадцать пистолетов, два автомата, боеприпасы, несколько портфелей с ценными документами, около десятка чемоданов с личными вещами. Поскольку одежды и обуви у нас не было, мы сняли сапоги и форму с убитых немцев. Вся операция заняла не более пятнадцати минут. Когда мы ушли от места засады глубже в лес, над дорогой появилась немецкая «рама». Вдали по дороге послышался гул моторов приближающейся колонны.

Примерно через час, когда мы отошли далеко в лес и опасаться погони уже не следовало, мы остановились на привал. Штыками вскрыли замки чемоданов и достали содержимое. В некоторых чемоданах были личные вещи офицеров, бутылки с французским коньяком и шампанским, фотографии. В чемодане, который нес я, оказались картонные коробочки с немецкими наградами — железными крестами. Так обидно было — тащил тяжеленный чемодан, а в нем оказалась ерунда. Каждый взял себе в карман несколько коробочек на память, а остальные я выбросил в болото вместе с чемоданом. У двух генералов были взяты кортики с посеребренными ножнами и портретом Гитлера на рукоятке с дарственной надписью от фюрера кому-то (по-немецки была указана фамилия и звание награжденного). Один из этих кортиков достался Розову,

второй — его адъютанту, который и забрал их во время боя.

Это была удача. Своеобразный подарок к Первомаю. Среди партизан никто не был даже ранен.

Стоит упомянуть еще об одном эпизоде. Произошло это в середине апреля или ближе к концу, на пасху. Наш отряд располагался в лесу недалеко от деревни Веженка. С нами была группа военнослужащих во главе с генерал-майором Михаилом Петровичем Константиновым¹⁰⁸. Он был ранен еще в начале войны и со своими подчиненными остался в тылу врага. У каждого из его бойцов было свое оружие: винтовка, карабин, наган или «маузер», советский или трофейный автомат, и по несколько гранат.

Мы с группой разведчиков поехали в деревню узнать, часто ли бывают у них немцы, и неизвестно ли когда они появятся. Местные жители отмечали пасху и были под хмельком, нас пытались угощать, но мы отказались. Тогда нам принесли несколько бутылок с самогоном и продуктов на закуску и сгрузили на подводу, мол, в отряде погуляете, выпьете за наше здоровье. Казалось, что все хорошо и спокойно. Но стоило нам выехать за деревню, как на дороге появилась грузовая автомашинa с немцами. Пришлось подхлестнуть лошадей и пустить их галопом, чтобы успеть скрыться в лесу. Повидимому, немцы заметили ударающую подводу, но вместо того, чтобы организовать погоню, старший офицер, выйдя из машины, через переводчика начал опрашивать местных жителей, кто был на подводе и что им надо было в деревне, что за партизаны и сколько их было.

Немцы высадились из машины, вышли за деревню, рассыпались по полю цепью и начали прочесывать лес. Нам были слышны их бесприцельные автоматные очереди. В это время партизаны по приказу командира отряда заняли оборону и приготовились встретить свинцом непрошенных гостей. Не забуду, как лежащих в цепи партизан обходил перед боем генерал-майор Константинов. Он был одет в фуфайку, подпоясан обыкновенным поясом с кистями, на котором висел кисет с табаком. Низкого роста, крепкий, с пышными буденновскими усами, он проходил и каждому делал какое-нибудь замечание, давал совет. Мне, помнится, посоветовал поменять положение, лечь с правой стороны пня, чтобы голова была прикрыта его толщей. Надо сказать, что партизаны редко принимали открытый бой, только в исключительных случаях, и советы и поддержка кадрового командира были очень кстати.

Когда немцы подошли к опушке, где мы лежали в засаде,

на расстояние 70—100 метров, мы открыли огонь. Стреляли в основном партизаны, бойцы из группы Константинова сэкономили патроны, так как немцев было немного. Через каких-нибудь полчаса все немцы и офицеры были уничтожены. Мы собрали оружие с запасными дисками и патронами к нему, гранаты. Но радоваться было рано.

Пока шел бой, и мы собирали трофеи, из Любани выехало несколько грузовиков с немцами и полицаями. Пришлось нам вновь занять оборону на том же месте, только теперь к нам присоединились и бойцы Константинова. Когда немцы вышли цепью и начали наступление, расстояние все сокращалось, некоторые партизаны не выдерживали и открывали прицельный огонь без приказа. Выстрелы были редкими, но каждый достигал цели. А когда расстояние сократилось до ста метров, по приказу Константинова «заговорили» автоматчики.

Немцы залегли. Началась перестрелка. В небе появились вражеские самолеты, но видимо не решились бросать бомбы рядом со своими и вскоре, покружившись, улетели. Тем временем к немцам подтянулось свежее подкрепление. Партизаны были вынуждены отступить.

Поскольку дороги были перекрыты фашистами, пробиваться пришлось по лесу маленькими группами. Так получилось, что я остался с командиром роты Петром Иосифовичем Столицей¹⁰⁹. Он был родом с Украины, до войны окончил пехотное военное училище и в звании лейтенанта служил на западной границе, где его и застала война. Сражался под Могилевом, попал в окружение и создал группу, которая позже присоединилась к отряду Розова. Это был смелый и опытный командир. Он увидел меня впервые еще в Соснах. Здесь узнал и посоветовал: «Ты держись меня, я буду впереди метрах в 50—100, делай, как я. Если немцы обнаружат, не удирай, а прикрой меня стрельбой по врагу. За это время я отползу назад и прикрою тебя. Так мы выйдем из любого положения». Его совет был достаточно убедительным, и я решил в точности ему следовать. Но немцев мы на своем пути не встретили, вышли из окружения и вскоре встретились с другими группами наших партизан, вместе с которыми благополучно вернулись в расположение лагеря.

Среди партизан было несколько убитых, а раненных мы доставили в отряд.

Начался апрель сорок второго года. Тает снег под лучами солнца, зажурчали ручейки, слышатся первые песни птиц. Днем тепло, а ночью еще подмораживает. Звук шагов с треском рассыпается в тишине, когда ранним утром ступаешь по слегка

замерзшим лужам.

Группа партизан около тридцати человек под командованием Смирнова¹¹⁰ возвращалась из-под Верхутина. На повозках лежало собранное оружие: винтовки, патроны в цинковых ящиках, снаряды — все, что осталось в лесу между Уречьем и Старыми Дорогами, где в сорок первом фашистские полчища наносили удары по отступавшим советским войскам, когда фронт был где-то под Бобруйском. Остановились на отдых в деревне Вараново, которая располагалась вдали от вражеских гарнизонов ближе к лесу.

Завязывать бои нам не рекомендовалось, чтобы не потерять добытое с таким трудом оружие. Мы ночами обходили немецко-полицейские гарнизоны, но избежать боя около деревни Вараново все же не удалось. Участники этого сражения не раз потом вспоминали о том, что успех партизан во многом зависел от действий Хусаина Вахитова¹¹¹.

Он перед рассветом стоял на посту у крайней избы на околице, мимо шла дорога в лес. Казалось, все спокойно. Партизаны с минуты на минуту ждали приказа трогаться. Уже отправлены люди снять часовых, и вдруг — выстрел, другой, третий... «В чем дело?» — «Беги к Вахитову, — приказывает мне командир. — Узнай, что за стрельба и срочно доложи мне». Тем временем стрельба усиливалась. Пробираюсь за заборами на окраину. Хусаин стоял уже в сарае и в дырки между бревнами стрелял куда-то. На мой вопрос он торопливо объяснил: «Понимаешь, как получилось, вынужден был завязать бой с полицией, хотя уже и уходить собирался. Вижу, пацан какой-то идет по дороге из леса. Дай, думаю, подожду, может он, конечно, и из деревни, а кто его все-таки знает. Стою, наблюдаю. Через некоторое время за ним из леса выходят четверо вооруженных, точно не наши, я их не знаю. Пацана, что подошел уже близко, я выдернул за сарай, он сразу чего-то испугался. Тут связной подошел, которого командир отправил посты снять. Я ему пацана передал: „Отведи, — говорю, — к командиру, пусть там разберутся, кто он и откуда“. А сам смотрю за теми, из леса, подошли ближе — полицаи. Ну, я и шарахнул по ним из винтовки. Они залегли и отстреливаться. Да, а пацана-то привели?» Я говорю: «Не знаю, не видел». «Тогда иди, доложи все, а я тут их пока задержу», — сказал он и начал стрелять по невидимым мне целям. Тут из леса показался целый обоз полицаев. Более пятнадцати повозок вытянулись по дороге. Возвращаясь назад к командиру, я успел заметить, что обоз остановился, полицаи сошлись у одной из повозок, очевидно, обсуждая, что делать дальше.

По приказу командира партизаны заняли оборону на окраине деревни. Николай Саенко удобно пристроился с ручным пулеметом, около него суеился Семен Резников с дисками патронов. Несколько автоматчиков забрались на крыши сараев и чердаки домов. Все затаились, ожидая команды «Огонь!»

Полицейские развернулись цепью, издалека начали обстреливать деревню, не видя нас. Их было более пятидесяти человек, несколько остались возле повозок в семистах метрах от деревни. Когда полицаи подошли метров на сто, беспорядочно стреляя, раздалась команда и дружные залпы партизан остановили врагов. Некоторые бросились назад, другие залегли. У нас были ранены Бернацкий и Пьянин, еще двоих перенесли на повозки, перевязав им раны. Но исход боя был уже предрешен. Полицаи не выдержали и, бросив обоз, удрали. Вахитов убил тогда шестерых предателей.

Подобрав оружие убитых и прочие трофеи, мы выехали из деревни и благополучно добрались до отряда.

Однажды Хусаин Вахитов взял в разведку меня и Костю Фурсова¹¹². Предстояло узнать об изменениях во вражеском гарнизоне Слуцка, передать подпольщикам и связным из города очередные задания командования и доставленные самолетом с Большой Земли свежие номера «Правды», «Комсомольской правды», листовки и бригадную газету «Народный мститель»¹¹³, орган Слуцкого подпольного райкома партии.

В деревнях вокруг Слуцка было немало связных и подпольщиков, у которых можно было передневать, не показываясь на улицу, встретиться со связными из Слуцка. Некоторые из них рвались в партизаны, но им говорили: «Пока вы здесь нужнее, в отряд не опоздаете».

В деревне Большая Слива нашим связным был Василий Голец, ему помогали молодая жена Татьяна и родная сестра Анастасия, а также соседка по дому, жена советского офицера-чекиста, «тетя Дуся», которая вынуждена была устроиться здесь, эвакуировавшись из Баранович с двумя дочками. С их помощью мы получали сведения о вражеском гарнизоне, которые помогали нам при проведении операций.

У одного из партизан — Василия Гольца в Слуцке жил школьный товарищ по фамилии Коляда. Они дружили еще со школьной скамьи. В годы оккупации Коляда пошел на службу в полицию и к этому времени удостоился должности заместителя начальника Слуцкой полиции. Через Василия он передал нам записку, в которой выразил согласие сотрудничать с партизанами. Чтобы заслужить доверие он с этой же запиской

передал нам 10 тысяч рублей советскими деньгами и столько же облигациями довоенных займов. Но когда в очередной записке Коляда сообщил, что группа военнопленных из 22 человек, которых немцы использовали для ремонта своей техники в Слуцких авторемонтных мастерских, хотят присоединиться к партизанскому отряду, это нас насторожило. Обычно командование отряда располагало сведениями из лагерей военнопленных и всегда направляло группу разведчиков. Об этом же никто не знал. Мы решили обсудить это с командованием. Комиссар отряда Столица при расставании после серьезного разговора предупредил: «Смотрите, чтобы не нарваться на провокацию. А лучше всего вызовите его на личную встречу в удобное место».

Возвратившись в Слуцк через несколько дней, связные вручили Коляде мою записку с приглашением на личную встречу. Вскоре мы получили от него ответ, что он, вроде, согласен, но нет времени. Началась переписка, и со временем стало ясно, что он уклоняется от встречи с нами. Тогда мы решили пригрозить ему, что если он не придет на встречу, то мы все его записки, переданные партизанам, переправим в гестапо. Наконец, получаем от него записку: «Согласен, назовите место и время встречи». Мы договорились между собой, что удобнее всего назначить встречу на опушке возле дороги из Большой Сливы на Нежевку. Определили время встречи и день. В назначенный день я, Костя Фурсов и Вахитов еще с ночи залегли в кустарнике напротив условленного места встречи, зайдя со стороны реки Случь, чтобы не оставлять следов. От нас до места предполагаемого свидания было около трехсот метров. На пилотки и фуражки мы нацепили зеленые ветки и траву для маскировки. Дорога хорошо просматривалась, и когда рассвело, мы видели место предстоящей встречи, как на ладони.

Лежать пришлось до 16 часов дня. Минут за пятнадцать до назначенного срока на дороге показался велосипедист. «Наверно, он», — переглянулись мы. И действительно. Он подъехал к краю кустарника, бросил велосипед, осмотрелся вокруг и в назначенное время дал условный сигнал, просвистев несколько раз. Немного подождал — никто не появляется. Он углубился в кусты, попробовал свистеть там. Вахитов предложил: «Пойдем». Я возразил: «Успеем еще, обождать надо, а он никуда не денется». Лежим — ждем. Вахитов снова торопит, но мы с Костей, словно предчувствуя подвох, настояли на своем. Ждем еще минут пять-десять. Вахитов начал горячиться, обозвал нас трусами, но мы с Костей не обращали внимания и продолжали выжидать. Наконец, мне послышался шум моторов. Все

прислушались. Подождали еще минут десять. Вахитов пытался подняться и один выйти на встречу с Колядой, но нам удалось остановить, слегка остудив его пыл. А еще через несколько минут видим — по дороге из Большой Сливы выезжают две грузовые автомашины. У опушки они остановились и из кузовов начали выпрыгивать немцы и «черные бобики» (так мы называли полицаев). Тогда я и сказал Вахитову: «Ну, что теперь иди, что — струсил?» Потом шум моторов раздался с другой стороны леса.

Позже оказалось, что немцы прочесали все заросли кустарника и лес, но никого не нашли. А мы спокойно пролежали с другой стороны дороги у реки до позднего вечера, молча переживая момент, когда сами могли прийти в руки фашистов. Ни у кого даже предположения не возникло, что почти на ровном месте могут скрываться партизаны. Конечно, все мы пережили страшные минуты. И никогда не поверю, что есть храбрецы, которые заявляют, что ничего не боятся. Мы убедились в правоте слов комиссара: Коляда оказался провокатором.

Вечером того же дня, когда все немного утихло, мы договорились пробраться ближе к деревне Большая Слива и скрыться на дневку в полуразрушенной ветряной мельнице, которая стояла на берегу речки как раз напротив дома, где жил Василий Голец с семьей. Мы хотели предупредить Василия о провокации и забрать его в отряд. Но сделать этого не удалось. Мы не успели... И на рассвете следующего дня, добравшись до места, с высоты ветряка мы наблюдали, как к дому Гольца подъехали две фашистские грузовые автомашины. Немцы окружили дом, но Василий успел выскочить через окно в огород. По убежавшему открыли огонь, ранили и, истекающего кровью, его потащили к машине и посадили в кузов. Арестовали его жену, которая была с грудным ребенком на руках, и сестру. Пока их выводили из дома и грузили в машины, Василий еще раз пытался бежать. Он выскочил из грузовика и успел преодолеть несколько метров, раздался еще один выстрел и он упал, но не был убит.

О том, что произошло на дороге потом, нам рассказал живший неподалеку старик. Один из полицейских начальников по фамилии Бузук подошел к пытавшемуся подняться Василию, достал наган, и прежде, чем выстрелить, процедил со злобой: «Ну что, бандит, доигрался. А еще прикидывался другом Коляды». В ответ Василий успел прокричать: «Стреляй, гад, но и вам скоро будет амба!» В тот же день было арестовано, вывезено в Слуцк, а затем расстреляно еще тринадцать оставшихся в деревнях партизанских семей, которые в основном состояли из женщин, стариков и детей.

Слова Василия оказались пророческими, как и слова многих

патриотов, положивших свои жизни в борьбе с фашизмом. Вскоре после разгрома фашистов Бузук был арестован в Слущке и приговорен к расстрелу, в назначенный срок приговор был приведен в исполнение¹¹⁴.

Чувство ненависти к врагу настолько овладело нами, что хотелось мстить на каждом шагу при первой же возможности.

Немного позже этих событий мы встретились с нашим другим связным — Сергеем Живоглом, который жил на окраине деревни Козловичи рядом с железнодорожным полотном. Ночью мы пришли к нему домой, рассказали о последних трагических событиях, о нашем желании отомстить врагам. Сергей серьезно задумался. Он жил с отцом и маленьким ребенком без матери. Тут же Сергей повел нас на гумно, где хранилось сено, солома, необмолоченные снопы. На гумне он оставил нас на ночлег. А сам пообещал на следующий день сходить в соседнюю деревню Бондари, где у него жила родная сестра, чтобы попросить ее сходить в Малую Сливку. Она должна была узнать в этой деревне от своей дальней родственницы по мужу, сколько немцев охраняют в дзоте мост через реку на железной дороге, по сколько человек и когда приходят они в деревню.

После возвращения сестры Сергей рассказал нам обо всем, что удалось выяснить. Мы попросили провести нас по торфяному болоту в Малую Сливку, чтобы ночью быть там. Сергей подвел нас к кладке через речку и посоветовал, как лучше пройти и где остановиться на дневку, чтобы никто не обнаружил, а сам вернулся назад домой.

Найти место дневки оказалось непросто. Перебирая сарай за сараем, мы так и не нашли подходящего места. Оставалось последнее с края деревни гумно. Костя Фурсов, самый маленький и худой, отодвинув доску из-под дверей гумна, пролез внутрь и позвал нас за собой. Мы тоже пролезли, поставили доску на место. Уже рассветало, и сквозь щели проникали первые солнечные лучи. Мы удобно разместились в углу гумна между кучей сухого сена и толстыми снопами обмолоченной ржи (их называют кулями и используют для покрытия крыши). Утром слышали, как хозяин открыл дверь, вошел в гумно, что-то переставлял, мастерил, готовясь к обмолоту снопов новой партии урожая. Несколько раз хозяин приходил, уходил, опять возвращался и ничего не замечал. Когда хозяин уходил, кто-нибудь из нас бежал к дырке в стене и наблюдал за происходящим на улице.

Мы видели, что в деревню по железной дороге от дзота¹¹⁵ сначала прошел один немец, через час еще двое. Назад они как

будто еще не возвращались. Стояла жуткая жара, нас одолевала жажда, к тому же очень хотелось есть. После обеда мы услышали визг свиньи. «Наверное, зарезали, сейчас придут за кулями, чтобы осмолить», — предположил кто-то из нас. И правда, через каких-нибудь полчаса приходит хозяин за кулями, а поскольку прятаться на гумне было больше негде, кроме как за кулями, естественно, подняв куль, он нас обнаружил. С перепугу он, конечно, закричал, но к нему тут же бросился Вахитов с пистолетом: «Замолчи!» Хозяин еле пришел в себя. А когда он успокоился, нам даже удалось поговорить.

— Есть полицаи в деревне? Кто они?

Хозяин опустил голову и замолчал, потом нехотя признался:

— Есть один... Только мой брат... Только вы его не убивайте. Он туберкулезом заболел, и его немцы отправили домой...

— Смотри, старик, если выдашь нас немцам, живыми не сдадимся, видим через щели во все стороны. Но и вас с братом не пощадим. Если не мы, то другие партизаны отомстят за нас.

Хозяин пообещал сохранить тайну и выполнил свое слово. По нашей просьбе он принес крынку кислого молока и полбуханки хлеба, замкнул двери гумна на замок, чтобы никто из домашних случайно на нас не наткнулся. Пока хозяин управлялся со свиньей, мы наблюдали за окрестностями. Увидели, что по тропинке рядом с гумном из деревни вышел к дзоту один немец, Вахитов, предположив, что скоро уйдут и оставшиеся два немца, предложил начать действовать. Мы были заперты снаружи, поэтому нам оставался только второй выход, двери которого были забиты досочками. Прикладом карабина¹¹⁶ выбили доски и через дырку пролезли в огород. Согнувшись, перебежали к кустам малины и напоролись на колючую проволоку. Перелезли через нее, перешли тропинку по сенокосу и выскочили в переулоч. Видим: навстречу идет еще один немец — невысокий, пожилой, коренастый. В руках у него три фляги молока и столько же с сырыми яйцами. На ремне висел кинжал, а за поясом — граната с деревянной ручкой. Не ожидая опасности, немец спокойно шел нам навстречу. Когда мы поравнялись, Вахитов ударил его прикладом карабина по голове, по плечу, выхватил кинжал и гранату, и на правах старшего скомандовал мне: «Веди его в то гумно, где мы сидели».

Когда я с фрицем вернулся назад, оказалось, что хозяин открыл гумно и ушел куда-то. Я завел немца на гумно, связал ему сзади руки крепкой веревкой. Пока я управлялся с немцем, на дороге раздалось несколько выстрелов, а через несколько минут прибежали Вахитов и Фурсов с трофеями: пистолетом, гранатой, флягами с молоком и яйцами, да еще с сапогами,

снятыми с убитого немца, и с его формой. По росту она как раз подошла Вахитову, позже он не раз ее использовал.

Солнце клонилось к закату. Мы направились по улице в конец деревни, чтобы по той же кладке, что и ночью, перейти речку и по торфянику возвратиться в Козловичи с «языком»¹¹⁷. Когда прошли половину пути, я увидел, что нам навстречу идет еще один немец. Показываю его Вахитову, тот тоже увидел. Немец шел медленно, что-то насвистывая и ничего не подозревая. Тогда я по приказу Вахитова, не целясь, выстрелил в него. Он упал и закричал, Фурсов добил его вторым выстрелом. Пока мы снимали с него ремень с кинжалом и подсумки с патронами, забирали фляги, я не заметил, как с моей головы упала на землю новая офицерская фуражка. Оставив труп на дороге, мы с пленным добежали до кладки, перешли реку, только немец поскользнулся, и его пришлось вытаскивать из воды мокрого. Сохраняя бдительность, укрываясь в кустах, мы сумели незаметно выйти по болоту к Козловичам, а к полуночи были во дворе Сергея Живоглода. Он тут же запряг лошадь в повозку, посадил на нее пленного немца и Фурсова для охраны. А мы с Вахитовым на трофейных велосипедах, приготовленных здесь на всякий случай, поспешили в деревню Паничи.

Через несколько суток пути мы прибыли в отряд и доложили в штабе о выполнении задания, привели «языка». Поскольку немец оказался вполне безобидным — кондуктором трамвая из Вены, он ничем не вызывал нашей вражды, мы упросили командование оставить его в отряде для работы на кухне. Пусть носит воду, заготавливает дрова, чистит картошку. Он очень хорошо справлялся со своими обязанностями и не высказывал недовольства, похоже, это устраивало его гораздо больше, чем участие в боевых действиях.

Попутно расскажу о необычайной судьбе этого немца. Звали его Андреас, но мы называли его просто Андреем. Однажды во время блокады его поймали партизаны другого отряда и уже хотели пустить пулю, когда я случайно с ними встретился. Немец вырвался из рук партизан и бросился ко мне. Я объяснил, что это «наш» немец, он у нас в отряде. Второй раз его поймали немцы во время блокады весной сорок четвертого и вместе с чехом Юрием, который тоже был у нас в отряде, отвезли на машине в Старые Дороги. Из тюрьмы их освободила Советская Армия. После освобождения Андрею выдали справку, что он был в отряде Громова бригады им. Чкалова¹¹⁸. Его назначили каким-то начальником в лагерь военнопленных недалеко от Бобруйска, а после освобождения Австрии он уехал в Вену.

С Андреем в отряде произошел еще один необычный случай. Когда недалеко от нашего отряда упал на болото и не взорвался фашистский бомбардировщик, были пойманы и доставлены в штаб бригады 4 летчика: два немца и два австрийца. Кто-то сообщил об этом Андрею. Он нашел меня и спросил, можно ли ему повидать пленных летчиков. Я повел его на поляну, где в окружении партизан стояли пленные в летных комбинезонах. Немец был низкого роста, я попросил ребят пропустить его вперед. Вдруг наш немец бросается к одному из летчиков, они обнимаются, целуются, расспрашивают друг друга, кто как сюда попал. Андрей, показывая на меня, Фурсова и Вахитова, поведал, что мы взяли его в плен и оставили на кухне с разрешения командования. Летчик рассказал ему, как оказался здесь. Андрей вернулся к нам и сообщил, что два австрийских летчика «есть гут комарад», а два немца — фашисты. На вопрос, почему «гут комарад» оказались с ними вместе, он ответил, что австрийцы были мобилизованы насильно и в первом же неудачном бою были обречены на смерть, так как находились в самолете без парашютов. Спрашиваю, что за летчик, с которым он обнимался, он отвечает, что это его будущий зять: до войны этот летчик ухаживал за его дочкой и ездил в летное училище на трамвае, кондуктором которого работал Андрей. Я удивился: бывает же такое?! В густом еловом лесу на партизанской поляне встретились земляки из далекой Вены.

После той операции с провокатором Колядой я больше не ходил на задания с Вахитовым. Летом сорок третьего года он погиб недалеко от Слуцка в неравном бою с фашистами.

В конце ноября сорок второго года большая группа партизан из разных отрядов по приказу Минского штаба партизанского соединения вышла на разгром крупного немецко-полицейского гарнизона в деревне Ломовичи Октябрьского района. Партизаны несколько раз пытались разгромить это «осиное гнездо», но неудачно. Партизаны несли потери убитыми и ранеными. В гарнизоне было свыше четырехсот полицейских и несколько десятков немцев в качестве шэфов. Руководил предателями бывший капитан Красной Армии из инженерно-технических частей. Гарнизон был связан целой цепочкой своеобразных дзотов, соединенных между собой траншеями, покрытыми сверху бревнами. На окраине деревни на перекрестке стоял главный дзот с железной печкой, трехъярусными нарами и амбразурами для стрельбы из автоматов и пулеметов во всех направлениях. Как огневые точки были использованы обычные погреба жителей для хранения картофеля и овощей. В каждом погребе было по три

амбразуры.

Еще в темноте партизан нашего отряда выстроили в цепь. Все в белых маскировочных халатах, мы медленно приближались к деревне. Когда разведчики неслышно убрали часовых на окраине деревни, в небо взвилась ракета — сигнал к общему наступлению. Послышались автоматные и пулеметные очереди, одиночные выстрелы. Я подбежал к деревне и залег на погребе, выискивая цель. В темноте было трудно разобрать, где враг, а где свои. Пробежал к сараю. Осмотрелся. Выбежал через двор на улицу. Здесь пули свистели гораздо чаще в обоих направлениях. Наших я потерял в потемках. Снова вернулся к сараю. В ту же минуту начался обстрел дзотов из партизанской пушки. Один из снарядов перелетел цель и взорвался на крыше сарая, у которого я стоял. Я еле успел уклониться от удара бревном. Начало рассветать, отчетливее стали заметны люди. На погребе, где я лежал раньше, я увидел партизана в полушубке, валенках, шапке-ушанке и с автоматом. Я закричал ему, чтобы он шел ко мне, но он, видимо, не расслышал в гуле идущего боя. А когда совсем рассвело, из амбразуры того погреба раздались автоматные очереди. Партизан на погребе растерялся. Он скатился с другой стороны погреба, закрыв своим телом одну из амбразур. Раздалось несколько винтовочных выстрелов, наш партизан был тяжело ранен и закричал, чтобы ему оказали помощь. Вместе с другими партизанами, оказавшимися поблизости, мы прикрыли амбразуры снопами соломы, а в двери бросили гранату, предварительно оттащив раненого в безопасное место.

Через два часа бой окончился полным разгромом гарнизона. Во время боя было убито несколько партизан, а среди тяжело раненных оказался командир роты Павел Преснов из нашего отряда. Когда все собрались к отъезду, раненых уложили на сани, убитых — отдельно, взяли богатые трофеи и через несколько суток возвратились на место в деревню Живунь Любаньского района. Раненых разместили по отдельным квартирам, а Павла Преснова отвезли на партизанский аэродром, там посадили на самолет и переправили на Большую Землю¹¹⁹.

Как-то вызывает меня командир взвода и направляет в соседний дом сменить партизана, ухаживавшего за тяжелораненым. Тяжелораненой оказалась семнадцатилетняя девушка. Она назвала себя Риммой Шершневой¹²⁰. Рассказала, что вместе с комсомольским отрядом имени Гастелло из молодых москвичей она перешла линию фронта и прибыла в Любаньский район. Участвовала в разгроме полицейского гарнизона

в Ломовичах. Из дальнейшего разговора выяснилось, что это она сидела на погребке, и именно ее я звал за собой. Это она скатилась с погребка и закрыла собой амбразуру. Разрывной пулей она была тяжело ранена в пах, а на месте выхода пули был вырван большой кусок мяса. Мне нравилось разговаривать с Риммой. Она вспоминала свое детство, мать и отца, эвакуацию из Жлобина в Оренбургскую область, настойчивые заявления в ЦК комсомола, вызов в Москву, учебу на курсах диверсантов и боевой путь по вражеским тылам до места назначения. Когда через сутки ее зашел проводить командир отряда Розов, она попросила, чтобы меня не заменяли другим партизаном.

Так я ухаживал за ней до утра 7 декабря 1942 года. Римма потеряла очень много крови, и ей нужно было переливание, а когда кровь привезли, оказалось, что она не той группы. Утром того дня Римма попросила меня поправить подушку, чтобы чуть приподняться на кровати. «Ну вот и хорошо, — произнесла она и добавила, — Что теперь делает моя мама?» Через некоторое время она попросила рассказать что-нибудь из литературы. Ей нравилось обсуждать со мной героев любимых книг, таких, например, как Павка Корчагин. Но на этот раз только я начал говорить, как заметил, что она глубоко вздохнула и замолкла. Почувствовав неладное, я срочно побежал за фельдшером Василием Пепениным в соседний дом. Он прибежал, увидел Римму и сразу ввел ей два укола, затем начал делать искусственное дыхание. Со лба его пот катился градом. Минут через сорок он попросил меня оторвать кусок бумаги и поджечь его. Горящую бумагу он поднес ко рту Риммы — пламя не колебалось. «Значит, все, конец», — с горечью произнес Василий.

Римму со всеми почестями похоронили в деревне Живунь, а после войны ее останки перенесли в Любань и поставили памятник. За мужество и героизм она посмертно награждена орденом Боевого Красного Знамени. Обо всем этом мне стало известно после войны от Василия Пепенина, к которому мы с женой и дочкой Наташей ездили из Слуцка в поселок Кировск Могилевской области, где жила его семья.

М.А.Никольский на могиле Риммы Шершнёвой

Хочется рассказать еще об одном эпизоде.

Это было в июле сорок третьего года. Мне с разведчиком Иваном Комаровым было приказано проникнуть во вражеский

гарнизон в Уречье и уточнить сведения о местонахождении полиции, жандармерии и дислокации воинских частей, прибывших с фронта на отдых и пополнение. В штабе соединения, очевидно, разрабатывался план операции по разгрому этого гарнизона. Во время наступления мы с Комаровым должны были быть проводниками к месту расположения врага. В деревне Нежаровка мы оставили своих товарищей, чтобы на случай, если нас арестуют или мы погибнем в перестрелке, они смогли выполнить задание.

Поздней ночью мы зашли в деревню Крупеники, попросили там у наших связных корзинку с яйцами, маслом, хлебом и бутылкой молока. Одеты мы были в старую и рваную крестьянскую одежду, не брились и не мылись несколько суток. Из деревни вышли на сенокос, ночью светила луна и мы не могли заблудиться. С сенокоса повернули в сторону и поползли по разоре между посевами созревающей ржи. Колосья ржи наклонялись к земле, образуя над нами своеобразную крышу. Когда до дороги оставалось метров 70, мы сориентировались и залегли дожидаться дня. С восходом солнца началось движение на дороге. Мы слышали стук колес повозки, разговор идущих женщин, а часам к девяти проехали, шурша цепями, до десятка велосипедистов, полицаев или немцев, — мы не разобрали.

Примерно в одиннадцать часов мы выползли на дорогу, осмотрелись. Нигде никого. Встали и пошли как ни в чем не бывало по дороге, словно местные жители. Прошли поселочек, повернули на центральную улицу Уречья. Нигде ни часовых, ни патрулей. Шутя и разговаривая, идем по улице ближе к центру. Корзинка с яйцами и молоком надежная маскировка — вроде как мы в деревню за продуктами ходили. «О-о-о! Яйко, яйко», — остановил нас немец, показывая на корзинку. Фриц достал из кармана коробочку, открыл, взял три камушка к зажигалке, предложил обменять на три яйца. Такой обмен нас устроил. Около трех часов мы ходили по улицам гарнизона, запоминая, где находятся здания, и прикидывая, как лучше к ним подобраться ночью. Выяснив все, что требовалось, мы вспомнили про пожелание комиссара Столицы о том, что неплохо было бы взять «языка».

Идем и рассуждаем — захватить-то это еще полдела, а вот вывезти его из гарнизона — это посложнее будет. Возвращаясь обратно со стороны железнодорожной станции, мы заметили, что впереди из калитки выбежал немецкий офицер и вскоре повернул в другой дом. Мы и подумать не успели о том, чтобы его взять. Идем дальше. Издалека заметили того немца, что выменял у нас яйца на камешки. Он вышел из переулка и кричит хозяину, чтобы

тот с противоположной улицы поворачивал лошадь с повозкой в переулок, где у него уже стояло несколько подвод. Они были нужны для восстановления моста через реку, который был спален партизанами. Об этом нам стало известно позже от связных. А пока хозяин заявил, что едет в больницу и не может задерживаться. Немец рассердился, вышел через улицу к лошади, взял ее за уздечку и повел в свою сторону. Хозяин тоже слез с лошади — тянет к себе. Лошадь, не понимая, кого слушать, остановилась посреди улицы, а немец выхватил гранату с деревянной ручкой из-за голенища сапога и начал бить ею крестьянина по голове.

«Давай возьмем этого забияку, — предложил Комаров, — Как моргну тебе, выхватывай пистолет и нацеливай на него». Когда подошли поближе, Комаров скомандовал: «Хенде хох! Мы партизаны, ты наш пленный!» Немец поднял руки и медленно попятился назад. Не теряя ни секунды, я выхватил у него гранату и парабеллум из кобуры. Скомандовав подводчикам разъезжаться по домам, Комаров присоединился к нам с пленным. Вдруг видим: по теневой стороне улицы нам навстречу движутся несколько вооруженных велосипедистов в немецкой форме. Комаров шепнул, чтобы я приготовил гранату «Ф-1»¹²¹. Как жутко было пережить те секунды. Немец в шоковом состоянии продолжал бежать вместе с нами. Велосипедисты поравнялись с нами и проехали мимо, не обращая внимания на бегущих. Как будто гора свалилась с плеч и мы перевели дух.

Бежим дальше и замечаем, что из переулка появился другой велосипедист в гражданской форме. На раме велосипеда — два крючка из проволоки. «Наверное, полицей», — подумал я, когда он подъехал поближе. «Кто ты? Полицей?» — спрашиваю я, он закивал головой. «Давай, поворачивай за нами», — приказываю я ему, угрожая пистолетом. Догнали Комарова, который с немцем ушел вперед. Вот и переулок, которым мы вышли на центральную улицу. Немного пробежавшись, я почувствовал, что в тяжелых старых рваных сапогах скоро устану. Не говоря никому ни слова, присел на лавочку, скинул сапоги и босиком мгновенно догнал бегущих. Когда выбежали из поселка на дорогу, Комаров пожаловался, что бежать больше не сможет. Тогда мы посадили его на велосипед полицей, а тому дали в руки корзинку с продуктами. Опять бежим. Теперь немец тычет пальцем себе в висок, стреляй, мол, больше бежать не могу. Оглянувшись назад и убедившись, что погони нет, мы перешли на шаг, чтобы перевести дыхание.

Через сотню шагов опять бежим. А когда до леса остается метров полтора, резко сворачиваем и направляемся прямо

к лесу. В лесу Комаров пошел первым, за ним немец с корзинкой, следом полицейский с велосипедом и я, замыкающий, с двумя пистолетами. Выйдя из леса на торфяник, мы наткнулись на довольно широкую канаву с водой. Комаров остановился в нерешительности. Я ему: «Ступай в воду и переходи». Перебрались через канаву. По торфянику стало идти труднее, пришлось замедлить шаг. Вскоре мы выбрались на сушу и снова вошли в лес. Там остановились на небольшой полянке. Я предложил Комарову отдать мне свой пистолет, а самому обыскать пленных. Полицай стоял метрах в четырех от меня и немца. Комаров спокойно обыскал пленных, те даже не пытались сопротивляться. У немца ничего не обнаружилось, а у полицая из-за голенища выпал большой нож похожий на кинжал. Теперь мы получили возможность немного передохнуть и перекусить.

Вскоре мы пришли в деревню Нежаровка, где нас уже ждали. В крайней хате, где жила наша связная, мы зашли на кухню. Хозяйка как увидела полицейского — побледнела и потянула меня за рукав в сени: «Кого ж вы мне привели, хлопчики. Это ж заместитель начальника Уречской полиции. Он же уничтожил несколько партизанских семей, а дома их спалил. Если убежит от вас — мне конец». Мы стали более внимательны к этому полицая. Через трое суток мы доставили пленных в штаб отряда, доложили о выполнении задания по разведке вражеского гарнизона в Уречье. Затем меня вызвал комиссар бригады им. Чкалова Ипполит Сильвестрович Кононович¹²² и приказал расстрелять немца и полицая, а одежду со всеми знаками различия забрать себе, мол, разведчику пригодится. Вместе с двумя партизанами мы исполнили приказ, пристрелив пленных в то время как они, ничего не подозревая, пилили дерево.

А форма того обер-ефрейтора пригодилась мне при выполнении особо опасных заданий. Например, при блокаде партизанской зоны в Любаньском районе один из партизан добровольно сдался врагам. Мне приказали найти предателя. В форме фрица мне удалось поймать его в поле около вражеского гарнизона вместе со старостой и еще одним верным слугой фашистов из местных жителей. Нам передали, что эти три предателя косят траву рядом с Любанью. Из Костюковского леса по сухому коллектору осушительной системы Леонид Манкевич, Карл Куркевич, Адам Воробей и еще один партизан проползли навстречу предателям, которые косили траву на сено. Я в немецкой форме шел со стороны гарнизона Любани. Когда подошел ближе, обнаружил три винтовки в козлах. Вдруг слышу:

«Откуда этот немец в Любани взялся, таких мы не видели». Другой голос заметил: «Это, наверное, литовец из Уречья, недавно их туда целый батальон прибыл для борьбы с бандитами». Когда я подошел совсем близко, из канавы вышли партизаны. Теперь бывший партизан процедил сквозь зубы, что, мол, слышал в отряде о партизане в немецкой форме, да в глаза ни разу не видел, а то бы подобное не случилось. Мы доставили предателей в отряд и там их судили по законам военного времени.

Были и другие случаи. Мне было поручено доставить в штаб бригады №225 им. Суворова, которой командовал Иван Васильевич Арестович¹²³, а находилась она в лесах Гресского района, секретные сведения партизанской разведки нашей бригады им. Чкалова. Дело в том, что в бригаде Арестовича только что была получена еще новая рация, которую не успели настроить, да и все равно она бы не помогла, потому что в нашей бригаде рация вышла из строя. Со мной пошли еще два партизана: один в форме полиция, другой — в армейской, как партизан. Эта маскировка очень пригодилась нам в пути, особенно при переходе железнодорожного полотна по дороге Уречье-Верхутино и через шоссе Слуцк-Бобруйск (в годы войны его называли «варшавкой», так как оно соединяло Москву с Варшавой). Даже при случайной встрече с немцами и полициями мы имели преимущества в действиях. Мы успешно выполнили это задание, а в подтверждение командир бригады Арестович расписался на конверте в получении разведанных. За это нам троим была объявлена благодарность от командования.

Никогда не забыть мне и такого необыкновенного случая. Рассказывать о нем другим я стал только после того, как встретил очевидца происшедшего, моего боевого друга, партизана нашего отделения и взвода третьей роты отряда им. Громова Карла Станиславовича Куркевича¹²⁴. А встретились мы благодаря Леониду Манкевичу. В 1975 году он смотрел фильм «Шел солдат» по сценарию Константина Симонова. В одном из кадров этого фильма Константин Симонов беседует с Карлом Куркевичем. Отвечая на вопросы Симонова, Куркевич упомянул боевой эпизод из партизанской жизни, в котором был задействован Манкевич. После этого Леонид Манкевич нашел своего боевого друга и сообщил об этом мне. Через тридцать семь лет произошла наша встреча. Вспомнили мы и тот случай, о котором собираюсь написать. Карл сказал, что как-то рассказывал о нем жене, она

врач по специальности, так она не поверила тому, что услышала. Даже мне самому сейчас не верится, что такое могло случиться.

А произошло следующее. В начале сентября сорок третьего года группа партизан нашего отряда остановилась в лесу недалеко от деревень Мордвиловичи и Купники, что на Любанщине. Сначала вроде все было спокойно, а утром следующего дня начал наступление карательный отряд фашистов-мадьяр. Мы не успели даже позавтракать. «На голодный желудок злее воевать», — шутили партизаны.

Фашисты наступали цепью, стреляя из автоматов. Сначала они шли во весь рост, но под ответным огнем ручных пулеметов и автоматов вынуждены были залечь, неся потери убитыми и ранеными. На поле только что сжатой ржи еще оставались снопы в бабках¹²⁴, которые крестьяне не успели отвезти под крытые навесы или гумна с токами для обмолота. Фрицы додумались впереди себя толкать снопы и под их прикрытием ползти вперед, обстреливая партизан. «Ловко замаскировались, — шутили ребята, — Но и нас на мякине не проведешь».

Иван Комаров, что лежал рядом со мной, был ранен в пятку с повреждением кости. Санитар подполз к нему перевязать рану. Автоматные очереди фрицев раздавались беспрерывно, патронов они не жалели, а у партизан каждый на счету, поэтому стреляли только прицельно. Вот автоматной очередью ранен Вася Филатов. «Давай перевяжем его», — говорю Куркевичу. Перетащили его в кювет старой дороги, что шла рядом, укрылись от огня. Ран у него было много и наших перевязочных пакетов не хватило, тогда Куркевич пополз искать перевязочный материал. Мы перевязали Васе восемь ран, переворачивая его с боку на бок. Когда мы закончили и положили его на спину, обнаружилось, что рубашка на животе почему-то вздулась. Поднимаю рубашку, а из пробитого живота от частых поворотов через небольшую дырочку, сантиметров семь, сделанную пулей, прошедшей по касательной, вылезли кишки и напузырились от воздуха. «Что делать?» — спрашиваю Куркевича. Тот пожал плечами и ничего не ответил. Среди партизан ни врача, ни фельдшера, ни медсестры, кто мог бы оказать более квалифицированную помощь. А ждать нельзя — бой продолжается.

Мысль напряженно работает в поисках решения. Наконец, выход найден, рискованный, конечно, но единственно возможный в данной ситуации. Прошу Карла: «Возьми свою трофейную финку и помочись на нее и на свои руки. Достань в моей пилотке иголку с суровой ниткой». Теперь свои руки полил мочой для дезинфекции — об этом способе я слышал от бывалых солдат. Затем финкой разрезал кожу живота в одну сторону и попросил

Карла придержать ее, чтобы не расходилась в стороны и не вылезло еще больше кишок. Сам, придерживая выпавшие кишки, сделал надрез в другую сторону. Когда отверстие стало довольно большим, я начал укладывать кишки в полость. Куркевич держал кожу с одной стороны, а я, постепенно вправляя внутренности, зашивал кожу, как обычно сшивают ткань. От напряжения и волнения лоб покрылся испариной — ведь все это время шел бой. Вася Филатов был без сознания в шоковом состоянии, он даже не стонал во время перевязок и операции.

Но вот все окончено. Вскоре закончился и бой, мы начали собираться в путь, погрузили тяжело раненных на подводы. Через полчаса Вася пришел в себя и начал стонать. Кто-то из партизан достал фляжку с самогоном-перваком (партизаны всегда имели при себе «НЗ» за случай ранения). Дали Филатову выпить. Он всю без остатка «выдундил» к удивлению ребят. И сразу уснул на подводе. Спал он почти сутки. Когда проснулся, отряд уже далеко отошел от места боя. Сделали ему новые перевязки уже под руководством фельдшера в какой-то деревне, используя в качестве перевязочного материала обычные старые и чистые полотняные простыни крестьян. Еще через пару суток раненых доставили в партизанский госпиталь на острове Горное Загальского сельсовета Любаньского района. Там Вася быстро поправился и уже через три недели встал на ноги. Его спасло то, что кости были не задеты. А Ивана Комарова пришлось отправить с партизанского аэродрома в Зыслове для лечения на Большую Землю.

Через пару дней группа разведчиков, в том числе и я, отправилась на новое задание. Предстояло поставить две самодельные мины по четыре килограмма каждая. В деревянных ящиках, залитых плавленным толом из трофейных бомб или снарядов большого калибра, было достаточно силы, чтобы взорвать любую грузовую автомашину. В группе был я, Куркевич и еще два партизана, фамилии которых я не помню. Одну мину мы поставили на дороге Любань-Уречье и там подорвали крытую фашистскую автомашину с солдатами и офицерами (наши связные из Любани говорили потом, что тогда было убито и ранено более тридцати гитлеровцев). На второй mine тоже подорвалась грузовая машина по дороге из Уречья на Кучино, и там было уничтожено более десятка фрицев. Встречи со связными дали нам новые сведения об изменениях во вражеском гарнизоне в Любани и на Уречье.

Новое задание было связано со Слуцком. Почти весь взвод

под командованием Дмитриенко прибыл в деревню Борки Мелешковского сельсовета километрах в пятнадцати от Слуцка. Мы с тремя подрывниками с двумя самодельными минами направились к городу. Здесь при помощи связной Марии Лагун из деревни Козловичи ночью мы вышли на шоссе, идущую с восточной стороны города, между деревнями Ячево и разъездом 95-й километр рядом с железной дорогой. Мария одна ушла домой, а мы остались минировать бульварное шоссе. Выбрав место недалеко от поворота дороги, мы остановились. Один партизан накрыл меня плащ-палаткой, другой осветил трофейным фонариком место, а я штыком от винтовки вынимал камни на разостланную рядом вторую плащ-палатку. Затем я выкопал ямку по размеру ящика, уложил туда мину, вставил капсюль-детонатор, предохранитель, засыпал ее песком, а сверху уложил вынутые камни, чтобы никто не заметил поставленную мину. Таким же образом поставили и вторую мину на обочине по другой стороне шоссе. Расчет был прост: если одна машина взорвется, то ее придется объезжать, следующая машина обязательно напорется на вторую мину и все шоссе будет перекрыто. Но получилось не так.

На первой мине взорвалась легковая автомашина, от взрыва погибли два офицера и водитель. Машина опрокинулась и упала на ту сторону шоссе, где недалеко была вторая мина. Почти неделю мина пролежала без результата. Командир дает нам задание снять ее, проверить и снова поставить. Каждая мина у нас ценилась на вес золота, поэтому все невзорвавшиеся мы снимали обратно. Той же ночью мы ее сняли и принесли в деревню Борки, там спрятали в сених, в углу, чтобы никто не трогал, так как она была не разминирована.

Утром после завтрака я с ребятами достал ту мину, положил на лавку около дверей в сених и начал вынимать капсюль-взрыватель. Опытный, как мне казалось, подрывник, я пренебрег правилом безопасности. Может даже бравировал немного перед стоящими рядом партизанами, их было около десяти человек, своим мастерством — как же, более полусотни мин ставил, разных по устройству и особенностям.

Положив ящик на лавку, я начал вынимать взрыватель, а Дмитрия Вырву попросил придерживать ящик. Когда потянул за боек двумя пальцами правой руки, он не сдвинулся с места, пришлось повторить усилия. Вдруг чека с кольцом предохранителя с конца бойка упала наземь. Прошу Дмитрия осторожно вставить чеку сверху в дырочку бойка. Он пытался, но безуспешно, очевидно сказывалось напряжение. Его беспокойство невольно передавалось и мне. Пальцы устали

держат конец боя, ведь пружинка на нем была стальной и сильной. У меня не хватило сил оттянуть боек, чтобы самому вставить чеку, а пальцы уже уперлись в деревянную стенку ящика мины. Что делать — ума не приложу. Выпустить чеку из пальцев — сразу взрыв и всех присутствующих не минует смерть. Кое-кто, заметив опасность, уже вышел из сеней. Через пару минут мы остались вдвоем.

«Все, конец», — думаю себе. Но мысль работает особенно напряженно. Прошу Вырву, чтобы он положил ящик с миной мне на левую руку. Стоявшие рядом советовали: «Брось мину за угол дома!» или «Бросай в колодец!». «Нет, нельзя так», — вспомнил я слова нашего инструктора Шимченка, который говорил, что если мина встречает препятствие, то ее взрывная сила возрастает. Выхожу с миной во двор, огибаю колодец. Остановился в ожидании смерти — пальцы, что держат боек, слабеют, еще чуть-чуть и разожмутся. От взрыва такой мины грузовую машину рвет в клочья, а тут один... Один на один со смертью. Все партизаны вышли на крыльцо и наблюдают за моими дальнейшими действиями. Наконец, решил: бросил мину вверх над собой и вправо. Кажется, услышал взрыв, а больше ничего не помню.

Сколько лежал на земле, что со мной, — ничего не соображал, был без сознания, как потом выяснилось, контужен. Наконец, через час-другой, как мне казалось, пришел в себя. Потом понял, что прошли секунды. Левой рукой ощупал голову — вроде целая, хотя на руке осталась кровь. Подошли ребята, давай суетиться. Принесли перевязочный пакет обработать раны. Вторую руку я не чувствовал — ни боли, ничего. Но когда поднял ее с земли, увидел, что все пальцы висят клочьями. Ребят попросил найти небольшую дощечку, сантиметров сорок на десять-пятнадцать. Принесли, хозяйка оторвала кусок от чистой полотняной простыни. Я помочился на раненную руку — старый испытанный способ — и мы с ребятами начали укладывать пальцы на дощечку и перематывать «бинтом». После перевязки меня отвели в сени на деревянную кровать с соломенным матрасом. В тени лежать было прохладнее.

Вскоре я почувствовал нестерпимую боль в правой руке. Казалось, еще немного и на стену полезу, хотел даже застрелиться от боли. Уже пистолет достал, да палец сорвался и пуля ушла в потолок. Прибежали ребята и отобрали пистолет. Принесли бутылку самогона. Я выпил ее до дна, прямо из горла, но это не помогло. Только после второй бутылки я захмелел и уснул. Как рассказывали ребята, вечером они положили меня

на повозку и, пока не прошел «наркоз», повезли в деревню, где был фельдшер, по болотам, по корягам и колдобинам...

Очнулся я через сутки уже километров за сорок от лагеря, когда приехали в деревню Жоровка Любаньского района. Проснувшись, увидел, что вся одежда на животе и повязки пропитались кровью. Позвали деревенского фельдшера, он сделал первую перевязку. Когда руку разбинтовали, клочья пальцев остались на дощечке и разошлись. Я снова сложил их вместе и опять руку забинтовали холщовым полотном. Еще через двое суток меня доставили в партизанский госпиталь на остров Горное. Здесь я увидел Васю Филатова, который уже ходил и встретил меня с удивлением: «И тебя ранило?» Рана на руке еще болела, но уже не так остро. Начальник госпиталя Василий Пепенин тут же распорядился и сделал перевязку, покрыв рану раствором риваноля¹²⁶. Через пару дней новая перевязка. Рука посинела, и хирург госпиталя Крук высказал предположение о заражении крови, предложив ампутировать пальцы. Когда он ушел, Вася Пепенин шепнул мне: «Не соглашайся, попробуем сохранить руку».

Затем Пепенин на лошади поскакал в соседнюю бригаду им. Кирова, километров за двадцать. Этой бригадой командовал довоенный главврач Стародорожской больницы Алексей Иванович Шуба, хирург по специальности. Пепенин попросил у него бутылку перекиси водорода, который был доставлен самолетом из-за линии фронта. Возвратившись в госпиталь, он тут же сделал перевязку, залив рану раствором. Рука сразу покрылась пеной с пузырьками. Он опять все перевязал и сказал, что через трое суток посмотрим, нужна ли операция. Когда снова открыли рану, к бинту присохло все посиневшее и омертвевшее, открылось живое окровавленное мясо. Василий обработал рану еще каким-то раствором, с моей помощью опять соединил кости на пальцах и наложил повязку.

Вася Филатов ухаживал за мной, как за ребенком, так как обходиться без правой руки я не привык, да и остальные раны давали о себе знать. Я очень удивился тогда, что Вася так быстро поправился. Когда Пепенин спросил, кто зашивал Филатову живот и делал перевязки на поле боя, мне пришлось сознаться, что все швы и перевязки наложили мы с Куркевичем. На что Пепенин сказал: «Вам просто повезло, очень удачно все получилось. Ведь когда потом снимали швы, то даже никакого нагноения не было».

Михаил Никольский, Василий Филатов с внуками и Карл Куркевич, около 1981 г.

Лет десять тому назад вместе с Карлом Куркевичем мы съездили на его «Жигулях» в деревню Ваньковщина Слуцкого района, где живет Василий Филатов с семьей. Вася обрадовался встрече, хотя и не сразу узнал Карла, ведь прошло уже почти сорок лет. Когда Куркевич начал вспоминать о ранении Васи в бою у деревни Мордвилловичи, о том, как мы зашивали ему живот, Вася, который почти ничего тогда не помнил, будучи без сознания, и его жена очень удивлялись. Но когда Вася поднял рубаху, все мы увидели сросшуюся волнами кожу. Рубец был примерно сантиметров тридцать. На память мы сфотографировались втроем: я, Вася Филатов и Карл Куркевич.

Примерно через три месяца рана на руке зажила, но пальцы остались неподвижны в суставах. Еще раньше были сняты повязки с головы. Но рука моя по-прежнему была с шиной на мягкой повязке, подвешенной к шее. Слишком опасно было пользоваться правой рукой. Кожа на пальцах была очень тонкая и легко повреждалась. Однако я не мог уже сидеть в госпитале без дела, помогал фельдшеру лечить больных и раненых, был ассистентом во время операций.

Помню, как-то у одного раненного партизана началась гангрена ступни. Хирург Крук вместе с врачом Воробьевым решили оперировать больного. На дворе под ветками сосен был стол из толстых березовых жердей. На стол положили больного, привязали его за руки к столу, чтобы не вырывался во время операции, ведь средств для наркоза не было и все резали

по живому. Так же привязали и ноги. Меня поставили в изголовье. Лицо партизана было накрыто простыней, чтобы он не видел операции. Когда все было приготовлено, помню, хирург надрезал скальпелем мясо над костью ниже колена, а затем кто-то из уже выздоровевших партизан обычной пилой, какой дрова пилят, начал отпиливать кость. Жутко было смотреть на эту операцию. А что чувствовал сам больной в эти минуты?! Трудно себе представить ту боль, что он испытал. У меня до сих пор в ушах стоит его дикий крик.

После операции фельдшер обработал рану, а кость со ступней кто-то отнес в сторону и закопал. Однако, после операции гангрена обнаружилась выше. Снова операция подобным образом. Теперь было отпилена нога немного выше колена. Но и это не помогло, третья операция. Теперь уже отпилили почти до паха. Несмотря на принятые меры, больной умер — заражение крови продолжалось после всех операций и остановить его было уже невозможно. Отмучился человек сполна и ничего не помогло.

Еще до моего ранения летом сорок третьего года мать с сестрой, как и все местные жители, подготовили для себя землянку на берегу Бояничского озера и замаскировали ее. Летом по болоту в землянку попасть было трудно, но мать с сестрой перенесли туда самые ценные вещи: ковер, новую одежду, белье, все документы, в том числе и мои, и немного продуктов — черные сухари, немного сала и сухой крестьянской колбасы. В этих землянках люди укрывались во время бомбардировок, а также прятались от фашистов во время карательных операций.

Центр совхоза в поселке Жалы часто подвергался бомбардировкам. Однажды, вернувшись домой с боевого задания, я обнаружил, что крыша нашего дома пробита бомбой, которая взорвалась на кухне, разворотила наружную стену и внутренние перегородки, так что дом полностью пришел в негодность. Спросил у соседей, где мать, мне ответили, что она у подруги, тоже польки. Мама рассказала, что они с Яниной как раз переносили вещи и поэтому не попали под бомбежку.

Янина Никольская, январь 1940г. Надпись на обороте:
«На память родному братику Михаилу»

К этому времени Янина познакомилась с одним партизаном, они встречались некоторое время и полюбили друг друга. С согласия мамы сестра решила выйти за него замуж. Я был против этого брака — еще неизвестно останется ли кто живой, когда кончится война. Но сестра забеременела, а от нервных стрессов и перенапряжения преждевременно родила мертвого ребенка и сама заболела. Во время зимней блокады партизанской зоны в сорок третьем году сестра лежала в землянке около озера, на дверях землянки мелом мать написала «тиф», чтобы сестру не трогали. Когда каратели заняли поселок Сосны, какой-то предатель донес, что семьи партизан укрываются в землянках у Бояничского озера. Каратели тогда расстреляли всех, а землянку, где лежала Янина облили бензином и подожгли. Об этом мне потом рассказала мать.

Вернувшись из соседней деревни, мать увидела, что произошло на озере. Обгоревший ковер упал на задохнувшуюся от дыма Янину, ее руки и ноги обгорели, все тело было покрыто

ужасными ожогами. Мать вернулась в поселок, попросила соседа запрячь лошадь в сани, положила большой чемодан, оставшийся в разрушенном бомбой доме. На озере она сложила в чемодан останки дочери и повезла на кладбище к поселку Жалы, где и похоронила в неглубокой яме.

Мне казалось, что мать не выдержит пережитого, так убивалась она от свалившегося горя. Я тогда еще находился в партизанском госпитале. Чувство боли от потери отца и сестры вызывали во мне растущую ненависть к проклятым фашистским извергам, хотелось скорее встать в строй и мстить им за смерть близких людей.

Когда временно была снята блокада и каратели оставили наш поселок, мне удалось вырваться из госпиталя домой. Но ни матери, ни нашей коровы на месте не оказалось. Уцелевшие после карательных акций жители сообщили мне, что их угнали немцы по дороге на Бояничичи. Поскольку уже стемнело, меня оставили ночевать. А ранним утром следующего дня вернулась мать. Она рассказала, что когда каратели заняли деревню и увидели на ее ногах немецкие войлочные валенки, обшитые кожей, сразу закричали: «Партизан! Партизан!» и арестовали ее. Валенки ее заставили снять и погнали вместе с коровой в Бояничичи. Мать еле успела захватить узелок с нехитрым скарбом.

По дороге чулки ее изорвались, и ей пришлось ступать босиком по морозному снегу. Вскоре ступни начали кровоточить. Тогда полицай, что конвоировал ее, пожалев женщину, посадил ее в сани и довез до Бояничей. Здесь всех арестованных посадили в сарай и поставили часовым полицая. Через некоторое время караул сменился, и у сарая оказался тот самый полицай, что довез ее до деревни. Мать предложила ему соли, что была у нее в узелке, соль тогда ценилась на вес золота, и попросила отпустить ее, жалуясь на то, что мужа потеряла и дочь сожгли. Полицай и отпустил ее. В какой-то избе ей удалось поменять на соль обыкновенные лозовые лапти со старыми портянками.

Рассказывая все это, мать заливалась слезами. Вдруг мы услышали знакомое мычание во дворе. Выйдя на крыльцо полуразрушенного дома, мы увидели нашу корову. Она сорвалась с цепи, вырвав железное кольцо — из разорванных ноздрей продолжала капать кровь. Надо же такому случиться — даже корове удалось вырваться из лап фашистов. Мать, конечно, обрадовалась — хоть молоко свое будет. Вскоре мы распрощались, и я ушел обратно в госпиталь. Это был последний раз, когда я видел маму живой...

Блокада партизанской зоны Любаньского района карателями продолжалась. Для уничтожения партизан фашистское командование использовало фронтовые части Уречского гарнизона, где они останавливались для отдыха и пополнения. Были стянуты вражеские силы из Старобина, Слуцка, Старых Дорог, Глусска. Карателей поддерживали минометно-артиллерийские части, танки и авиация. Конечно, с превосходящими силами врага партизанам вести борьбу было чрезвычайно трудно не только по причине количественного преимущества немцев, но и из-за недостатка боеприпасов, которые поступали из-за линии фронта очень нерегулярно. Приходилось экономить каждый патрон. И, конечно, на счету был каждый человек. Даже раненым и больным приходилось вступать в бой с карателями.

Помню, на урочище Вербники недалеко от острова Горное партизаны бригады им. Чкалова вместе с выздоравливающими ранеными и больными отразили несколько атак противника, неся при этом значительные потери. За ручным пулеметом рядом со мной лежал партизан Ваня (уже не помню его фамилии). Он был ранен в обе ноги с повреждением кости. Надо было перевязать ему раны, а для этого стянуть оба сапога. Но сделать это оказалось невозможным — партизан давно не переобувался или приморозил ноги. Я сказал ему подождать, пока я найду у кого-нибудь острую финку разрезать голенища. Пока я искал финку и возвращался, Ваня подорвал себя гранатой.

Нам удалось ненадолго вырваться из кольца. Через несколько суток опять начались бои. Тяжелораненые и больные продолжали скрываться на территории острова, где находился госпиталь. Кстати, некоторые землянки были так замаскированы в гористой лесной местности, что фашисты, прочесывая лес, их не заметили. Остальным досталось.

Помню, как одного партизана, раненного в бою, несли на самодельных носилках, сделанных из шинелей и длинных жердей. Несли по четыре человека. Налетела «рама», и летчик, заметив наше передвижение, в пикировании нажал на гашетку, пулеметной очередью убило несколько человек, в том числе и троих из тех, что несли носилки. Тогда раненый вынул пистолет и со словами: «Чтобы из-за меня погибали другие — не хочу! Прощайте, друзья!» пустил себе пулю в висок. Такое не забывается...

Партизанская бригада им. Чкалова, 1943г.

Через пару недель почти непрерывных боев половине партизан отряда им. Громова во главе с комиссаром Столицей удалось прорвать вражеское кольцо и с большими трудностями выйти в Старобинский район. Здесь находилось командование нашей бригады. Комиссар бригады И.С.Кононович, он же секретарь Слуцкого подпольного райкома партии, вызвал меня к себе и приказал: «Подбери группу разведчиков. Пойдете на территорию острова Горное, где госпиталь. Там найдешь оставшуюся группу раненых и больных тифом и выведешь их сюда».

Пришлось опять возвращаться на Любанщину. После некоторых поисков удалось обнаружить наших раненых и больных. С ними был и Василий Пепенин. Образовалась группа из пятидесяти человек. И в обратный путь в Старобинский район, обходя дороги и засады. Некоторых больных приходилось поддерживать на ходу, так как самостоятельно идти они не могли. Мне пришлось тянуть на себе тифозного Карла Куркевича. Только в конце февраля мы пришли в деревню Гнилой Рак Старобинского района. Здесь всех разместили по хатам и продолжали лечение народными средствами. Нашему немцу Андрею поручили молотить зерно в жерновах.

Через несколько дней появились вражеские самолеты, начались бомбежки. Разведка сообщала, что и здесь каратели начинают блокаду партизанской зоны.

Через несколько дней я почувствовал сильный озноб и недомогание. Вася Пепенин измерил температуру: «Ого! Выше

39 градусов. Тифом заболел, не иначе». Так оно и случилось. Тифозная вша от Куркевича переползла ко мне и заразила.

Вскоре по приказу командования партизаны стали собираться для прорыва блокады и выхода из окружения. Я был ещё болен, но меня подсадили на седло, и я вместе с остальными разведчиками оказался впереди колонны. Когда мы приблизились к железнодорожному переезду около деревни Дяковичи (или Дятловичи, точно не помню), наша конная группа была обстреляна из вражеской засады. Лошадь подо мной упала, и я скатился в сторону. При мне по-прежнему был трофейный пистолет и граната-«лимонка»¹²⁷.

Сколько я лежал на земле без сознания — не знаю. Когда очнулся, рядом лежали трупы лошадей и наших разведчиков. Но ни немцев, на партизан никого не было, даже стонов раненых я не услышал. Поднявшись на ноги, в одиночестве пошел по лесу, стараясь не напороться на врагов. По пути подобрал санитарную сумку, похожую на картонный ящик, с красным крестом на боку. Нацепил её, не посмотрев, надеясь на то, что там есть хоть какие-то лекарства и немного сухарей. Через некоторое время я присел на пенек, чтобы немного отдохнуть, и решил открыть сумку. К сожалению, там оказалась женская юбка и шерстяной платок. Пришлось все оставить, кроме платка, который я взял с собой, чтобы теплее было ночевать на снегу под открытым небом.

Шагаю сутки, вторые, все чаще останавливаюсь, чтобы восстановить силы. Донимал жар и голод. Как-то напоролся на сожженные партизанские землянки, на дне одной из них лежала обуглившаяся картошка. Разломил одну, кое-как съел желтую мякоть без соли, затем вторую, третью, но не насытился. Наткнувшись на убитую корову, пытался вырезать кусочек мяса, но сырое есть не смог, а разжигать огонь было опасно, так как все время над лесом кружила «рама» и огонек костра мог привлечь внимание. Так прошло больше пяти суток. Мне казалось, что температура снизилась, но донимала слабость.

Однажды услышал автоматные очереди, подумал: «Наверное, немцы цепью прочесывают лес». Поскольку звуки стрельбы все приближались, я начал осматриваться в поисках надежного места, где можно было бы укрыться. Вскоре нашел укрытие среди камыша и бурелома в корнях ольхи на болоте. Проверил, видно ли будет меня. Только я успел, согнувшись в три погибели, залезть под корни, вложить пистолет в левую руку и приготовить гранату, как показалась цепь гитлеровцев. Шли они на расстоянии 70—100 метров друг от друга. Чем ближе они подходили, тем сильнее терзала меня мысль: «Заметят или не заметят?» Решил, что живым не сдамся. Попытался приставить

пистолет к виску, но мешали отростки корня, обломал их. Приготовил гранату, если не удастся использовать пистолет, даже отогнул усики предохранителя. Но... и на сей раз судьба сберегла мою жизнь. Когда фрицы проходили мимо, казалось, от нервного перенапряжения волосы становились дыбом. Долго пришлось корчиться среди корней в неудобной позе, пока не убедился, что цепь не возвращается. Выполз из укрытия и еле ноги выпрямил. С трудом встал и побрел дальше по лесу.

Пытался утолять голод и жажду снегом, но в том состоянии это было невозможно. Еще через сутки-двое почувствовал, что идти ногами нет сил. Пришлось ползти (позже Вася Пепенин мне объяснил, что тиф дал осложнения на ноги). Избегая появляться на дорогах, полз по снегу, по болоту, до крови обдирая ладони и разрывая штаны на коленях. Когда и колени оказались в кровавых ссадинах, ползти стало еще труднее, так как постоянно донимала боль. Кое-как полз, стиснув зубы. Еще издали увидел труп лошади, подполз к нему, вырезал несколько кусков шкуры, привязал два куска побольше к коленям, а в двух меньшего размера прорезал отверстия, чтобы туда можно было просунуть пальцы и закрыть ладонь. В таком виде прополз еще несколько суток. Через некоторое время наткнулся на охапку соломы, которая, очевидно, слетела с крыши хаты во время пожара, устроенного фашистами, и потерял сознание.

Очнулся от прикосновения руки. Приподнявшись на руках, осмотрелся, как сквозь пелену тумана, и убедился в главном: передо мной не немец. Затем услышал голос: «Вставай, Михаил, чего ты здесь лежишь?» — и узнал Леонида Манкевича. Он увидел, что встать я не могу, попробовал взять меня под руки и помочь подняться, но силы в ногах не осталось, стоять я не мог. Тогда он поднял меня и, как барана, взвалил себе на плечи, повесив автомат впереди. Он принес меня на опушку леса, опустил на землю, чтобы немного передохнуть. Затем вновь понес меня по лесу. Вскоре мы вышли на болото, и Леониду пришлось идти со мной на плечах по колено в воде по одному ему известной тропинке.

Шли мы довольно долго, с частыми привалами и остановками. Пробирались такими местами, что, казалось, только волкам здесь и водиться. Вскоре вышли на незнакомый мне островок, тут Леонид положил меня в тень под широким дубом рядом с шалашом, сделанным из веток. Рядом были две землянки. Это была тайная явка для встреч партизана-разведчика Леонида Манкевича с особо доверенными связными из Любанского гарнизона. Здесь уже лежал больной тифом Михаил Веремейчик, тоже доставленный сюда Манкевичем.

Несмотря на принятые меры, спасти его не удалось. Он был крупным мужчиной и не перенес кризиса болезни. Похоронили его тут же.

Вначале Леонид дал мне кружку кислого молока, предупредив, что после длительного голодания есть сразу нельзя. На второй день я тоже питался простоквашей. И только на третий день Леонид дал мне вареное яйцо, немного свежего творога и кусочек хлеба. Постепенно пища становилась все более плотной и силы восстанавливались. Через десяток дней я почувствовал себя значительно лучше и был готов возвращаться в отряд, но Леонид задержал меня еще на несколько дней. А вскоре вместе с Манкевичем мы выбрались с этого островка.

Потом я узнал от Антонины Игнатьевны Хотько о том, что островок этот назывался Кленовым леском и находился на урочище Городок недалеко от деревни Обчин Любанского района. С Антониной Игнатьевной мы случайно разговорились в автобусе по пути из Слуцка в Любань. Выяснилось, что она живет в той деревне, и что отец ее очень хорошо знал Леонида Манкевича в годы войны — именно он показал партизану этот незаметный и малоизвестный островок. На этом островке одно время скрывался от фашистов коммунист Николай Евкович Достанко, пока не пришел в отряд Розова. Потом он был редактором Слуцкой подпольной газеты «Народный мститель».

Когда мы пришли в отряд им. Громова, многие партизаны, увидев меня, удивились: «Ты что, с того света вернулся? Ведь видели, как ты с лошади падал, когда нас из засады обстреляли под Дяковичами». Отвечал вместо меня Леонид Манкевич, которому я подробно описал, как почти десять суток блуждал и ползал по лесам и болотам, пока он случайно меня не обнаружил.

Я снова окунулся в отрядную жизнь. Ребята вернули мне трофейный чешский автомат с двумя запасными дисками патронов. Именно тогда мне сообщили, что во время блокады в тех же Вербниках фашисты расстреляли мою мать.

Мария Францевна Никольская, 1940г.

Попросив разрешения у командира отряда, я отлучился с несколькими товарищами, чтобы найти труп мамы на болоте. Это было в апреле сорок четвертого. Как сообщили местные жители, мать была расстреляна 17 апреля и лежала на болоте уже несколько суток под старой елкой. При помощи местных знакомых ребят мне удалось довольно быстро найти место расстрела. Когда мы вынесли тело мамы на сухое место, я расстегнул плюшевку и насчитал на ее теле более десятка дырочек от автоматной очереди. Из кармана достал ее паспорт, несколько фотографий и ксенжку, по которой она молилась.

Пока копали яму для могилы, вдали показались вражеские автомашины с солдатами в кузове. Мы все оставили и бросились прятаться в кустарнике. Машины, не останавливаясь, проехали дальше в Жалы. Снова мы вернулись и продолжили копать. Конечно, досок для гроба не было, труп мамы опустили прямо в яму. Вдруг раздался крик: «Немцы!» А через минуту-две на дорогу выехали те же автомашины. Мы опять попрятались и видели из кустов, как из первой машины вышли немцы. Они подошли к месту захоронения, пугливо осмотрелись по сторонам и, не обнаружив ничего подозрительного, вернулись к машине и поехали дальше по направлению к деревне Бариков.

Наконец, нам удалось засыпать могилу песком, а в изголовье укрепить крест, сделанный накануне знакомыми по моей просьбе. После этого мои товарищи пошли по направлению к деревне Загалье, а я решил возвращаться в отряд, который располагался в лесу у деревни Хотиново Любанского района. Когда остался один и уже отошел километров на 10 по партизанским тропкам, остановился на привал возле канавы. От боли и обиды было как-то не по себе. Слезы хлынули из глаз. Я рыдал, как ребенок, который остался один. Да в общем-то так оно и было: всего двадцать лет и уже ни отца, ни матери, ни сестры, совсем один. Не давали покоя мысли: «Для чего жить? И кому я, калека, нужен? Возникали намерения пустить себе пулю в висок. Но разум взял верх над чувствами. Надо жить!

Возвращаясь в отряд, недалеко от деревни Веречегощ я случайно встретил Василия Пепенина, он был один и лежал на кочке в лесу рядом с тропинкой. Увидев меня, он попросил пистолет, чтобы застрелиться, заявив, что «все равно не жилец». Спрашиваю, почему? Он отвечает, что не может идти, что отморожены ноги, и уже, наверняка, началась гангрена. Я не дал ему оружие, рассказал ему о своих мытарствах и похороненной матери — последнем близком человеке, о том, что сам хотел свести счеты с жизнью, но нашел в себе силу воли удержаться от последнего шага. Тогда Василий заплакал, а успокоившись, попросил меня пойти по шалашам и землянкам, которые были недалеко, найти пилу-ножовку и принести ему. Возвратился я с пустыми руками. Тогда по просьбе Васи я разрезал финкой голенище одного сапога, попытался снять его, но это мне не удалось. Пришлось разрезать портянки и носок сапога вместе с тряпками. После долгих попыток удалось снять сапог с портянкой, к которой присохло отмороженное мясо с костей правой ноги. Когда ступня освободилась, мы увидели, что на ее конце торчат почти голые кости пальцев. Очистив кости от кусочков омертвевших тканей, Вася достал из сумки скальпель и предложил мне держать ногу, а сам по связкам-хрящикам отделил кости от оставшейся ступни, живой кровоточащей раны. Требовалась перевязка. Оторвав от своей нижней рубахи довольно широкую полосу, я подал ее Васе. Он перевязал ступню, поверх обмотал оставшимися сухими кусками портянки, обвязал все тонкой полоской сохранившегося бинта, но сапог на такую повязку не обуешь. Пришлось искать другой выход.

Около шалашей и землянок лежал труп лошади. Я снял с нее довольно большой кусок кожи с шерстью и принес Василию. Он замотал культю куском шкуры шерстью вовнутрь и выше

щиколотки обвязал бинтом. Я нашел подводу, чтобы доставить Васю в отряд, потому что на подобную «операцию» со второй ногой без врача-хирурга он не согласился. Левую ногу обработали в партизанском госпитале.

Василий Пепенин, 1941 год

Так Василий Иванович Пепенин остался на всю жизнь с двумя культями на ступнях ног. После войны я не раз с ним встречался. Он работал в Кировском райздравотделе бывшей Бобруйской, ныне Могилевской области. Стал инвалидом Отечественной войны второй группы. В Кировске женился. Его дочь Раиса некоторое время жила у нас на квартире в Слуцке, когда училась в медучилище. Младший сын стал зубным врачом. В 1963 году Василий Пепенин умер, а я написал о нем большую статью, которая была помещена в Белорусской молодежной газете «Чырвоная змена», вторая статья была напечатана за моей подписью в «Кировской правде» на родине Василия (город Вятка).

Одно из последних боевых заданий чуть не закончилось трагически. В начале июня сорок четвертого года я был назначен старшим группы из пяти партизан-разведчиков. Была поставлена задача: мне в немецкой форме со знаками различия обер-ефрейтора с оружием и на велосипеде выехать из деревни Березовка на шоссе Слуцк-Бобруйск и направиться в сторону Бобруйска километров на 15—20. По пути я должен был считать и запоминать всю немецкую технику, которая под натиском Советских войск быстро катила на Запад. Затем следовало

вернуться обратно к повороту шоссе на Березовку, что около деревни Весая, опять считая отступающую вражескую технику. Между деревнями Березовка и Боровуха меня ожидали остальные разведчики тоже с велосипедами. При встрече я должен был письменно изложить сведения о немецкой военной технике и с двумя нарочными на велосипедах срочно отправить их в штаб бригады им. Чкалова, который располагался в лесу у деревни Хотиново. Полученные сведения должны были передаваться в штаб фронта, которым командовал Рокоссовский¹²⁸. Эти сведения были необходимы для определения скоплений врага и ориентирования наших бомбардировщиков.

Дважды мне довелось ехать по шоссе навстречу отступающим гитлеровцам и возвращаться обратно. Письменные донесения поступали по назначению. Однако фронт приближался все ближе, и это затрудняло мою работу. Тем более, что местные жители уже сообщили о появлении первых советских военных разведчиков. Мы решили идти в штаб бригады.

По пути в деревню Поповцы Слуцкого района мы заметили, как трое фрицев в черной форме скрылись с улицы на торфяное болото. Наши поиски оказались безрезультатными. Мы вынуждены были идти дальше в деревню Борки. Здесь старик Белькевич, наш надежный помощник, сообщил, что только что видел в лесу более десятка эсэсовцев в черной форме. В лесу мы встретили еще одну группу партизан во главе с Николаем Шумило из соседнего отряда нашей бригады. Посоветовавшись, мы решили взять немцев в плен или уничтожить. Старик Белькевич согласился провести нас по болоту.

Выйдя на тропинку, что вела из Борок через лес до деревни Повстынь, Белькевич посоветовал рассыпаться цепью, повернуть направо и продвигаться по лесу, стреляя короткими очередями. Пройдя 400 метров, мы обнаружили место, где отдыхали гитлеровцы. Костер еще еле дымился, вокруг были разбросаны банки из-под консервов, пустые пачки от сигарет. Казалось, еще десять минут назад здесь находились враги, но поблизости их не было. Мы продолжили идти цепью, вышли на опушку леса, где ничего не обнаружили.

Рядом были густые, высокие посевы клевера. Мы решили, что, наверное, они успели спрятаться в этих травах. Я обследовал кусты. Иду и вижу: в кустах лежит человек, на брюках черные хромовые лей¹²⁹, одна нога без сапога и перевязана. Головы его не было видно. Кричу ребятам: «Нашел фрица!» В ответ услышал: «Так стреляй!» Дал очередь и в ту же секунду раздался взрыв. Взрывной волной меня опрокинуло навзничь. Сначала я подумал, что какой-то немец со стороны бросил в меня гранату, но вокруг

никого не было, стояла тишина. Я встал, осмотрелся и обнаружил, что лицо мое забрызгано кровью с обрывками листьев, а с мизинца правой руки капает кровь на автомат. Увидев фашиста, я удивился: половина его груди оказалась вырванной взрывом гранаты. Видимо, в момент моего выстрела он подорвался гранатой-«эфочкой»¹³⁰. От взрыва все листья со стоявших вокруг кустов были оборваны.

Я нагнулся над трупом, вынул из кобуры парабеллум, забрал зажигалку, портсигар с сигаретами, блокнот и небольшой пинцет. Когда подошли ребята, тоже удивились, что фашисты бросили своего раненого товарища. По одному погону мы определили, что убитый служил в чине обер-лейтенанта. Ребята перевязали мне палец, стерли с лица кровь, и мы пошли дальше.

Только через сутки я обнаружил, что осколок гранаты остался в мягких тканях левой руки чуть выше локтя. Попросил товарища поддержать мне руку, а сам пинцетом достал из небольшой и неглубокой ранки осколок гранаты. Кто-то заметил: «Повезло тебе и на этот раз...»

Вышли к деревне Малая Сливка. Здесь на перекрестке дорог, выйдя из кустов, я встретил первого советского солдата-разведчика. Я с радостью бросился к нему навстречу, а он в ответ скомандовал: «Руки вверх!» Я не поднял руки, продолжая идти. Тогда он пригрозил, что будет стрелять. Я ответил, что я партизан. Он не поверил. И тут из кустов выбежал Костя Фурсов и еще один партизан (не помню фамилии). Теперь солдат увидел, что мы партизаны. И все равно заявил, что если бы не эти двое, то убил бы меня — такие ему уже встречались из числа предателей-власовцев¹³¹. На этом конфликт был исчерпан, и мы разошлись.

По дороге Слуцк-Уречье заметили из кустов приближающуюся крытую немецкую автомашину. Когда она поравнялась с нами, бросили две гранаты, и машина опрокинулась в кювет. Два немца в кабине были убиты сразу, а третьего, выскочившего из кузова, кто-то пристрелил из автомата. Из трофеев мне достался ранец из телячьей кожи и плащ-палатка. Остальное я ничего не брал.

Когда мы перешли железную дорогу и оказались среди зарослей кустарника, увидели, что к нам приближаются необычные легковые машины. Вот они остановились недалеко от нас. Из одной машины вышел офицер в звании капитана, подозвал нас к себе и давай допрашивать, кто мы да откуда. Тем временем около него собралось больше десятка подчиненных. Офицер тут же приказал нам сдать оружие. На мою просьбу связаться с командованием выше, чтобы подтвердить, что мы партизаны-разведчики, он не прореагировал. Он ничего не желал

слушать.

Тогда он посадил меня в одну из машин, сам сел рядом с шофером и приказал ему ехать по направлению к лесу у деревни Дальние Бондари. В лесу он вывел меня из машины, подвел к дереву, достал мой парабеллум из-за пояса и, отведя курок, жестко спросил: «Признавайся, сколько ты служил немцам? Скорее всего ты власовец, предатель, просто не хочешь признаваться...» В те секунды мне стало так горько, больно и обидно, что я даже не знал, что ему ответить. Подумал, прихлопнет и все. Глупо умирать от пули своего же, советского солдата. Тогда с болью в сердце я сказал капитану: «Стреляй. Кому следует, разберутся. Фашисты отца и мать убили, сестру сожгли, добивай последнего. Хотя я действительно партизан уже третий год». Капитан все-таки навел на меня пистолет, нажал на курок, но выстрела не последовало. Он, очевидно, ожидал, что я, как другие предатели, упаду на колени, буду целовать ему ноги и просить со слезами на глазах сохранить мне жизнь. Мои слова почему-то подействовали на капитана.

Он позвал меня снова в машину, и мы приехали на прежнее место. Затем капитан увез Фурсова, и с ним повторилось то же самое. Но вскоре и он вернулся ко мне. Третий партизан тоже был подвергнут жесткому допросу. Пока все это происходило, налетели несколько десятков фашистских самолетов, и по три в каждом звене начали пикировать на нас, обстреливая из пулеметов и сбрасывая небольшие бомбы. Мы с красноармейцем спрятались в куст около одной из машин. Он спрашивает: «Ну, что, мандраже пробирает?» Я ему в ответ: «Когда ты воевать начал?» Оказалось — первый год. Он был 1926 года рождения. Я ему: «А я воюю с сорок первого». Он удивился и признал, что нам довелось повидать и не такое.

Когда бомбежка и обстрел окончился и самолеты улетели, все вышли из кустов и укрытий. Тут обнаружилось, что осколком бомбы убит их командир — тот самый капитан. Я подошел к нему, вынул из-за пояса свой пистолет, забрал лежавший рядом свой трофейный автомат. Моему примеру последовали остальные партизаны. А тот красноармеец, водитель машины, который лежал рядом со мной во время бомбежки, без сожаления заметил: «По заслугам получил, вредный был человек».

Командование принял на себя старшина роты. Он распорядился, чтобы мы взяли лопаты из машин и выкопали яму для захоронения трупа. Мне пришлось отказаться, указав на раненную руку. Тот освободил меня от этой работы.

Не успели мы распрощаться с армейскими товарищами, как на это место начали прибывать гвардейские

минометы-«катюши»¹³². Еще через некоторое время нас попросили отойти метров на триста, и «катюши» дали первые залпы по врагу в районе Слуцка. Послышался пронзительный вой и лязг железа. Огненные стрелы сопровождали каждый залп. Штурм Слуцка продолжался.

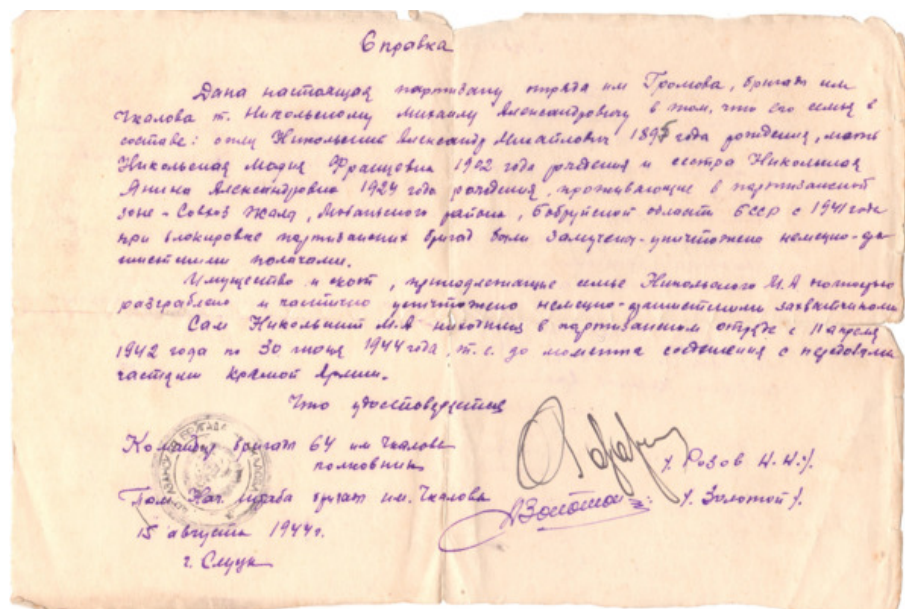
А еще через несколько суток наша разведгруппа около деревни Падерские Огородники встретила с отрядом им. Громова бригады им. Чкалова. 30 июня 1944 года все шесть отрядов нашей бригады вошли в освобожденный город и расположились на территории нынешнего парка культуры и отдыха. Деревьев тогда в парке почти не было, и мы по приказу командования копали ячейки и траншеи, чтобы можно было укрыться в случае вражеской бомбежки или артобстрела. Когда мы выходили на улицы, то видели, что почти весь город был разрушен и сожжен. Среди пустырей и пожарищ стояли некоторые полуразрушенные уцелевшие здания.

Здание Слуцкого горсовета, 1944 год

Через пару суток личный состав был выстроен на территории стадиона. Нам было объявлено, что в городе восстановлена Советская власть. Первым секретарем райкома партии по-прежнему был Ипполит Селивестрович Кононович, комиссар нашей бригады. Председателем райисполкома назначен командир нашей бригады Розов Николай Николаевич, а председателем горисполкома — его заместитель Петр Иванович

Смирнов. После этого из строя вызвали 22 человека, в числе которых был и я. Кононович объявил нам, что мы назначаемся председателями сельсоветов для восстановления Советской власти на местах. Он тут же предложил нам подобрать себе по пять человек охраны из числа надежных партизан, объявил, где и когда можно будет получить необходимые документы и оружие. Подбрав себе охрану, все мы направились к зданию райисполкома, которое находилось в немецких домиках по улице Володарского. Там мне выдали удостоверение, что я являюсь председателем Серяжского сельсовета Слуцкого района и имею право носить оружие — трофейный автомат за номером таким-то и трофейный пистолет за номером таким-то.

Справка о гибели семьи и участии в партизанском движении — единственный документ Никольского М. А. в 1944 году.

Глава 4

1944—1991. Мирная жизнь

Меня очень смущала мысль о том, справлюсь ли я с такими серьезными обязанностями, ведь мне всего только шел двадцать первый год. Но мне возразили, что все уладится. И собрав свои немногие пожитки, в немецкой форме обер-лейтенанта я отправился по месту приписки.

Члены Слуцкого подпольного РК КПБ и партизаны бригады им. Чкалова.

В нижнем ряду третий слева — Никольский Михаил Александрович, председатель Серяжского сельсовета. В самом верхнем ряду пятый слева, за спиной у женщины — Баханович Антон Герасимович, зав. парткабинетом в г. Слуцке (будущий тесть М.А.Никольского).

Прибыв в деревню Серяги, я, прежде всего, выяснил, кто из довоенных депутатов сельсоветов и активистов колхоза остался в живых. Постепенно знакомился с людьми, с коммунистами. Буквально через несколько дней мы нашли подходящую квартиру, где жили все вместе, шесть человек.

В приютившей нас семье была мать и трое детей, а отца расстреляли немцы как коммуниста. Старший сын в сорок шестом

окончил 7 классов и поступил в Бобруйское медучилище. Потом он устроился на работу в деревню Покрашево Слуцкого района заведующим фельдшерско-акушерским пунктом. За свой труд он был удостоен ордена Ленина, а позже высокого звания Героя Социалистического Труда с вручением второго ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Зовут его Сергей Иванович Шкляревский. Мы встречаемся с ним и по сей день.

Вскоре один из старых местных жителей принес в сельсовет довоенную гербовую печать сельсовета и угловой штамп. После этого все справки, выдаваемые людям, я заверял на месте, а в остальных сельсоветах из-за отсутствия печатей и штампов их заверяли в райисполкоме. Бывшие партизаны шутили: «Точно раньше разведчиком был, раз и тут нашел то, что надо».

Вскоре прошла мобилизация, и я оказал помощь полковому военкомату в мобилизации всех мужчин 1900—1927 года рождения. Остались только старики, женщины и дети. Во всех четырех крупных деревнях: Серяги, Подлипцы, Варковичи, Браново и поселке Павловка, были восстановлены колхозы «Рухавик», «Чырвоны Маяк», «Ленинский путь» и имени Куйбышева. На общих собраниях были избраны председатели колхозов и члены правления, депутаты сельского совета. А в деревнях и лесах еще скрывались отставшие от своих частей при отступлении немцы.

Так, однажды женщина обнаружила у себя в сарае исхудавшего и заросшего фрица с автоматом. Она взяла вилы и под угрозой расправы доставила его в сельсовет. Пришлось вызвать представителей военной комендатуры и сдать немца. В другой раз я в немецкой форме с автоматом ехал на велосипеде из Серяг в Подлипцы. Вдруг увидел, как из ямы вышли трое немцев с оружием в руках, тоже исхудавшие, заросшие, грязные и опустившиеся. Пришлось слезть с велосипеда и, направив на них автомат, командовать: «Хенде хох! Бросить оружие на землю!» Они не сопротивлялись. Отошли в сторонку. Повесив их оружие на велосипед, я отконвоировал их в сельсовет и вскоре тоже сдал представителям военной комендатуры.

Неудобно чувствовал себя на должности председателя сельсовета в немецкой форме, но другого выхода не было, нечего было надеть и не на что купить новый костюм на рынке. От этой формы помог избавиться случай.

Однажды в начале сентября сорок четвертого года заходит в сельсовет генерал-майор. Спрашивает в сенях, кто тут глава сельрады. Его направляют в соседнюю комнату, мол, там председатель. Заходит, молча садится на скамейку и сидит. Молчу и я. Через несколько минут он предлагает: «Поехали

со мной». Встал, беру со шкафа свой автомат, чтобы оставить товарищам из охраны. Но генерал заметил: «Не бойся, арестовывать не буду». Я отшутился, и мы вышли во двор. Сели в его «додж» три четверти¹³³ — так называлась американская автомашина, таскающая на прицепе пушки и переданная нашей стране по поставкам ленд-лиза¹³⁴.

Мы приехали в город, проехали немного по улице Володарского и оказались у ворот военной части. По сигналу водителя часовой открыл ворота, и мы въехали во двор. Генерал-майор пригласил меня в свой кабинет, позвонил кому-то. Когда явился офицер в звании капитана, заведующий административно-хозяйственной частью этой воздушно-десантной бригады, генерал обратился к нему: «Видишь фрица? Пойди с ним на склад и замени ему одежду на военную, по два комплекта — летней и зимней». Пошли на склад. Я снял немецкую и начал примерять нашу форму. Подобрал два комплекта хлопчатобумажной с брезентовыми сапогами, затем шерстяную и суконную: кители и брюки с сапогами и ботинками. Мне выдали необходимое белье, портянки, фуражку и даже ремень с портупеей и полевой сумкой. Набралось целых два вещмешка с учетом шинели и плаща. Пока я примерял, на склад зашел генерал и говорит: «Одевай все новое, а это крысиного цвета отдашь хозяйке — полы мыть».

Нагрузившись, мы опять сели в машину и прибыли в Серяги. Завезли одежду на мою квартиру и после этого пошли в кабинет председателя сельсовета. Только теперь генерал-майор Иван Ильич Голофаст поздоровался со мной за руку, и мы сели беседовать. Меня буквально задело: «Разве за этим приехал военный человек?» Как будто отгадав мой вопрос, Иван Ильич объяснил причину своего приезда: «Слышал я, что у вас в садах яблок много, мне бы несколько ящиков, готов уплатить...»

Я позвонил председателю колхоза Григорию Ивановичу Вологину, тоже бывшему партизану, и получил добро, причем без всякой оплаты, более того, он предложил девчат из конторы, чтобы сняли яблоки прямо с дерева. Вместе с моими пятью людьми они быстро сняли с веток яблоки и заполнили семь ящиков.

Через несколько дней мне вновь пришлось встретиться с генерал-майором. На этот раз я приехал к нему с просьбой помочь с одеждой председателю колхоза Григорию Вологину. У него не было никакой смены верхней одежды, а в имевшейся завелись вши, в чем он очень стеснялся признаться, но от хозяйки квартиры не скроешься, и по деревне пошли слухи о нечистоплотности председателя. Иван Ильич охотно согласился

помочь, и вопрос был решен.

Поскольку в сельсовете из числа бывших партизан было пять комсомольцев, то после очередного совещания в райкоме партии нам было предложено создать свою первичную ячейку и увеличить ее за счет приема в комсомол наиболее активной молодежи деревни. Вскоре в ряды комсомола были приняты наши юные помощники — Юра Гусак, Мария Протасеня и другие. Менее чем за месяц организация выросла до 11 человек. Я был избран секретарем комсомольской организации. Как-то на районной комсомольской конференции выступил с докладом по обмену опытом, и меня избрали членом райкома комсомола.

В райкоме комсомола я познакомился с молодой сотрудницей — Зиной Баханович. Зина работала завсектором учета в райкоме. Несколько раз мы встречались, казалось бы, по служебным делам, но разговор сам собой переходил на другие темы. Зина привлекала меня своей простотой, открытостью, искренностью. Мы дружили почти три года, и я невольно задумывался над нашими дальнейшими отношениями.

Однажды, уже не помню по какой причине, наши отношения прервались на довольно длительный период. За это время меня приняли кандидатом в члены партии, я старался оправдать это высокое доверие. Первый секретарь райкома партии П.И.Ярошевич однажды пригласил меня для личной беседы и предложил должность первого секретаря райкома комсомола. Я обещал подумать, а затем, даже сам толком не знаю по какой причине, отказался. Это не понравилось первому секретарю. А потом произошло еще одно событие, которое сыграло не в мою пользу.

В марте и начале апреля 1945 года шла подписка на очередной займ среди населения¹³⁵. Я тогда поступил необдуманно, посадив в погреб бригадира колхоза за провал подписки на его участке. Мне запомнилось, что на совещании председателей сельсоветов в начале июля 1944 года первый секретарь райкома партии Кононович, напутствуя нас на выполнение государственных задач, заметил: «Если где-то и перегнете палку, то мы учтем, но если не будут выполнены задания, то головы не сносить». Однако, новый секретарь, видимо, придерживался иного мнения. Когда он узнал, что я нарушил закон, он тут же позвонил районному прокурору и испросил согласие на привлечение меня к уголовной ответственности. За какую-то неделю следователь прокуратуры Жук оформила дело и направила его в суд.

Вот, пожалуй:
И.В. Прокуратура Тульского
Судебного уезда
28.06.45.

Обвинительное заключение
по делу № 88 по обвинению
Эмилияна Михаила Николаевича по
ст. 197 Е УК РСФСР

В прокуратуру Судебного уезда поступили материалы о
преступлении Эмилияна Михаила Николаевича.

Следствием установлено:

6/5-45. подсудимый Эмилиян Михаил Николаевич, что, что
брату Е. Ф. к-за "Рубович" Бабинский Т.Т. не исполнил полностью
подписку на 5-е кв. волеи. записи по своей просьбе, полагая Бабинского
в тюрьму и запер на замок. Тут же Бабинский был отпущен волеи
автоматически Бабинский В.А.

15 марта 45. Николай Николаевич посетил в тюрьме Максимову Леониду
за выманивание Действия около форта. Максимов в тюрьме про-
сидел минут 10-15 и был отпущен своим братом Эмилияном.

В производстве Эмилиян Николай Николаевич Максимов
свои подписки исполнил и в свое оправдание пояснил, что Действие
Бабинский Т.Т. и Максимов А.Ф. сошел в тюрьму, но не
запер в тюрьме не запер, тогда полагая Бабинского, что от-
бывающий заключенный по делу следствия: Бабинский Васи-
лий и Максимов Вадимов (А.Ф. 10.16)

На основании вышеизложенного

Эмилиян Михаил Николаевич, 1923 г. род. в
судебный, кандидат ВКЧБ, русский, не судим, против
г. Дроздов, олимпийский, судим по обвинению, г. Дрозд.

Судебного прошения

Обвинитель:

В том, что 6/5-45. полагая в тюрьме Бабинского Е. Ф. к-за "Рубович"
за неисполнение подписки на 5-е кв. волеи. записи по своей просьбе.

15 марта 45. полагая в тюрьме Максимову Леониду за выманивание
Действия около форта, полагая со своим автосудом
уголовное преступление, предусмотренное ст. 197 Е УК РСФСР

В порядке ст. 21. Закона о судопроизводстве дело по-
дано в суд Судебного уезда

Составлено 28 июня 1945

Гл. Судебный Мук

Справка:

1. Мухоморов в отношении обвиняемого Николаевича
Михаила Николаевича изобразил подпись о не судимости
2. Визитка по делу № 88

Вместе

Мук, подставная подпись в судебное заседание

- Обвинитель
1. Николай Николаевич Эмилиян Николаевич - обвинитель
  2. Судебный

1. Максимов Вера Савишна - обвинитель
2. Бабинский Мук Денисов - " "
3. Бабинский Василий Викторович - " "
4. Максимов Леонид Николаевич - " "
5. Эмилиян Михаил Николаевич - " "
6. Максимов Мук Викторович - " "

Гл. Судебный Мук

В конце апреля в Серяги приехали народные заседатели под руководством судьи Самусенко, а также представитель прокуратуры и адвокат, чтобы меня судить. На судебное заседание собрались колхозники и активисты из всех четырех колхозов. Зал был переполнен. Когда судья зачитала обвинительное заключение и предоставила мне слово, я кратко рассказал о своей жизни до войны и в годы войны. Судья не сдержала слез. Плакали многие в зале. За нарушение революционной законности меня присудили к вычету 20% зарплаты по месту работы. А 9 мая был принят указ об амнистии в связи с Победой над гитлеровской Германией, и я в суде получил справку о снятии судимости.

Поскольку до войны я учился в институте и после войны был восстановлен студентом первого курса механического факультета Минского политехнического института, пришлось ехать в Минск. Там я узнал, что учиться мне будет невозможно по финансовым причинам. Во-первых, никого из родных нет, чтобы помогли продуктами питания. Во-вторых, стипендия была 220 рублей, на эти деньги питаться и приобретать все необходимое было просто невозможно¹³⁶. В-третьих, на карточки иждивенца¹³⁷ тоже не прожить.

Вернулся в Слуцк. Зашел к третьему секретарю Слуцкого райкома партии Семену Григорьевичу Кубыко посоветоваться насчет учебы. Он предложил мне должность председателя колхоза деревни Подлипцы того сельсовета, где я работал председателем, но уволился в связи с продолжением учебы. Когда я отказался, мотивируя это желанием учиться, он предложил мне другой вариант: ехать на курсы партийно-советских работников при Бобруйском обкоме партии. И тут же, не дожидаясь моего согласия, оформил направление на курсы. Пришлось ехать в Бобруйск.

Когда я зашел в кабинет начальника курсов Николая Николаевича Чулицкого (он одновременно был заведующим оргинструкторским отделом обкома партии, в годы войны был комиссаром партизанской бригады под Борисовым Минской области), то с первого взгляда проникся к нему уважением и доверием. Я показал ему вызов в институт и направление на курсы, рассказал о своей жизни и попросил совета, как поступить. Он внимательно выслушал, задал несколько вопросов, проявив заинтересованность к моей судьбе, и сказал примерно следующее: «Оставайся на курсах, ты хоть и опоздал, но, надеюсь, наверстаешь. Все-таки в институте учился, а у нас все слушатели в основном с семилетним образованием, редко со средним». Привлекали и материальные условия: слушатели получали

стипендию 980 рублей в месяц и обеспечивались продуктами по карточке с литерой «Б» (карточки с литерой «А» получали секретари райкома партии, председатель исполкома, райпрокурор, уполномоченный КГБ и начальник РО МВД)¹³⁸. Так я остался в Бобруйске.

На курсах я редактировал стенную газету, а после их окончания был приглашен в редакцию Бобруйской областной газеты «Советская Радзима» на должность корреспондента по Слуцкому кусту, в который входили Слуцкий, Копыльский и Гресский районы¹³⁹.

Во время учебы на курсах и работы в газете наши встречи с Зиной Баханович продолжались, а в феврале 1947 года мы поженились.

Михаил Никольский и Зина Баханович, 1947 год

В то время я уже работал в редакции Слуцкой районной газеты «За Сацыялістычную Радзіму», правда, перед этим несколько месяцев был ответственным секретарем редакции местного радиовещания и одновременно диктором на белорусском языке.

Весной или в начале лета после очередной командировки на велосипеде в деревню Сороги, колхоз «Третий интернационал», я здорово простыл и на долгое время оказался в больнице с гнойным плевритом. Благодаря мастерству хирурга Слуцкой больницы Викентия Иосифовича Цимбаревича, который дважды делал мне операцию по удалению ребра из левой грудной клетки, я остался жив. Многие тогда говорили, что он вытащил меня

буквально с того света, так как у меня уже началось общее заражение крови с частичной потерей сознания. После операции мне помогла выжить исключительная забота жены, которая не отходила от меня, изредка выкраивая минутку для кормления нашего первенца Славы. Именно она, моя Зина, поставила меня на ноги после операции. Как ребенка учила ходить и своей бесконечной любовью вернула меня к нормальной жизни.

Оставаться дальше в редакции с частыми разъездами по району врачи мне запретили, и при содействии знакомого председателя райисполкома Константина Михайловича Ральчика (он до войны работал директором Амговичской средней школы, а мой тесть был у него завучем) я устроился на работу учителем истории и конституции СССР в Лучниковскую семилетнюю школу.

М.А.Никольский с учениками Лучниковской семилетней школы, 1950 год

Учительская работа мне понравилась, было интересно работать с ребятами в разных классах. Через год меня назначили директором Прошицкой семилетней школы.

Вскоре на партийном собрании коммунистов местного колхоза «Чырвоны ударник» я был избран секретарем первичной партийной организации. Нагрузка была большая, но я старался оправдать высокое доверие. Через год примерно мне довелось выступать на очередном пленуме Слуцкого райкома партии

по вопросу об опыте работы с коммунистами колхоза. На пленуме присутствовал и представитель Бобруйского обкома партии Н.Н. Чулицкий. Вскоре в республиканской газете «Звезда» вышла статья за моей подписью «Партийное собрание — школа воспитания коммунистов».

Совещание партактива, 1952 год

Через несколько недель в колхоз приехал представитель редакции Бобруйской газеты и начал готовить целую страницу по материалам работы коммунистов колхоза «Чырвоны ударник». Работал над ней сотрудник редакции М. Волоткович. Еще через короткий промежуток времени приехал инструктор обкома партии Сергей Васильевич Сыроквашин и, познакомившись со мной, сообщил, что приехал готовить доклад об опыте работы парторганизации нашего колхоза для заседания бюро Бобруйского обкома партии. Бюро одобрило практику нашей работы, отметило недостатки и рекомендовало всем секретарям первичных организаций использовать этот опыт в своей работе.

Для ознакомления с опытом нашей работы был проведен областной семинар секретарей колхозных парторганизаций, но не в помещении обкома партии, а на базе передового колхоза республики «Рассвет» Кировского района, где председателем был Герой Советского Союза, позже — Герой Социалистического труда Кирилл Прокофьевич Орловский. Зал колхозного клуба в тот день был заполнен не только гостями, но и местными коммунистами.

Семинар получился полезным и интересным для всех присутствующих.

После семинара, следуя неписанной традиции, Кирилл Прокофьевич пригласил работников Обкома партии и меня, сидевшего в президиуме семинара, к себе на квартиру пообедать. Жил он довольно скромно, с дочкой и домработницей (жена не пожелала оставить московскую квартиру и осталась жить там). За столом во время обеда Орловский признался, что ему очень понравился мой доклад, по-партийному искренний и довольно самокритичный. Кирилл Прокофьевич тут же обратился к Николаю Николаевичу Чулицкому, ведающему кадрами Обкома, чтобы он посодействовал моему направлению в колхоз «Рассвет». На это Николай Николаевич заметил: «Пусть уж сам Никольский решает этот вопрос прямо здесь». Мне пришлось поблагодарить Орловского за доверие и приглашение, но попросить время подумать. Дома семья — двое малых детей, да теща с тестем больные, а у них еще сын-калека, инвалид детства, мол, надо все обдумать и с ними посоветоваться. Тут Орловский заметил: «Если будешь согласен, позвони в Обком Чулицкому — он мне сообщит». Однако, звонить в Обком мне не пришлось...

Когда партийная организация колхоза «Чырвоны ударник» выросла за счет передовых и активных механизаторов и животноводов, меня пригласил для личной беседы секретарь райкома партии Франц Эдуардович Проказов. После некоторых общих разговоров он сразу поставил передо мной вопрос: «Есть необходимость перевести тебя директором в семилетнюю школу деревни Селища Слуцкого района». Спрашиваю: «В чем дело? Неужели не справляюсь со своими обязанностями в Прощицах?» Очевидно не желая обманывать меня надуманными причинами, он честно признался: «Понимаешь, меня часто в Обкоме партии и в ЦК упрекают, почему не во всех колхозах есть партийные организации. В частности, нет ее в колхозе „Память Ильича“, что в Селищах. Очень прошу тебя — выручи. Там есть три или четыре коммуниста на учете в сельской территориальной организации, но из колхозных коммунистов секретарем избрать некого. А вы с супругой оба коммунисты, я думаю, вы там наладите работу, когда тебя изберут секретарем парторганизации». Пришлось согласиться на личную просьбу первого секретаря.

Дома супруга предложила сначала на велосипедах проехать на новое место, и самим все посмотреть. Конечно, место нам понравилось, хотя для школы нужно было строить новое здание — у старого деревянного протекала крыша, солома прогнила, и сильным ветром ее срывало на землю. По пути обратно заехали в райком, и я дал окончательное согласие

на перевод в Селища. Вскоре с вещами мы переехали на частную квартиру, и на основании предписания РОНО я принял дела у временно исполняющего обязанности директора селищанской школы.

Конечно, жаль было расставаться с прежним коллективом, сработался с учителями, подружился с учениками, но ничего не поделаешь. Интересы партии требуют, а я ее солдат и готов выполнить любое ее задание. Таким мне представлялся долг коммуниста.

На новом месте я за короткое время приобщился к коллективу. Самым трагическим событием для всех нас стала смерть И.В.Сталина в марте 1953 года. Мне, секретарю колхозной парторганизации, досталось больше всех. Во всех бригадах и на фермах надо было проводить траурные митинги, принимать резолюции, как рекомендовал райком партии на срочном совещании секретарей первичных организаций. Откровенно скажу, что на каждом таком собрании-митинге многие люди, особенно женщины, плакали, как о самом родном и близком человеке. После этого лучшие колхозники подали заявление о приеме в партию. Наша парторганизация снова выросла, появились новые помощники из числа активистов.

А весной 1954 года меня пригласили на работу в райком партии на должность инструктора по зоне Слуцкой машинно-тракторной станции. Мне поручалось вести всю организационно-партийную и идейно-политическую работу в трех колхозах: им. Куйбышева (дер. Серяги, Подлипцы, Браново и Павловка, где я уже работал председателем сельсовета), «Промень Коммуны» (дер. Старцевичи, Ваньковщина, Середняки с поселками) и «Память Ильича» (дер. Селище и Мащицы, позже присоединилась деревня Безверховичи). Это была интересная работа с людьми, прежде всего с коммунистами. Почти всех их я знал в лицо, посещал на дому или на работе, как говорится, знал, кто чем дышит. За то и пользовался среди коммунистов полным доверием. Они сообщали мне все новости и события, невзирая на отношения с председателями колхозов, многие из которых считали себя такими «правителями», что люди уже не в шутку говорили: «Наш председатель — и бог, и царь, и воинский начальник, и никто ему не указ». Тем не менее, на партийных и общих собраниях колхозников председателям приходилось выслушивать острую и справедливую критику. Некоторые пытались мстить критикующим, но в таких случаях коммунисты на собраниях давали принципиальную оценку подобным фактам.

Помню, из-за такой критики, да еще и обнародованной в статье районной газеты за моей подписью, председатель колхоза «Промень Камуны» Семенков Николай Иванович немедленно приехал в райком к Проказову и поставил вопрос ребром: «Или увольняйте меня из председателей, или убирайте Никольского из нашего колхоза!» Проказов внимательно выслушал Семенкова, вместе они еще раз прочитали статью, нашли критику справедливой и не обнаружили никакого «подрыва авторитета председателя колхоза». Эта критика помогла Семенкову исправить свои недостатки, и в дальнейшем он на меня не обижался. Но были и другие случаи.

Председатель колхоза им. Куйбышева Степан Зиновьевич Леонович с давних пор имел личные отношения с первым секретарем райкома Проказовым, о чем мало кто знал, но при этом, к сожалению, личные интересы всегда ставились выше общественных. Сколько мне ни приходилось обращаться к Проказову по поводу злоупотреблений Леоновича служебным положением, ущемления законных прав колхозников, особенно одиноких женщин (по известным между ловеласами причинам), ничего не удавалось добиться. «Ну что ты пристал к этому Леоновичу, он хороший председатель, и дела у него в колхозе идут лучше, чем у других», — убеждал меня Проказов. В душе я возмущался отсутствием справедливости, но мне ничего не оставалось делать, кроме как молчать и соглашаться. Тут уж, как люди говорят, плетью обуха не перешибешь.

Однажды в район приехал для проверки дел и подготовки доклада на заседании бюро Минского Обкома партии завсельхозотделом некто Рахуба. Приехал он в колхоз «Память Ильича» и предложил мне сопровождать его на молочно-товарную ферму в деревне Селище. Пришли мы, когда доярки заканчивали вторую дойку коров, вернувшихся с пастбища. Осмотрев ферму, расспросив доярок о надоях молока, о текущих проблемах, Рахуба начал давать «советы» по повышению надоев: «Почему вы не расчесываете хвосты коровам, ведь это значительно повышает надой?» Доярки впервые услышали о такой премудрости, начали усмехаться и шутить. Одна из них не выдержала и грубовато заметила: «Что ж вы не спрашиваете, расчесывали ли мы сегодня волосы на голове?» Присутствующие весело рассмеялись, а доярка продолжала: «Еле малых детей успеваешь накормить, их у меня четверо. А тут приезжают всякие, коровам хвосты чесать — тут самой причесаться некогда». Конечно, доярки возмутились — людям внимания меньше, чем коровам.

Рахуба уехал из колхоза в Слуцк, чтобы успеть еще в другие хозяйства. А мне как-то пришлось побывать у Проказова

в райкоме, и тот, узнав от Рахубы о разговоре с доярками, решил поподробнее расспросить меня. Я рассказал все, как было. Проказов только усмехнулся, и разговор наш этим закончился. Я не придал этому значения. Тем не менее, однажды Проказов сообщает мне по телефону, чтобы я готовился выступать на ближайшем пленуме Минского Обкома партии. Выслушав мои соображения о предполагаемом докладе, он предложил обязательно упомянуть о «советах» Рахубы и разговоре с доярками. Так я и поступил.

После моего выступления на Пленуме мне аплодировали единственному из всех выступавших, но много позже я убедился, что выступил зря. Конечно, для Проказова и райкома это было полезно — вот, мол, какие у нас кадры на местах, палец в рот не клади. А для меня лично это обернулось только неприятностями.

В частности, когда меня райком рекомендовал на более высокооплачиваемую должность, невидимая рука под всякими предложениями согласия свыше не давала. А чтобы не засиживался долго на одной должности в райкоме, надо или повышение, или перевод на другую работу. Так и случилось.

В сентябре 1959 года меня перевели на работу в Слуцкий райисполком на должность заведующего районным и городским отделом культуры. Тоже старался оправдывать доверие. Конечно, было непривычно трудно: и учреждения культуры в городе и на селе, и киноустановки, и дома культуры, самодеятельность, смотры-конкурсы и прочее. В области культуры Слуцк отличился на всю страну тем, что в таком небольшом городке в провинции мы сумели подготовить и поставить на сцене силами самодеятельных артистов оперу Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем»¹⁴⁰. Выступали с оперой на сценах Минска, Москвы, Риги и других городов и райцентров. Мне вручили за это Почетную Грамоту Министерства культуры республики. Был в Москве на Всесоюзном совещании руководителей учреждений культуры, выступал на нем с обменом опытом в присутствии самого Министра культуры СССР Е. Фурцевой¹⁴¹. Был избран депутатом Слуцкого райсовета, кандидатом в члены райкома партии.

Запомнилось, как избирался кандидатом в депутаты райсовета по Уречскому избирательному округу. Было это в 1958 году. На собрании в колхозном доме культуры после моего краткого выступления о своей жизни до войны, в годы войны и в послевоенное время, присутствующие стали задавать вопросы по службе, из моей жизни и другие. Когда, казалось, вопросов

не стало, зал примолк, вдруг подымается с места пожилая женщина и спрашивает: «Можно, у меня еще один вопрос?» Председательствующий говорит: «Какой вопрос? Задавайте любой». «Скажите, это не вы были еще с одним партизаном невысокого роста с черными волосами, когда у нас с базара, почти из центра Уречья, были взяты немец и полицейский? Я была в палисаднике от улицы и вас видела, запомнила тот случай...» После моего ответа, подтвердившего слова женщины, в зале раздались голоса: «Расскажите, как это было, только подробно!» Хотя время было позднее, присутствующие слушали внимательно мой рассказ до конца, не перебивая.

Моя активность в работе, выступления с критикой и предложениями на сессиях райсовета и пленумах райкома партии кое-кому оказались не по вкусу из тогдашних руководителей райкома партии. Один из них, Цвирко, мне прямо намекнул об этом: «Если захотим, то сотрем тебя в порошок». Мне были предъявлены ложные и недоказанные обвинения, срочно создано бюро райкома партии и, почти без обсуждения, первый секретарь райкома Виктор Козлов предложил освободить меня от должности и наказать в партийном порядке (выговор с занесением в учетную карточку). Мое объяснение после предложения Козлова никто даже выслушать не пожелал. Такие были порядки: если сказал первый секретарь райкома, возражений не было. Но меня поддерживали многие старые друзья партизаны и товарищи по работе в райкоме, говорили, чтобы не падал духом, мол, все перемелется, только пиши жалобу в обком партии, должны разобраться по закону партийной жизни. К самому Козлову ходили люди из начальства с жалобами, что отнеслись к Никольскому несправедливо. А сколько мне пришлось морально пережить!

Однажды Козлов вызывает меня и предлагает идти на работу в редакцию районной газеты, было свободное место, а он узнал, что я работал в редакции. Когда редактор газеты Пересятник приказом назначил меня на должность завотделом писем и массовой работы редакции, я согласился. А через некоторое время меня приглашает женщина в райком партии. Она — сотрудник парткомиссии Минского Обкома партии. Приехала по моей жалобе на райком за наказание без доказательства причины. Она убедилась, что моя жалоба обоснована, но, не желая подрывать авторитет первого секретаря райкома Козлова, она заметила: «Что же вы хотите? По сути вас уже оправдали, назначили на ответственную работу в редакции». Затем она стала уговаривать меня, чтобы написал в обком

объяснение, что претензий к райкому не имею. Посоветовался дома с женой, и она согласилась с таким результатом, чтобы опять не ворошить прошлое, как говорят, «грязное белье». А менее чем через год с меня тот выговор был снят.

В редакции газеты «Шлях Ильича», 1960 год

Почти шесть лет проработал в редакции. И убедился: как трудно простому человеку восстанавливать или добиваться справедливости. Бывало, придет письмо или жалоба в редакцию, а редактор, чтобы не портить отношения с первым секретарем райкома, не даёт хода письму в газету. Приходилось писать выше под псевдонимом, добиваться правды. Иногда просто терпения не хватало, и стал подумывать о переходе в школу учителем. Понимал — в обкоме партии не найду поддержки по прежней причине.

Перешел в среднюю школу №5, где долгое время работала жена. Сначала был учителем истории и обществоведения, классным руководителем. Мне очень нравилась эта работа. Затем директор школы с согласия жены, секретаря парторганизации школы, уговорила меня быть замдиректора по внеклассной воспитательной работе. Потом был все-таки назначен директором вечерней средней школы города Слуцка¹⁴². На этот раз обком партии все-таки дал свое согласие на мое назначение, и на этой должности я работал до ухода на пенсию с 1978 году.

Несмотря на все сложности и трудности в работе, особенности контингента учащихся (на учете в милиции, условно судимые, досрочно освобожденные, требующие особого подхода), лично мне эта работа приносила большое нравственное

удовлетворение.

В 1974 году две вечерние школы были объединены в одну, в ней стало 10 только одиннадцатых классов и 197 учащихся, да еще столько же 10-х и 9-х классов. По две экзаменационные комиссии надо было создавать во время экзаменов. Да плюс экстерном набиралось более чем по два десятка заявлений от взрослых людей, желающих сдавать экзамены за курс восьмилетней и средней школы. Им приходилось сдавать экзамены почти по всем предметам, что входят в документ об образовании. Если с учениками почти никаких затруднений не было, то с учителями они встречались ежедневно, более чем достаточно. Каждый считал себя специалистом с дипломом, имел право учить, а то, что у него никак не складывались отношения со взрослыми и подростками переходного возраста, то, что он не был учителем по призванию, а попал в школу случайно, не пройдя по конкурсу в медицинский или народно-хозяйственный вуз, его не касалось. И не переубедишь такого «учителя», что неуспеваемость объясняется не виной, а бедой учащихся, что им попался такой учитель.

В 1978 году ушел на пенсию, как инвалид Отечественной войны, но еще трудился: был ответственным секретарем Слуцкого

городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры, в летний период два года подряд — начальником пионерского лагеря «Сосновый бор» (дер. Хотиново Любанского района) и «Строитель» (дер. Рудня Слуцкого района на берегу озера у соснового леса). В этом лагере ребятам особенно запомнилось выступление бывшего полковника авиации, летчика-истребителя Бориса Ивановича Ковзана¹⁴³, Героя Советского Союза (родом из Бобруйска, в то время жил в Минске, где и умер несколько лет назад). Борис Иванович Ковзан в годы Великой Отечественной войны совершил 4 тарана в небе, сбил несколько десятков фашистских самолетов, подобных подвигов не совершил ни один летчик во всем мире. Как умел он просто, доступно для ребят любого возраста, убедительно на конкретных примерах раскрыть высокие чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма. С каким вниманием слушали его рассказ мой внук Миша из Ленинграда и внучка Диана из Свердловска! На память у меня сохранилась фотография Ковзана со мной и другими активистами общества «Знание» со Слуцка, благодаря которым была организована эта встреча.

Затем я некоторое время трудился в городском парке культуры и отдыха, был ответственным секретарем Слуцкого городского отделения советского фонда мира, словом, почти 43 года трудился на благо нашей родины и 45 лет состою в рядах

компартии.

Стоит подчеркнуть, что в наших семьях было немало коммунистов. Так, мой тесть, Баханович Антон Герасимович, коммунист с довоенным стажем, был учителем, завучем и директором средней школы, получил в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина орден «Знак Почета» в 1939 году.

Антон Герасимович Баханович и Михаил Никольский, 1948 год

Его старшая дочь (моя жена) Зинаида Антоновна — член КПСС с 1947 года, Заслуженная учительница БССР, 13 лет была секретарем партийной организации средней школы №5 города Слуцка. Ее младшая сестра Лидия Антоновна, учительница, бывший секретарь Слуцкого райкома комсомола, была несколько лет секретарем парторганизации средней школы №6 г. Слуцка. Мне более 12 лет довелось быть секретарем парторганизации в колхозах, в территориальной организации, в парторганизации Слуцкого райисполкома, затем в отделе культуры Слуцкого горисполкома. Старший сын Вячеслав, офицер-подводник, был секретарем парторганизации воинской части Североморска, где он прослужил 15 лет. Так получилось, что в 1980 году в нашей семье было три секретаря партийных организаций одновременно: жена — в СШ №5, сын Вячеслав — в воинской части Североморска и я — в горотделе культуры. Младший сын Александр и зять Валерий Молчанов (живут в Ленинграде

и Свердловске) тоже были коммунистами, но в связи с перестройкой потеряли веру в КПСС и ее идеи и вышли из ее рядов. Над личными убеждениями сила бессильна.

Если проанализировать свою работу по службе и свои общественные обязанности и поручения, то вторые превалируют над первыми. Будучи директором вечерней школы, я выполнял обширную общественную нагрузку как пропагандист теоретического семинара учителей по философии, руководитель научно-методического совета кабинета партийного просвещения Слуцкого горкома партии, внештатный лектор горкома партии, член президиума городского общества «Знание», внештатный лектор областной организации общества «Знание», руководитель научно-методической секции по пропаганде вопросов международной жизни городской организации общества «Знание», член научно-методического совета при горкоме комсомола, член научно-методического совета Слуцкого краеведческого музея, член президиума городского отделения Общества охраны памятников истории и культуры, пропагандист районного семинара повышения квалификации руководящих кадров при горкоме партии, внештатный корреспондент районной газеты «Шлях Ильича». Одно время был членом товарищеского суда при нашем домоуправлении. Словом, не хватало времени, чтобы выполнить все поручения и обязанности.

М.А.Никольский за работой, 1980 год

Мне очень нравилось читать лекции в трудовых коллективах и учебных заведениях города и района. Почти десяток лет собирал материал на тему «Революционная, боевая и трудовая Случчина». Написал текст лекции и выступил с ней в коллективах более 240 раз. С большим вниманием слушают лекции на тему «Комсомол Случчины в боях с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны» во всех аудиториях, а особенно среди молодежи и учащихся школ. Такие лекции на местном материале вызывают исключительный интерес, потому что среди слушателей нередко оказываются родные и близкие или хорошие знакомые участников событий, о которых рассказывал лектор, сам лично участвовавший в боевых операциях против оккупантов на Случчине, Любанщине и в соседних районах.

После лекции нередко среди слушателей находились те, кто с юношеских лет жил в оккупации и помнил многое, дополняя лектора новыми сведениями.

Интересный случай произошел летом 1983 года. В Слуцк из Душанбе приехал с женой наш бывший партизан, помощник комиссара по комсомолу отряда имени Громова Алексей Васильевич Черный. Как-то он позвонил мне домой с просьбой организовать поездку по партизанским тропам и навестить своих

связных. Другой партизан Василий Иванович Давыдов имел служебную легковую машину как председатель Слуцкого райкома профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок. Он должен был ехать проверять один из пионерских лагерей в сельской школе деревни Повстынь Слуцкого района. Это было по пути к нашей цели, и он согласился нас подвезти в деревню Талица -навесить семью Тимофея Реута. К сожалению, он давно умер, его жена провела нас на его могилу на сельском кладбище, мы возложили свежие цветы, постояли молча у могилы. Поговорили и поехали дальше. В деревне Повстынь после проверки пионерлагеря в конце рабочего дня мы зашли в правление колхоза им. Тельмана, где председателем был Виктор Васильевич Могилевец, отличный товарищ и прекрасный руководитель. После некоторого разговора о лагере мы решили отдохнуть на воздухе в ближайшем лесочке.

Как водится между друзьями, взяли с собой по 100 грамм и закусить — это постарался Виктор Васильевич. Сели в лесу на траву, подостлав брезент, что оказался в машине, выпили по рюмке, закусили и давай вспоминать военные приключения. Вначале речь повел Черный Алексей Васильевич о своих боевых подвигах, не зря он получил орден Боевого Красного Знамени и другие награды. Потом Давыдов предложил мне рассказать о том, как среди бела дня мы с Комаровым взяли в Уречье немца и полиция и доставили их в отряд. Как только об этом услышал Виктор Васильевич Могилевец, он схватил меня за руку и давай целовать, приговаривая: «Вот он, мой спаситель! До сих пор не знал того партизана, что увел полиция с Уречья...»

Я в недоумении: «Почему спаситель? Как это получилось?» Прошу рассказать Могилевца поподробнее. Он начал рассказ: «Еще летом 1942 года этот полицай по фамилии Колесников приезжал в нашу деревню со своими подчиненными собутыльниками. Приходит он к нам в хату, мать была на огороде, а я дома. Пристал ко мне, тогда 14-летнему пацану: „Признавайся, где твой отец и старший брат?“ (они были в партизанах). Я ответил, что как призвали в армию на фронт, ничего о них не знаю. Тогда он вывел меня во двор за сарай и поставил у стенки. Сам взял автомат и дал очередь, над моей головой просвистели пули. Сегодня честно признаюсь — со страху напустил в штаны. Он это заметил и сказал: „Даю тебе срок узнать, где отец и брат, если не узнаешь и не скажешь мне, плохо тебе придется“. Прошло несколько месяцев. Он снова приезжает в деревню, заходит в нашу хату, опять выводит меня за сарай и упорно добивается своего, чтобы я признался во всем. Знал я, где отец и брат, но также знал, что если признаюсь, то

не пощадит ни меня, ни матери — расстреляет самолично, как делал это в других деревнях. Отрицаю все, не признаюсь. И снова над головой свистят пули — на этот раз я попрощался с жизнью, дважды мимо не пролетит. Но Колесников по-прежнему решил только напугать меня. На прощание полицейай пригрозил: „Если на следующий раз ничего не скажешь, имей в виду — живым не уйдешь“. А через несколько месяцев, уже летом 1943 года я как-то услышал, что двум партизанам удалось взять того полицейая прямо днем с Уречья. Теперь я мог не опасаться угрозы. Сколько лет прошло, а я все искал того партизана, что спас меня, и никак не находил. И вот оказывается, что я часто его встречал, разговаривал с ним, не зная, что это тот самый человек, которого я ищу». Он еще и еще раз благодарил меня за то, что я сделал когда-то. Такая вот получилась история.

Что еще следовало указать. Работая директором Прощицкой семилетней школы, имея двух малолетних сыновей, я поступил на заочное отделение Барановичского учительского института, который окончил в 1953 году, получив 13 мая 1953 года диплом с отличием за номером Ж691851.

Михаил Никольский с сыновьями Славой и Сашей, сентябрь 1953 года

В июле 1959 года получил диплом с отличием №924535 об окончании Минского педагогического института им.

Горького по специальности история. В семье уже было трое детей — в 1954 году родилась дочь Наташа. Помню, как приеду домой с очередной сессии заочников, так сыны сразу ко мне: «Покажи, папа, студенческую книжку». Смотрят и удивляются: «Смотри-ка, почти все пятерки». После таких веских аргументов ни Славе, ни Саше не хотелось подводить отца с учебой.

Видимо не случайно Слава после окончания средней школы в Слуцке успешно поступил в Ленинградское Высшее Военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола, по окончании которого получил диплом с отличием.

Младший сын Александр с золотой медалью после средней школы успешно окончил приборостроительный факультет Ленинградского кораблестроительного института и получил диплом с отличием. Сейчас работает на одном из крупных предприятий в городе на Неве. В прошлом году его сын Михаил стал студентом Ленинградского политехнического института.

Дочь Наташа в аттестате за курс средней школы имела одни пятерки, но единственная четверка по физике за 9-й класс не давала возможности получить золотую медаль. Она тоже успешно окончила Ленинградский электротехнический институт связи имени Бонч-Бруевича по специальности автоматическая электросвязь. С 1979 года работает в Свердловской областной управлении связи. Стараются учиться на «отлично» и «хорошо» все мои внуки и внучки.

С февраля 1987 года на конференции избран заместителем председателя Слуцкого городского и районного Совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, а с марта 1989 года — председателем Слуцкого городского и районного Совета ветеранов на общественных началах, которым и являюсь в настоящее время до очередной отчетно-выборной конференции ветеранской организации Случины в сентябре 1991 года.

Вроде бы и закончил уже, а память всё возвращается в военные годы...

Стоит вспомнить еще один эпизод, связанный с уничтожением железнодорожного моста через реку Птичь длиной 137 метров. Операция называлась «Эхо на Полесье», проводилась она под командованием Р.Н.Мачульского¹⁴⁴. Наш отряд получил задание сделать засаду на дороге из Копаткевич на станцию Птичь. Мне с товарищами пришлось ночью поставить на этой дороге 7 мин и замаскировать их, чтобы никто не обнаружил. В 6 часов утра 4 ноября 1942 года по сигналу ракеты группа подрывников устремила к мосту, и вскоре

на опорах моста было закреплено около 500 килограмм взрывчатки. Минут через 40 раздался сильный взрыв, и мост был успешно уничтожен. Когда совсем рассвело, и ракетой была дана команда уходить с места операции, группа под командованием комиссара Алексея Васильевича Львова продолжала сидеть в засаде в сосновом низкорослом лесочке около дороги. Вот уже прошли от железной дороги несколько отрядов, группа из штаба соединения, наши ребята тоже начали выходить, собираясь следовать за остальными, как вдруг наблюдатели с верхушки высокой сосны передали сигнал «приготовиться к бою», мол, едут немцы на подводах, их более двух десятков пароконнок.

Конный отряд партизан на переправе

По команде комиссара тут же все подготовились к бою, залегли и замаскировались. Когда первая пароконная повозка взорвалась на mine, остальные свернули с дороги и остановились. Немцы быстро выстроились в цепь для наступления. Они шли, бесприцельно стреляя из автоматов. Львов приказал обходить врага с двух сторон, прикрываясь за сосенками и кочками. Мне пришлось бежать рядом с комиссаром, пригибаясь и не обнаруживая себя до времени. Затем Львов говорит мне: «Давай, в ту сторону беги. Вроде, там стрельба». Повернул влево от него, немного пробежал и вдруг увидел, что попал в тыл противнику, что три немца лежат и стреляют в противоположную от меня сторону. «Значит, не заметили...» Тут же даю команду на немецком языке: «Хенде

хох! Бросай оружие!»

Как оказалось позже это были не немцы, а чехословаки, и мне такой формы встречать не приходилось. Все трое послушно встали с земли, побросали оружие и подняли руки. По моему знаку они отошли в сторонку, а я подобрал карабин, автомат и ручной пулемет с пистолетом «чехословацкой зброевки» из города Брно. Нацепил на себя трофейное оружие и веду их один к месту сбора, так как бой уже прекратился. «Где ты их захватил? — спрашивали ребята, — Как тебе это удалось?» Вскоре доложил комиссару отряда А.В.Львову, как это произошло, и заменил с его разрешения свою трехлинейку на автомат и пистолет с запасом патронов. За эту операцию мне, как и другим отличившимся в бою, была объявлена благодарность. Пленные чехословаки были отпущены на свободу¹⁴⁵.

Помню, мне еще пришлось писать на русском языке обращение к чехословакам, чтобы они сдавались в плен и не воевали против своих братьев-славян.

Поскольку в отряде командиры и комиссары часто менялись (А.В.Львова в начале 1943 года перевели командиром партизанской бригады в Глусский район), а остальные или не знали, или забыли об этой операции, то на мой личный счет это не было занесено и потому не попало в «Боевую характеристику». Но, что было, то было, как говорят, из песни слова не выкинешь.

Почти через сорок лет после освобождения Белоруссии я узнал подробности еще об одном эпизоде, в котором пришлось принимать непосредственное участие.

Приехали как-то ко мне в гости в Слуцк боевые друзья Леонид Манкевич из Москвы и Карл Куркевич из Риги.

Леонид Манкевич, Карл Куркевич и Михаил Никольский, 1982 год

Решили поехать в Любань по знакомым партизанским тропам. Прежде всего заехали в деревню Осовец Ляховского сельсовета, где завучем средней школы работала Ольга Павловна Арестович. Конечно же, она никого из нас не узнала. А я ее вообще ни разу не видел в лицо, так как со связными нашего отряда все дела вел Леонид Манкевич. Она была тогда совсем молоденькой девушкой. Училась до войны в одном классе с Леонидом. Предполагаю, они даже симпатизировали друг другу. В начале войны Леонид обучал ее стрельбе из винтовки и нагана.

Летом 1942 года Ольга официально стала связной нашего отряда. Как правило, со связными имел дело только один человек, а мы с Куркевичем стояли метров за 300, притаившись за кустами в качестве часовых, чтобы никто не помешал выполнению задания. Однажды мы заметили что-то неладное с нашей связной, но спрашивать не полагалось, если что надо, старший в свое время сам скажет. О том, что тогда произошло, рассказала сама Ольга Павловна после того, как каждый назвал себя и она, наконец, узнала Леонида.

После кратких разговоров хозяйка с чисто белорусским гостеприимством быстро накрыла на стол и стала угощать дорогих гостей. О том трагическом факте в основном рассказывал сам Леонид, она лишь изредка уточняла детали, рыдая горькими слезами и переживая свое прежнее страшное волнение. А получилось следующее.

До войны с Ольгой учился в одном классе односельчанин.

Ему Ольга очень нравилась, и он страстно добивался ее согласия на «дружбу». Когда она ему вежливо отказала, он затаил обиду и стал следить за ней. С началом войны он добровольно поступил в полицию в Любани. Как-то летом 1942 года по деревне разошлись слухи, что на нескольких грузовых автомашинах приехали немцы и полицейай, чтобы силой забрать молодежь для отправки в Германию. В поселок, где жила у родителей Ольга, пришел ее «знакомый» полицейай. Мать начала просить и уговаривать его, чтобы отпустил дочь, как свой человек. Полицейай был непреклонен. Мать собрала узелок для дочки, и полицейай повел ее к установленному немцами месту сбора. Однако повел он ее не по улице, а по тропинке вдоль гумна, которое принадлежало отцу Ольги, с другой стороны был выпас, а дальше кустарник. Проходя мимо гумна, полицейай намекнул Ольге, что если она согласится зайти с ним (ясно, с какой целью), то в Германию она не поедет. Не дожидаясь согласия, он открыл дверь гумна и начал расстегивать ремень с подсумками для патронов, поставил винтовку к стенке, снял брюки и попытался овладеть Ольгой. Встретив сопротивление, полицейай рассердился, начал рвать на ней одежду. Продолжалось это довольно долго, и как говорила сама Ольга Павловна, всякую надежду на спасение она потеряла. Полицейай тоже измучился, и в момент небольшой передышки она укусила его за нос, выскользнула и, отбежав к стене, схватила винтовку. Загнав патрон в ствол, пригрозила: «Сделаешь хотя бы шаг — буду стрелять!» Полицейай приподнялся на коленях, попытался отшутиться, чтобы выиграть время. Изловчившись, он схватил винтовку за ствол и попытался вырвать ее, но в ту же секунду Ольга нажала на курок.

Разрывная пуля попала ему в живот. Он упал и закричал не своим голосом. Девушка испугалась, вдруг кто-нибудь слышал выстрел, зайдет сюда — тогда конец. Вся дрожа от страха, Ольга молча наблюдала, как в муках умирал ее враг, истекая кровью. Примерно через пару часов, убедившись, что в деревне спокойно, она с большим усилием оттащила труп к стене, прикрыла его и кровавое пятно соломой, спрятала винтовку с ремнем, на котором висели подсумки с патронами, а сама стала дожидаться вечера, пока хорошо стемнеет.

В сумерках она незаметно прокралась к дому и постучала в окно. Света в доме не было. Мать через окно еле узнала свою дочь. Открыла дверь в сени, зажгла коптилку и испугалась: дочь вся в лохмотьях и синяках, с кровоподтеками. «Что с тобой?» — спросила мать. «Молчи, потом скажу», — трясаясь от пережитого, еле процедила сквозь слезы Ольга. Мать согрела воды, чтобы она

умылась и дала чистое белье. Только после этого дочь кое-как успокоилась, немного поела молока с хлебом и сказала матери, что оставаться дома ей нельзя. Как раз в эти минуты Леонид Манкевич, Куркевич и я оказались в деревне. Когда Леонид постучал в окно и зашел в сени, Ольга со слезами бросилась к нему на шею с просьбой спасти ее. Через полчаса Ольга с узелком в руках и Леонид вышли на улицу. Поскольку было темно, мы не видели даже лица девушки. Винтовку и подсумок с патронами, что показала нам Ольга, мы забрали с собой. А труп полиция захоронил отец Ольги по просьбе Леонида.

Только под утро, когда мы прошли более 15 километров в сторону от Любани и ее деревни, в хате другого нашего связного мы остановились на отдых. Леонид договорился с хозяином, чтобы Ольга некоторое время пожила в его семье под видом родственницы. Тот согласился, а мы ушли дальше на разведку в Любань. С Ольгой мне больше не пришлось встречаться, Манкевич заходил, давал ей новые поручения для встреч с подпольщиками Любани. А примерно через полгода уже в начале июня 1944 года по доносу предателя Юзика (фамилии его не помню), которого во время блокады фашисты взяли в плен, и он согласился сотрудничать с ними, Ольгу арестовали, посадили в Любанскую тюрьму, затем отправили в Бобруйск, а там она заболела тифом. Ее перевели в изолированное помещение, где были другие тифозные. Ждала смерти со дня на день, признавалась нам при встрече Ольга. Наступление Красной Армии 23—24 июня 1944 года было настолько стремительным, что фашистам не удалось ни вывести молодежь в Германию, ни уничтожить арестованных в Бобруйске. Освободили Ольгу наши войска, военные врачи подлечили немного и подкормили в полевом госпитале, а когда она почувствовала себя достаточно окрепшей, на попутных военных машинах доехала в Любань и пришла домой к огромной радости родных.

После войны Ольга стала учительницей начальных классов, затем после окончания пединститута преподавала белорусский язык и литературу в старших классах средней школы, долгое время работала завучем. Вышла замуж за шофера в своем колхозе, родила и воспитала четверых детей, которые живут самостоятельно в Бресте, Солигорске, Минске и в Любани, имеет более десяти внуков. Когда мы с Леонидом Манкевичем встретили Ольгу Павловну впервые, постарались оформить необходимые партизанские документы. Вскоре она получила справку из партархива ЦК КПБ, оформила в райисполкоме удостоверение «Партизана Белоруссии», получила несколько

медалей и орден Отечественной войны, стала персональной пенсионеркой. Иногда ее по-прежнему приглашают на замену учителя, чтобы вела уроки белорусского языка и литературы.

В деревне Большая Слива Слуцкого района была у нас еще одна связная — Евдокия Михайловна Федяева, «тетя Дуся», как ее называли в отряде. С ней тоже приключилась довольно трагическая история. Во время блокады карателями партизанской зоны в Любанском районе фашистам удалось схватить ее с двумя малыми дочками. Одна дочь — ее родная от первого мужа (к тому времени уже покойного), а вторая — дочь ее второго мужа, мать которой умерла вскоре после родов. Ее второй муж был лейтенантом госбезопасности. После присоединения Западной Белоруссии его с семьей направили в город Барановичи, где их и застала война. Вместе с семьями других офицеров-чекистов Евдокия Михайловна должна была эвакуироваться на автомашинах, но по пути следования колонна попала под бомбежку и не смогла двигаться дальше. Беженцы с детьми и клунками в руках кое-как пешком добрались до Слуцка. Здесь Дуся и осталась, так как дочери, которым было по 6—7 лет, уже не могли идти дальше.

Из города какой-то немецкий чиновник направил ее для временного размещения в деревню Большая Слива. Здесь она познакомилась с местными патриотами и стала связной партизан. Вскоре кто-то из местных предупредил ее об опасности ареста гестаповцами, и она с дочками прибыла в нашу бригаду имени Чкалова. Работала в госпитале на острове Горное.

Весной 1944 года немцы с полицией арестовали ее и повели пешком в Глуск. По пути какой-то добрый полицейский отпустил ее детей, и они вернулись в партизанскую зону, жили на случайную помощь местных жителей, которым удалось спастись от ареста и расстрела. Мать их немцы угнали на работу в Германию, а мы все считали ее погибшей. Из лап немцев ее освободили советские войска, и она вернулась домой в Сталинград. Оттуда она пыталась разыскать своих детей и нашла их в Слуцке, куда она пришли вместе с партизанами-громовцами. Узнав об этом, мы посадили девочек на поезд с письменной просьбой ко всем железнодорожным начальникам оказать сиротам всяческое содействие и помощь в поездке до Сталинграда. Можно представить себе радость матери, встретившей своих родных дочерей, которых давно считала погибшими.

Пыталась Евдокия Михайловна разыскать и своего мужа-чекиста. Она была уверена, что он, как и все подлинные патриоты, честно воюет с фашистами. Каково же было ее

удивление и возмущение, когда она узнала, что он, отправив семью из Барановичей, не ушел воевать, а скрывался три года, как говорят, «под юбкой» у одной вдовы. Когда наши заняли Барановичи, его призвали в армию, и он служил рядовым, скрыв свое звание и должность до войны. На фронте был ранен, остался инвалидом без ноги. Его «военная жена», не надеясь на помощь от такого мужа, просто выгнала его из дома. Через годы скитаний и мытарств на костылях решил он вернуться к довоенной жене, Евдокии Михайловне.

Нашел ее, все рассказал, она не поверила, и решила поехать в Барановичи, найти ту женщину, с которой он жил в годы войны, разузнать все подробности. Вернувшись домой в Волгоград, она еще раз переговорила с прежним мужем... и отказала ему в просьбе стать его женой. Ее возмутило, что она с двумя малыми дочками пошла в партизаны, а он «чекист» по трусости своей прятался от войны. Так он и умер, скитаясь по пивнушкам, и таким же, как он, потерянным женщинам. Дуся приезжала в Слуцк, жила у нас дома.

М.А.Никольский и Е.М.Федяева (тётя Дуся), 1967 год

Боевые друзья помогли ей с оформлением необходимых документов, и вскоре она стала «Партизаном Белоруссии», получила орден и медали. Впоследствии стала персональной пенсионеркой. Пока было здоровье с радостью занималась внуками и правнуками, но теперь часто болеет. Мы продолжаем с ней переписку, обмениваемся поздравлениями на праздники.

Особо высокую оценку фронтового командования и Центрального Штаба партизанского движения, как и Верховного Главнокомандования получили боевые операции белорусских, украинских и партизан оккупированных областей Российской Федерации, которые вошли в историю под названием «Рельсовая война»¹⁴⁶, проведенная всеми партизанами по приказу Ставки Верховного Главнокомандования. Суть ее заключалась в том,

чтобы накануне Курской битвы одновременно за одну ночь взорвать железнодорожные рельсы, мосты и уничтожить вражеские эшелоны в пути или на станциях. Достаточное количество взрывчатки, капсюлей, бикфордового и медленно тлеющего шнура было доставлено самолетами из-за линии фронта.

Отрядам нашей бригады им. Чкалова, а их было шесть с числом партизан более 1200 человек, в первый раз в августе 1943 года было дано задание взорвать рельсы по железной дороге между станциями Калинковичи и Гомелем. Мне лично пришлось тогда поставить и прикрепить к верхней части рельса толловые пашки величиной с кусочек туалетного мыла в ночное время под охраной партизан, которые сидели в засадах около дзотов, где укрывались немцы, охранявшие дорогу, и завязывали с ними перестрелку, чтобы те не мешали подрывникам. Я поставил на своей стороне рельса 90 мин, рядом со мной подрывник минировал параллельную рельсу таким же количеством мин. А когда по сигналу ракеты надо было поджигать тлеющий кусочек шнура длиной примерно 3 сантиметра, мой напарник растерялся и никак не мог решиться одновременно со мной поджечь те шнуры. Тогда мне пришлось поджигать бикфордовы шнуры на обеих рельсах. В темноте было трудно заметить и не пропустить мину, но расчет был сделан так, чтобы покуда первая толловая пашка взорвется, я успеваю поставить последнюю девяностую мину. Но, работая и за напарника, я слишком задерживался. В случае если бы я опоздал на минуту-две, сам мог бы получить ранение. Правда, поджигать тлеющие шнуры на второй рельсе мне помог командир отделения, он же доложил командиру отряда о случившемся и мой напарник получил взыскание, а в дальнейшем его не назначали на такие ответственные задания.

Вот что пишет Герой Советского Союза, бывший секретарь Минского подпольного обкома партии, командир Минского партизанского соединения Роман Наумович Мачульский в своей книге «Вечный огонь»: «В сентябре 1943 года ЦК КП Белоруссии дал указание о подготовке ко второму этапу «рельсовой войны» под названием «концерт». И эта операция была проведена успешно... Только за время первой операции «рельсовой войны» партизаны Белоруссии уничтожили свыше 121 000 метров рельс, в том числе около 29 000 в Минской области... Особенно отличились партизаны бригад, которыми командовали В.Т.Воронянский, А.И.Шуба, Н.Н.Розов и др. Движение железнодорожного транспорта было надолго парализовано»¹⁴⁷.

Третий этап «рельсовой войны» был проведен накануне

освобождения Белоруссии от оккупантов в начале июня 1944 года и продолжался почти неделю. На этот раз мне после выздоровления пришлось вместе со всеми партизанами бригады участвовать в минировании железнодорожного полотна между станциями Слуцк и Старые Дороги. Нашему отряду им. Громова достался участок от Слуцка до Уречья, а нашей группе — от Слуцка до Козлович. Так же, как и в первый раз, лично поставил 90 толовых шашек. Только за одну ночь были сорваны перевозки грузов фашистами по железной дороге на 70%.

Командование Белорусских фронтов, освобождавших республику, было очень благодарно партизанам за содействие в успешном проведении операции «Багратион»¹⁴⁸, в штабах даже не могли предположить столь быстрое продвижение наших войск на Запад и окружение многих десятков тысяч фашистов под Витебском, Бобруйском и Минском. Именно пленные фашисты из Белоруссии прошли по улицам Москвы, как показано во многих фильмах.

Приведу копию своей «Боевой характеристики»:

«Товарищ Никольский М. А., 1923 года рождения, в партизанском отряде с 11 апреля 1942 года. За время пребывания в отряде неоднократно участвовал в боях по разгрому немецко-полицейских гарнизонов: Яменска, Бараново, Барбарово, Ломовичи, Мордвилловичи, Лопачев Брод, Кривоносы, Синягово, Прусы, Макаричи и др. Участник боевых операций по уничтожению коммуникаций противника, таких как подрыв железнодорожных мостов через реки Оресса, Птичь, у станции Верхутино, уничтожение шоссейных мостов и линий связи противника. Во всех боевых операциях показал себя как смелый, волевой и инициативный боец-партизан. На своем боевом личном счету имеет 11 подорванных автомашин, 6 повозок, два эшелона с живой силой и техникой врага и около 30 убитых немецких солдат и их приспешников. Им лично захвачены в плен и доставлены в отряд 2 немца и один полицейский.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени. Неоднократно получал благодарности штаба бригады. Пользовался авторитетом среди бойцов и командного состава отряда и бригады. Дисциплинарных взысканий не имел».

Подписи: Командир бригады №64 им. Чкалова полковник Розов Н. Н.

Помощник начальника штаба бригады Золотой А. И.

За мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками я был награжден:

1. Орденом Боевого Красного Знамени №313967, Указ от 26.04.49 г.;

2. Орденом Отечественной войны первой степени №1417875, Указ от 11.04.85г. к 40-летию Великой Победы;

3. Медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени №033135, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.09.47;

4. Медалью «За победу над Германией» №060085, Указ от 09.05.45;

5. Медалью «За оборону Киева» №106426, Указ от 21.06.61;

6. Медалью «20 лет победы в Великой Отечественной войне» №3536019 от имени Президиума Верховного Совета 22.02.65;

7. Медалью «50 лет вооруженных сил СССР» (без номера) от имени Президиума Верховного Совета СССР 15.05.69;

8. Медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (без номера) 05.04.70;

9. Медалью участника ВДНХ СССР в Москве в 1955 году;

10. Медалью «30 лет победы» (без номера) 09.05.75;

11. Медалью «60 лет вооруженных сил СССР» от имени Президиума Верховного Совета СССР 22.08.78;

12. Медалью «В память 1500-летия Киева» от имени Президиума ВС СССР на основании решения Киевского горисполкома от 31.01.83 г.;

13. Медалью «40 лет победы» от имени Президиума ВС СССР 30.04.85;

14. Медалью «Ветеран труда», награжден в сентябре 1978 года;

15. «Почетной Грамотой ВС БССР» №2 — 6539, Указ Президиума ВС БССР от 17.05.72 — за активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся;

16. За активное участие в общественной жизни награжден Почетными, Благодарственными грамотами и Грамотами Всесоюзного, Белорусского, Минского областного, Слуцкого городского и районного Общества «Знание», Министерства просвещения БССР, Министерства культуры БССР, ЦК КП Белоруссии, Минского Обкома партии, Минского облисполкома, Минского ОблОНО, областного управления культуры, ЦК ЛКСМ Белоруссии, Минского Обкома комсомола, Слуцкого РК ЛКСМБ, Слуцкого РК КП Белоруссии, ГК КП Белоруссии, Обкома профсоюза, Слуцкого ГорОНО, редакции Слуцкой райгазеты, Белорусского Совета ветеранов войны и труда, Белорусского военного комиссариата, Военного Совета Белорусского военного округа и другими — всего количеством более 40.

На мой взгляд, все наиболее существенное и интересное из своей жизни я худо-бедно изложил в своих воспоминаниях. Конечно, писателю удалось бы сделать эту работу более красиво и художественно. К сожалению, я не писатель, а только начинающий журналист, не по диплому, а самоучка-практик. Как могу, так пишу. Главное достоинство этой книги в том, что жизнь свою я рассказал без прикрас и преувеличений. Может быть, кому-то написанное покажется нескромным, мол, хвастовство это все. Возможно... Но все, кто знал меня до войны, в военные и послевоенные годы, полностью согласятся с моими воспоминаниями. Понимаю — обо всем не расскажешь, всего не опишешь, нельзя «объять необъятное». И тем не менее прошлое не исчезнет бесследно. Мои дети, внуки и правнуки будут знать о том, что было, — дедушка оставил им свою память.

А закончить мне хочется удивительно трогательными словами стихов, составленных в честь моего 65-летия Валерием и Наташей Молчановыми, у которых в Свердловске мы с женой скромно отмечали эту дату 26 апреля 1988 года. Вот эти стихи:

Уходят годы, жизнь круги сужает,
И пройдено уж больше, чем идти,
А сердце вновь и вновь переживает,
Что прожито на трудном том пути.

Пожаров дым и горечь поражения...
Под Киевом. Шел сорок первый год.
Мы выползали по лесам из окруженья,
Вкусив запретный, страшно горький плод.

По вражеским тылам домой вернулся
И к партизанам в лес — иного нет пути.
Фашистов бил, под пулями не гнулся,
Брал «языков» — сквозь все пришлось пройти.

Разведчик-подрывник — горели эшелоны,
Составы рыли землю, слетая под откос,
И, смерти на страхась, громили гарнизоны,
Врагов казнили за потоки слез.

Неизмерима боль потери близких:
Сестру сожгли, отец расстрелян, мать —
Смерть приняли от палачей фашистских...

Все было суждено перестрадать.

И вот пришла она, желанная Победа!
Но радость эта от утрат горька.
Совсем один, дальнейший путь неведом,
И к берегам каким пробьется жизнь-река.

Листает память пожелтевшие страницы:
Предсельсовета избран в Лучниках,
Потом учеба, будней вереницы,
Нашел себя в своих учениках.

Опять учеба, бремя журналиста,
Людские судьбы, помощь всем нужна.
Борьба за справедливость — путь тернистый,
Ушибов, ссадин получил сполна.

Но не свернул с пути, что сам наметил.
В награду — добрые слова людей,
Кому помог, кого в душе приветил,
И нет на свете ничего милей.

Кто нас судьбой единственной отметил:
Мы правим ей, она ли нас ведет?
В райкоме комсомола Зину встретил,
И жизнь пошла на новый разворот.

Родились дети: Слава, Саша, Натка.
Двоем троих непросто «гадаваць»,
Не все, конечно, в жизни гладко,
Но помощь неоткуда было ждать.

Года к годам, растут десятилетия,
Уж внуков голоса взрывают тишину.
Осталась в прошлом горечь лихолетья,
Раскинулась семья на всю страну.

На берегах Невы сыны обосновались,
В Свердловске уж давно осела дочь,
Но в сердце все втроем они остались
И надо каждому хоть чем-нибудь помочь.

Седьмой десяток пополам размерян,
Но сердце жить без дела не дает.

И слову лектора опять, как прежде, верен,
И правду жизни людям вновь несет.

И пусть венчают голову седины —
Печать прожитых беспокойных лет,
Пусть не сгибают плечи годовщины,
Пусть наполняет радостью рассвет!

Г. Слуцк. 5 мая — 5 июля 1991 г.

Из архива М.А.Никольского

Семья патриотов

Помнят на Любанщинине семью врача Ивана Васильевича Чадовича многие жители, но мало кто знает об этой семье подробности, а о них стоит рассказать.

Чадович Иван Васильевич родился в 1895 году в деревне Живоглодовичи бывшего Слуцкого уезда Минской губернии, в семье бедного крестьянина, не имевшего даже лошади. Детей в семье было 13, а жизнь до революции была такой, что лучше и не вспоминать. До 16 лет Иван трудился в хозяйстве отца, а больше — на заработках у сельских богатеев. Самоучкой выучился читать, писать и решать задачи по примеру старших детей в богатых семьях, где всячески старался угождать и помогать, чтобы только научиться грамоте. И добился своего. После победы Великого Октября 1917 года вопреки всем возражениям родителей Иван закончил рабфак и отправился учиться дальше. В 1928 году окончил медицинский факультет Белорусского государственного университета и получил диплом врача.

Так сын бывшего бедняка, бывший батрак стал врачом и был направлен в Любанскую районную больницу терапевтом, где трудился 4 года. В 1932 году Ивана Васильевича перевели на должность заведующего Сосновской участковой больницы в совхоз им. 10-летия БССР, где он проработал ещё 7 лет. Трудные это были годы — укрепление Советской власти, коллективизация, борьба с кулачеством и остатками белогвардейских банд, борьба с болезнями и суевериями в деревнях среди глухих полесских лесов и болот. Но никогда не падал духом молодой врач, которому Советская власть дала путевку в жизнь. Женился, родились детки — дочь и два сына. Жена Ивана Васильевича — Мария Фёдоровна тоже получила медицинское образование и разделяла интересы и жизненные устремления мужа.

В 1939 году, когда Красная Армия выступила в защиту братьев-белорусов, Иван Васильевич Чадович добровольно участвовал в освободительной миссии в Западной Белоруссии, затем — в финской кампании. Был главным врачом 36 бригады легких танков. Демобилизовался из Бреста в 1940 году в звании майора медицинской службы.

Пока Иван Васильевич участвовал в военных операциях, семья его их совхоза в Соснах переехала в Минск, к родителям Марии Фёдоровны. Отец её был рабочим на железной дороге, а мать — домохозяйкой. В Минске старшая дочь Ивана Васильевича и Марии Фёдоровны Лида окончила 9 классов,

вступила в комсомол, а брат Василий был пионером и только готовился вступить в ВЛКСМ, окончив 8 классов. Самый младший — Юрочка (по метрике — Георгий) родился в 1938 году. После демобилизации отец семейства забрал семью из Минска и опять приехал в Любань, где с 1940 года трудился в больнице врачом, а жена его — медицинской сестрой.

Довоенные годы... годы нашего детства, нашей юности. Какое это было время! Страна чествовала челюскинцев, первых Героев Советского Союза, лётчика Валерия Чкалова и первую летчицу Валентину Гризодубову. С каким восторгом смотрели мы на героических матросов из кинофильма «Броненосец Потёмкин» и отчаянных бойцов из «Чапаева». А кто из моих ровесников не восхищался Николаем Островским и Павкой Корчагиным, героем его романа «Как закалялась сталь»? Кто из комсомольцев 30-х годов не стремился брать с них пример!

С каждым годом жизнь людей менялась к лучшему, даже в Любанском районе, считавшемся одним из самых отсталых закутков Полесья. На осушенных болотах раскинулись поля, где выращивали пшеницу и рожь. Вот Янка Купала побывал в колхозе имени Белорусского Военного округа и написал свою знаменитую поэму «Над рекой Орессой», которая читалась повсеместно и даже вошла в школьную программу по белорусской литературе. В деревнях появились первые радиорепродукторы, батарейные радиоприёмники, патефоны, велосипеды... Пожилые люди и молодёжь только удивлялись новинкам: велосипед на двух колёсах едет, а не падает, и ехать можно быстро. А сколько изумления вызывал репродуктор — висит на столбе сковородка сковородкой, а из неё — песня льётся. «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», — звучал из «сковородок» -репродукторов голос Любови Орловой. И наша страна, и жизнь наша — всё оказалось под угрозой уничтожения, когда гитлеровские войска без объявления войны начали своё наступление.

Очевидцы вспоминают, что в первый день войны 22 июня 1941 года в Любанском Доме культуры состоялся митинг. На нём сразу после военкома, объявившего мобилизацию, выступил Иван Васильевич Чадович и заявил, что он добровольно уходит в действующую Красную Армию «громить фашистского зверя». На следующий день он вместе с мобилизованными жителями отправился в Слуцк, где формировались новые дивизии. Однако уже через несколько дней Слуцк оказался в руках фашистов

и вместе с потоком отступающих солдат и командиров Чадовичу пришлось двигаться на восток, помогая раненым.

Семье Чадовича эвакуироваться не удалось — продвижение фашистских войск было стремительным и, не доехав до Глуска, пришлось вернуться обратно в Любань. За несколько дней и ночей, что «были в беженцах», хлебнули горя. Мария Фёдоровна волновалась больше всех — впервые осталась одна без мужа в такой ситуации да с тремя детьми, младший из которых совсем малыш — ему было только 3 годика. Но рядом были соседи, и враз повзрослевшие дети успокаивали: «Вместе с людьми и с друзьями отца в Любани не пропадём».

Сколько радости было в семье, когда в середине июля сорок первого вернулся домой отец и приступил к своим обязанностям в больнице. Десятиквартирный дом, где жила семья Чадовичей до войны, был занят немцами под казармы. Пришлось искать новое жильё. Переселились в опустевшие дома... с болью в сердце. Хозяевами домов, куда переселяли жителей из строений, занятых под нужды немецкой армии, были евреи... Их забрали из этих домов, а потом вместе с партийными активистами, коммунистами, командирами и комиссарами Красной армии, попавшими в плен од Любанью, расстреляли в Костюковском лесу. Таков был фашистский «новый порядок», установленный на оккупированной территории.

Дочь Чадовича Лидия Ивановна и сын Василии Иванович при встрече рассказывали мне, что фашисты от полицаев из числа местных предателей узнали, что отец пользовался большим авторитетом в районе и предлагали ему должность бургомистра Любани. Но Иван Васильевич упорно отказывался: «Я — врач, и мой долг — лечить людей, другими делами заниматься я не умею и не буду».

Чадович был беспартийным и не вызывал подозрений, поэтому ему позволили продолжать врачебную практику. Жена и старшие дети — семнадцатилетняя Лида и пятнадцатилетний Василий были вместе с отцом в больнице, помогая ухаживать за больными и укрывать раненых. На каждом столбе, на каждом углу висели объявления, утверждавшие «новый порядок» и обещавшие смерть «за хранение оружия, радиоприёмников, за укрывательство и помощь раненым красноармейцам, командирам и комиссарам, за сокрытие коммунистов и комсомольцев, за сопротивление немецким властям, за саботаж в выполнении поставок и налогов, за помощь партизанам, за распространение большевистских газет и листовок, за нарушение режима военных властей». В подтверждение слов вдоль центральной улицы районного центра были установлены

виселицы, к которым периодически сгоняли жителей для проведения очередной «экзекуции», а из леса доносилось эхо расстрелов...

Фашисты просчитались — их зверства не вызвали страха, не сломили волю к сопротивлению, лишь вызвали жгучую ненависть и пробудили в нас стремление действовать, внести свой вклад в общее дело разгрома фашистских извергов.

С первых дней войны в Любанскую больницу поступило немало раненных и больных красноармейцев и командиров. Многие из них были из окруженной под Верхутином 121-й стрелковой дивизии. Всем солдатам грозил плен, а командирам расстрел, но благодаря стараниям Ивана Васильевича Чадовича удалось спасти от этой участи более 500 военнослужащих. Документы всех находившихся на излечении военных были уничтожены — частично во время бомбёжек, а частично после, по приказу Чадовича самими сотрудниками больницы. В приёмном покое писарь-деловод оформлял «липовые» истории болезней, по которым все раненные командиры и комиссары под видом гражданских лиц переводились в инфекционное отделение, где на дверях висела табличка «тиф», отпугивавшая немцев. По мере выздоровления раненым выправляли документы как гражданским лицам и либо тайно переправляли в лес к партизанам, либо «выписывали домой», заранее находя семьи, готовые принять их под видом родственников. Дело это было опасное, поскольку в случае провала, расстреливали не только самого солдата, но и всю семью, принявшую его на постой.

Такая активная работа по спасению раненых от плена и расстрела стала возможной во многом благодаря личному знакомству Ивана Васильевича Чадовича с командиром одного из партизанских отрядов Николаем Николаевичем Розовым. Первая их встреча случилась на берегу Орессы, недалеко от деревни Орлево. Затем была налажена постоянная связь. Иван Васильевич получал от партизан листовки и газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», которые в 1942 году доставлялись самолётами с Большой Земли, подпольные газеты Слуцкого и Любанского райкомов партии, листовки, которые печатались в партизанской типографии на острове Зыслов. Партизаны получали из больницы медикаменты, перевязочные материалы, белье, инструменты, соль и продукты питания.

Листовок было мало, поэтому часто Лида и Василий по поручению отца от руки наскоро переписывали по несколько экземпляров, чтобы успеть за ночь, скрываясь от немецких патрулей и полицаев, расклеить листочки в наиболее людных

местах. Сколько опасностей подстерегало подпольщиков на каждом шагу! Зато утром люди узнавали правду о положении на фронтах, о разгроме фашистов под Москвой, под Сталинградом... Какую радость доставляли эти известия всем советским патриотам, сколько сил и энергии прибавляло! Гитлеровская пропаганда о «разгроме Красной Армии» и «капют Москва», о «ликвидации партизан» терпела полный провал.

В подпольной группе больницы, которая оказывала активную помощь раненым и партизанам, вместе с семьей Чадовичей были и другие советские патриоты: врач Владимир Андреевич Воробьёв и его жена Екатерина Георгиевна, зубной врач Яков Ануфриевич Шаплыко и его жена Валентина Николаевна, студентка мединститута, прибывшая в больницу на практику Нина Крепская, санитарка Екатерина Иосифовна Куркевич, завхоз больницы Януш, повар и аптекарь, фамилии которых, к сожалению, пока установить не удалось.

В качестве связных партизанского отряда Н.Н.Розова, а затем — бригады им. Чкалова, в больницу приходили Адам Бойко, Полина Шаргун и её родители из деревни Костюки, Люба Прохоцкая из деревни Мордвиловичи, коммунист Галай из Орлева, Николай Достанко из Речени, Степан Ременчик из Заболотья, а с лета 1942 года — Иван Касперович и Ольга Арестович из деревни Костюки, Леонид Манкевич и Карл Куркевич из райцентра Любань и многие другие. Явочные квартиры для встречи партизан со своими связными были в деревнях Костюки, Заболотье, Шипиловичи, Морвиловичи, Купники, Сорочи, Орлево, Юрковичи. Также встречи происходили на берегу реки Оресса, в кустах на болоте, где встречались под видом косцов во время сенокоса.

Кроме медикаментов и продуктов питания Чадович и участники его подпольной группы передавали ценные сведения о фашистском гарнизоне в Любани, об изменениях в численности, о планах и намерениях. Эта информация была необходима для проведения боевых операций по разгрому вражеских гарнизонов, для организации засад на дорогах Любань-Уречье, Любань-Сосны, для срыва мероприятий врага по заготовкам сельхозпродуктов для армии или отправке молодежи в Германию.

Разведданные связные и подпольщики собирали буквально «по крупицам» — в разговорах с полицаями, среди которых были любители похвастаться перед девицами своей осведомлённостью, от немецких солдат и офицеров, у которых после угощения самогоном на вечеринках «развязывались языки». Главным источником, конечно, были подпольщики, которые по заданию партии поступили на службу к фашистам — в Любанскую

полицию. Среди них были Владимир Ременчик, которого после ухода к партизанам сменил Карл Куркевич, пока его не начали подозревать в связях с партизанами и ему не пришлось вместе с матерью, работавшей в больнице, срочно покинуть райцентр и уйти в лес. Немало ценных сведений передавал и сам Иван Васильевич Чадович, на излечении у которого часто бывали немецкие солдаты и офицеры из Любанского гарнизона.

Собрать сведения — это одна часть дела, другая — после проверки и перепроверки сообщить их в отряд для передачи командованию. Как правило данные кратко записывались на обрывках бумаги и доставлялись в условное место, откуда их забирали связные. Этим условным местом могло быть дупло дерева на окраине леса, или дыра в пне, или заросли кустарника на берегу Орессы. Сколько изобретательности и осторожности нужно было проявить связным, чтобы под видом грибника с кошёлкой или рыболова с удочкой пройти до места, замаскировать записку с собранными сведениями и забрать новые задания от командования. Подросткам это выполнить было проще — они меньше вызывали подозрений.

Подпольщики действовали не только в больнице. Ценные сведения поступали в отряд от парикмахера Виктора Нестерова, который после излечения в больнице сменил красноармейскую форму на гражданский костюм и по заданию партизан устроился на службу к немцам. В лесхозе переводчиком «работал» у немцев бывший офицер Красной Армии Иван Комаров, тоже находившийся на излечении в больнице у Чадовича.

Как-то ночью летом 1943 года фашисты-гестаповцы нагрянули в дом Ивана Васильевича, устроили там обыск, но ничего не нашли. Однако хозяина арестовали и посадили в тюрьму. Несколько суток Чадовича допрашивали, под пытками добивались признания в связи с партизанами, чтобы сознался и назвал имена и фамилии связных. Как потом оказалось, накануне ареста Чадовича из больницы ушёл к партизанам завхоз Януш, прихватив больничную повозку с лошастью и нагрузив её медикаментами и бинтами с ватой. Естественно, подозрение пало на доктора. Прямых улик и доказательств у гестапо не было — только подозрения, и они надеялись на малодушие и слабость врача. Однако их расчёты не оправдались — пришлось арестованного отпустить. Гестапо установило за Чадовичем и его семьёй слежку, надеясь так выяснить его связи. Ивану Васильевичу на время пришлось прекратить подпольную работу и предостеречь всю семью — от осторожности каждого зависела жизнь всех.

В штабе бригады им. Чкалова было известно, что И.В. Чадович

находится под угрозой ареста. В декабре 1942 и в феврале 1943 ему не раз предлагали вместе с семьей уйти в отряд, но он не стал рисковать здоровьем жены и детей и перевозить их зимой в землянки, ожидая теплого лета. К лету стало спокойнее и Иван Васильевич вновь отложил уход в отряд, руководствуясь тем соображением, что в больнице в Любани от него больше пользы и местным жителям, и партизанам. Но однажды в июле 1943 года полиция удалось схватить партизанского связного. А при нём — записка на имя доктора Чадовича. Нашёлся, однако, и среди полицейских добрый человек — предупредил Чадовича, чтобы немедленно забирал семью и бежал в лес. Обманув часового, уже поставленного у дома, где жила семья врача, Чадовичу с женой удалось вывести детей и добраться к надёжным людям в деревню Костюки, откуда группа партизанских разведчиков, среди которых был и я, доставила семью Чадовича в партизанский отряд им. Громова бригады им. Чкалова.

И.В.Чадович и М.А.Никольский, 1986 год

Командование бригады назначило Ивана Васильевича в партизанский лагерь «Горное», что недалеко от деревни Загалье, в партизанский госпиталь, где он работал и жил с четырёхлетним сыном Юрой. Старший сын Василий стал партизаном отряда им. Громова, а жена и дочь Лида — медсёстрами в ротах этого отряда. Они вместе с бойцами ходили на боевые задания, оказывали первую помощь раненым партизанам.

Особенно трудно приходилось партизанам во время карательных операций в Любанском районе в осеннее и зимнее время. Приходилось постоянно менять места дислокации, после переправы через реку или после сильного дождя ни обогреться, ни обсушиться, сложности с продуктами, с медикаментами, которые обычно поступали от местных жителей, а ещё и госпиталь с ранеными и больными, да с семьями, где и жены, и малые дети. Вот где необходима была выдержка, смелость и мужество, несмотря на бытовую неустроенность, усталость и даже нездоровье, сохранять боеспособность и под артобстрелом, и под бомбёжкой, и вести ожесточённые бои в попытках прорвать вражескую блокаду. Мужчины к таким трудностям более привычны, а для женщин и девушек это было самое жестокое испытание на стойкость и верность чувству долга и своим боевым товарищам.

Во время одной из блокад карателей весной 1944 года Иван Васильевич Чадович вместе с больными тифом и ранеными попал в руки фашистов. Его жене и детям чудом удалось избежать плена, вместе с основными силами партизанского отряда. Они находились в отряде им. Громова до 30 июня 1944 года, когда Красная Армия освободила Слуцк и Любань от врага.

Ивана Васильевича Чадовича не расстреляли как врача, а отправили на работы в Германию. Освободили его из фашистского рабства наступающие части Красной Армии и после краткой проверки, получив подтверждение военного прошлого и майорского звания Чадовича, его назначили военврачом в одну из частей, с которой он и закончил войну в Берлине. Вскоре после войны Ивана Васильевича демобилизовали по возрасту, и он сразу приехал в Минск, где уже находилась вся семья, переехавшая в 1944 году из Любани. По направлению Министерства здравоохранения БССР Иван Васильевич Чадович служил в больнице Марьиной Горки Пуховичского района, где и умер в 1952 году прямо на рабочем месте, так и не успев ни оформить партизанских документов, ни получить заслуженных наград.

Иван Васильевич Чадович с женой

Лидия Ивановна Чадович (по мужу — Алексютович) после освобождения Белоруссии стала зубным врачом, долгое время работала в Минске, потом вышла на пенсию. Награждена орденом Отечественной Войны и пятью медалями. Выростила и воспитала двух сыновей и дочь, уже растут внуки.

Василий Иванович Чадович в начале августа 1944 года добровольно вступил в Красную Армию, в одну из частей I Белорусского фронта. После войны вновь сел за парту — был курсантом, сержантом, командиром взвода, помощником начальника разведки полка, заместителем начальника штаба артиллерийского дивизиона, командиром батареи, начальником штаба части, преподавателем и старшим преподавателем кафедры «Тактика» в Тульском Высшем артиллерийском инженерном училище имени Тульского пролетариата. За 36 лет службы прошел путь от рядового партизана, сержанта Красной Армии до звания полковника. Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и тринадцатью другими медалями. Воспитал сына и дочь.

Георгий Иванович Чадович, которого все бойцы отряда звали Юрой, трудится наладчиком на заводе «Калибр» в Минске, а сын его стал моряком.

5 июля 1986г.

Комментарии

1. Чеканов Евгений «Семейная летопись» //«Молодая гвардия» №5 (май) 1989 год (стр.194—195).

2. «Плюшевка» — теплое женское полупальто, которое шилось из плюша — шелковой, шерстяной или хлопчатобумажной ткани с более длинным ворсом, чем у бархата. Такой вид одежды был очень распространён среди белорусских крестьянок в конце XIX — начале XX века.

3. Гимназия — среднее учебное заведение. В начале XX века в Ярославской губернии существовало 7 гимназий, из них 5 — женских. Все они были построены по классическому типу. В мужских гимназиях курс обучения составлял 7 классов. Учебный год продолжался с 17 августа по 1 июня, около 240 дней. Обязательный курс включал в себя следующие предметы: Закон Божий, русский язык с церковнославянским и логика, латинский язык, греческий язык, математика, физика, история, география, французский язык, немецкий язык, чистописание, рисование и черчение.

4. Вольноопределяющийся — военный служащий (из нижних чинов) Российской Императорской армии и Флота, добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и несший службу на льготных условиях. Льготы для вольноопределяющихся состояли в сокращённом сроке службы и праве на производство в офицеры по окончании срока службы.

5. Ставка — Ставка Верховного главнокомандующего (СВГ, Ставка) — орган высшего полевого управления войсками и местопребывание Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами России на театре военных действий (действующей армией и флотом) во время Первой мировой войны 1914—1918 годов. С начала войны находилась в Барановичах, с 8 августа 1915 года — в Могилёве.

6. Младший офицерский чин — скорее всего имеется в виду чин прапорщика. До 1917 года офицерский чин прапорщика присваивался лицам, окончившим ускоренный курс военных училищ или школ прапорщиков и сдавшим экзамены по определённой программе. В военное время допускалось также

присвоение чина прапорщика за боевые отличия (без экзамена) унтер-офицерам, имевшим высшее или среднее образование.

7. «В 1920—1921 годах на Волге часто возникали контрреволюционные мятежи, потом начался голод. Жить стало невозможно». 6 июля 1918 года в Ярославле произошло событие, ставшее одним из первых в Центральной России антибольшевистских выступлений, которое вошло в историю как Ярославский белогвардейский мятеж. Бывшие офицеры и солдаты царской армии, объединённые организацией «Союз защиты Родины и свободы» во главе с Б. В. Савинковым, которая получила финансовую поддержку и обещание военной помощи со стороны ряда внутренних антибольшевистских сил и представителей стран Антанты, захватили власть в Ярославле и удерживали город в своих руках в течение 16 дней. Повстанцев поддержала часть горожан, но союзники не выполнили свои обещания, и захватившие центр Ярославля офицеры оказались обречены. 21 июля Ярославль был вновь взят войсками Красной Армии. После чего последовала череда расстрелов и жестоких расправ над местными жителями, уличёнными в малейшем сочувствии повстанцам. «Основными причинами восстаний крестьян были принудительные призывы в Красную армию, а также аграрная политика большевиков, получившая название продовольственной диктатуры. Уже в июне 1918 г. в городах губернии начинают создаваться продотряды, а в сельской местности — комитеты бедноты. Целью их было изъятие продовольствия у сельского населения. Естественно, что крестьяне воспринимали действия комбедов и продотрядов как грабительские, и, по мере того, как их деятельность усиливалась, недовольство сельского населения нарастало. Имелись случаи и вооружённых столкновений крестьян и продотрядовцев. В ноябре 1918 г. в Мологском уезде вспыхнуло восстание крестьян, быстро распространившееся на значительные территории. После того, как повстанцы захватили ряд железнодорожных станций и стали угрожать мосту через Волгу, на подавление выступления были отправлены большие отряды красноармейцев и восстание было жестоко подавлено.

В мае 1919 г. в связи с очередным набором в армию произошёл новый всплеск выступлений. Крестьяне массово уходили в леса, организовывались там, а затем начинали «сшибать советы», т.е. ликвидировать советскую власть. Повстанцев во многих случаях поддерживали местные священники, учителя, а также бывшие офицеры. Наиболее крупные очаги выступлений возникли на западе губернии (Угличский

и Мышкинский уезды), севере (Пошехонский уезд) и востоке (Даниловский и Любимский уезды). Пик выступлений пришелся на июнь-июль 1919 г., когда восстаниями было охвачено до трети всей территории губернии. Только обратившись за помощью к Москве и властям соседних губерний, ярославские власти смогли подавить восстания, используя в том числе и такие средства, как массовые расстрелы, взятие в заложники всего населения деревни и даже поджог деревень.

Несмотря на такие жестокие меры, крестьянское движение в восточной части губернии (Даниловском и Любимском уездах), возглавляемое Г. Пашковым и К. Озеровым, продолжалось до 1920 г., приобретая формы партизанской борьбы. <...>

В 1918 — 1920 гг. на территории Ярославской губернии формировались также отряды для отправки на фронт Гражданской войны. <...>

К концу 1920 г. фактор Гражданской войны перестал оказывать существенное влияние на обстановку в Ярославской губернии. Большевики отстаивали свое право на власть, и на смену военным столкновениям постепенно приходят новые заботы. В губернии наблюдалась полнейшая хозяйственная разруха, вызванная Гражданской войной и политикой военного коммунизма. Производство промышленной продукции снизилось по сравнению с 1913 годом в 6 раз, количество рабочих на предприятиях губернии уменьшилось с 37 до 26 тысяч. На треть уменьшились посевные площади в деревне, практически ликвидированы были такие важнейшие для края отрасли сельского хозяйства, как льноводство и животноводство.

В марте 1920 г. X съезд РКП (б) принял решение о замене продразверстки продналогом и восстановлении свободы торговли. С этого момента начинает разворачиваться Новая экономическая политика (НЭП). Для скорейшего преодоления политической и экономической апатии, охватившей крестьянство к концу Гражданской войны, в ярославскую деревню были посланы сотни агитаторов, разъяснявших сущность новой политики и убеждавших крестьян заняться нормальным ведением хозяйства. Помимо слов, сельским жителями помогали и организационно, в том числе обеспечивая их посевным материалом, была проведена «Неделя красного пахаря», в ходе которой рабочие осуществляли починку сельхозинвентаря. В результате в 1921 г. собран довольно высокий урожай. Правда, это не изменило низкого уровня жизни населения, так как значительная часть урожая была отправлена ярославцами в помощь средневожским губерниям, охваченным голодом». // Данилов А. Ю. «Ярославский край в 1917 — 1941 годы», <http://>

8. Скорее всего, Мария Францевна Никольская (в девичестве Устинович) принадлежала к греко-униатской католической церкви Брестской Униатской Епархии.

9. Статист-плановик — скорее всего это искажённое название должности «плановик-статистик». В обязанности плановика-статистика входило формирование планов работы учреждения и контроль их выполнения, учёт рабочего времени, подготовка данных в бухгалтерию для начисления заработной платы.

10. Ксенжка — разговорное наименование греко-католического молитвенника, который мало чем отличался от православного. С 1834 г. в униатский литургический обиход была введена православная богослужбная литература. В нашем семейном архиве хранится ксенжка Марии Францевны Устинович, которая была найдена в кармане её плюшевки после расстрела (см. стр.156). Это небольшая книжка (10x15 см), изданная в типографии Киево-Печерской Лавры в 1884 году. Включает в себя Службу с акафистом Святителю Христову Николаю на старославянском языке.

11. «задачник Малинина-Буренина» — скорее всего, имеется в виду учебник «Собрание арифметических задач для гимназий и прогимназий, мужских и женских, реальных, уездных и городских училищ, учительских институтов и семинарий»

(сост. А. Малинин и К. Буренин), который широко использовался в педагогической практике тех лет. «Популярность сборников задач А.Ф.Малинина объяснялась весьма обширной и в методическом отношении очень продуманной системой задач. В подборе задач и упражнений соблюдался целый ряд дидактических требований — активизация мышления учащихся, систематичность, постепенное нарастание трудности, обеспечение прочности знаний и навыков на основе повторения пройденного. Сборник содержал 2043 задачи и выдержал 18 изданий при общем тираже 645 000 экземпляров» (Кондратьева Г. В. Учебная книга по математике второй половины XIX века» // Проблемы современного образования. — №5, 2012г. с.27.)

12. «...известного постановления об обязательном начальном образовании» — 14 августа 1930 года Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров Союза ССР было принято постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». Первые три статьи этого закона гласили:

«I. Ввести с 1930—1931 г. повсеместно в Союзе ССР всеобщее обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте 8, 9 и 10 лет в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы. В соответствии с этим принять осенью 1930 года в трудовую школу всех детей этих возрастов, которые до настоящего времени не обучаются в школе.

Установить в 1930—1931 г. обязательное прохождение всего курса школ I ступени (первых четырех групп трудовой школы) для всех детей, обучающихся в этих школах, независимо от возраста.

II. Ввести с 1930—1931 г. обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте от 11 до 15 лет, не прошедших первых четырех групп трудовой школы. Для них организуются ускоренные специальные двухгодичные и одногодичные школы-курсы и группы при школах (в зависимости от их подготовки).

III. Ввести с 1930—1931 г. всеобщее обязательное начальное обучение детей (мальчиков и девочек) в объеме школы-семилетки в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках, установив обязательное прохождение всего курса семилетней школы для всех детей, оканчивающих школу I ступени (первые четыре группы трудовой школы), начиная с окончивших в 1929—1930 г.».

Таким образом, все дети, достигшие школьного возраста, а также переростки, которые по тем или иным причинам ранее не были охвачены школой, должны были обязательно учиться.

Закон обязывал родителей и заменяющих их лиц посылать детей в школы; за неисполнение этой обязанности они подлежали ответственности по законам союзных республик». (Н.А.Константинов, Е.Н.Медынский, М.Ф.Шабаета, «История педагогики»/ «Просвещение», Москва, 1982 г.)

13. Подвода — конная повозка, телега, обычно использовавшаяся для перевозки грузов.

14. Цеп — примитивное орудие для обмолота колосьев и отделения зерна. Обычно состоит из двух (реже — нескольких) подвижно связанных концами палок: более длинная (до 2 м) рукоятка и более короткая (до 0,8 м) рабочая часть, ударяющая по злакам.

15. «В том же двадцать девятом году начались мелиоративные работы в бассейне реки Оресса...» Гидромелиоративные работы на территории Беларуси проводились, начиная с XVI столетия. Задолго до революции, в феврале 1910 г. Постановлением Минского Губернского Комитета по делам земского хозяйства в Минске была учреждена Минская болотная опытная станция, начавшая работу в 1911 г. и не прекращавшая её, несмотря на военные и революционные события. Станция осуществляла методическое руководство опытным болотным делом во всей республике, где в конце 20-х гг. действовал ряд болотных опытных хозяйств, опорных болотных пунктов и других опытных учреждений. В 1927—1929 гг. в состав станции входила специальная экспедиция под руководством профессора В. Р. Вильямса по изучению болот республики. За этот период она обследовала свыше 200 тыс. га болот, провела на них почвенные, ботанические и другие изыскания. Вполне возможно, что работы Тризно проводились в рамках данной специальной экспедиции, однако точных данных нам найти не удалось. (По материалам сайта Института мелиорации Национальной академии наук Беларуси РУП «НПЦ НАН Беларуси по земледелию» <http://niimel.by/melioracia/ru/component/banners/click/2?template=accessibility>).

16. «...получал в то время прилично, кажется, до 80 рублей в месяц» — на протяжении 1920-х гг. принимались постановления ЦК ВКП (б) и директивы советского правительства, направленные на повышение материального положения учителей. Зарплата учителям школ I ступени была поднята с 8 руб. 60 коп. до 37 руб. в 1926 г. и до 47 руб. 46 коп. в 1928 г. Зарплата учителям школ II

ступени поднята с 27 руб. 65 коп. в 1926—1927 учеб. году до 76 руб. 19 коп. в 1927—1928 учеб. году. Регулярно вводились премиальные надбавки. (Источник: Директивы ВКП (б) и постановления советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917—1947 гг. М.; Л.: Соцгиз, 1947. Вып. 1—2.)

17. Емельян Михайлович Ярославский (настоящие имя и фамилия Миней Израилевич Губельман; 19 февраля [3 марта] 1878 года, Чита, Забайкальская область, Российская империя — 4 декабря 1943, Москва) — российский революционер, советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Один из инициаторов создания журнала «Сибирские огни». Председатель «Союза воинствующих безбожников». Союз воинствующих безбожников (ранее — Союз безбожников; Общество друзей газеты «Безбожник») — добровольная общественная организация в СССР, основанная в 1925 году, ставившая своей целью идейную борьбу с религией во всех её проявлениях. Союз воинствующих безбожников сразу же развернул большую работу по пропаганде атеизма, по созданию музеев и выставок, выпуску научной и научно-популярной литературы, а также ряда периодических изданий — газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Юные безбожники» и другие печатные издания, выходившие на различных языках народов СССР.

18. Коллективизация — политика объединения единоличных крестьянских хозяйств в коллективные (колхозы и совхозы), проводившаяся в СССР в период с 1928 по 1937 год (в Западной части страны — до 1950 года) с целью преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные общественные кооперативные производства для упрощения системы изъятия её продуктов и обеспечения за их счёт роста промышленных производств — индустриализации. «В середине 1920-х годов в БССР развивались различные формы кооперации. Коллективные хозяйства, входившие в кооперативные союзы, объединяли только 3% сельского населения. Исходя из реальных условий, наркомат земледелия республики во главе с Д. Ф. Прищеповым отдавал предпочтение простейшим формам кооперирования. XV съезд ВКП (б) (1927 г.), хотя и был назван «съездом коллективизации», тем не менее, предполагал её развитие в сочетании с другими видами кооперативов, экономические методы стимулирования этого процесса. Крестьяне начали придерживать хлеб, и в 1927—1928 гг. в СССР разразился хлебозаготовительный кризис. В 1928

—1929 гг. трудности с заготовками повторились, повторились и методы решения — насильственное изъятие хлеба у крестьян. Определив колхозы как удобные формы выкачивания хлебных ресурсов из деревни, советское руководство с конца 1929 г приступает к форсированию процесса коллективизации. При этом использовались как экономические (новый закон о самообложении), так и административные меры. К наиболее эффективным из последних следует отнести раскулачивание. Руководство КП (б) Б, которое возглавил К. Гей, в январе 1930-х гг. призвало завершить коллективизацию к 1931 г. и направило в Москву просьбу объявить республику зоной сплошной коллективизации. Для обеспечения высоких темпов коллективизации в деревню послали многие тысячи уполномоченных, в городах и на промышленных предприятиях создавали специальные бригады помощи коллективизации. В результате процент ее в республике увеличился к 1 марта 1930 г. почти в 10 раз — до 58%.

Нарастание скрытого, а временами и активного, сопротивления в деревне вынудило Москву вмешаться. 2 марта 1930 г. была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он всю вину за сложившуюся обстановку возложил на местных работников. Прилив в колхозы сменился отливом, к августу 1930 г. осталось в них около 11% крестьянских подворий. Однако с осени 1930 г. наблюдается новая волна административного нажима, в результате которого к концу 1934 г. в колхозах БССР оказалось около 75% всех крестьян. В активизации этого процесса большую роль сыграло создание МТС (с 1929 г.) и политотделов при них. Большую деятельность развернуло НКВД. Только за 1933—1934 гг. в республике «выявили» и ликвидировали 3 тыс. «контрреволюционных диверсионных группировок». По подсчетам белорусских ученых в БССР репрессировали в период коллективизации более 300 тыс. крестьян. Избранные сталинским руководством сроки и формы коллективизации еще более усугубили положение населения белорусской деревни. Воспитанное на вековых традициях единоличного производства крестьянство было вынуждено отказываться не только от своей земли, но и от всего своего имущества, постепенно теряя полностью заинтересованность в результатах своего труда». (Источник: <https://moodle.ggau.by/mod/page/view.php?id=2576>)

19. Кóнтра (от контрреволюция) — распространенное во время Гражданской войны в России разговорное наименование деятельности контрреволюционных сил и их самих как таковых —

сторонников Белого движения и прочих; впоследствии — обозначение мнимых или реальных противников советской власти.

20. Балаховцы — так называли кавалеристов — солдат 3-й петроградского конного полка под командованием Булак-Балаховича, выступившего против советской власти в 1918 году. Станислав Никодимович Булак-Балахович — военный и политический деятель эпохи Гражданской войны в России, генерал российской Белой армии и Войска Польского. Настоящая фамилия — Балахович, также известен как Бацька Булак-Балахович.

В 20-е годы Борис Савинков помог Балаховичу сформировать из числа белогвардейцев, находившихся в Польше, Эстонии, Латвии и Литве, несколько крупных и хорошо вооруженных отрядов, которые, поддерживаемые частью местного крестьянства, активно действовали на территории Белоруссии, занятой большевиками. План атамана был прост — поднять крестьянское восстание и свергнуть советскую власть.

21. Заведующий районо — руководитель районного отдела народного образования.

22. «...в те годы было организовано горячее питание школьников» — вопросы организации системы школьного питания и обеспечения детей полноценными горячими обедами волновали руководство молодого советского государства с момента его создания. «В 1918 г., когда шла Гражданская война и началась иностранная интервенция, когда свирепствовали голод, эпидемии и разруха, когда вся страна находилась на жёстком и очень ограниченном продовольственном пайке, 14 сентября Совет Народных Комиссаров принял декрет за подписью В.И.Ленина «Об усилении детского питания».

4 февраля 1919 года В.И.Ленин подписал Декрет об учреждении Совета защиты детей под руководством А.В.Луначарского, а уже в мае 1919г. появляется Декрет СНК «О бесплатном питании детей»

Данным Декретом всем продовольственным организациям было рекомендовано обеспечить продуктами все школьные столовые и питательные пункты для детей, не обучающихся в школах. В дополнение к нему был образован Фонд детского питания, формируемый за счёт особого обложения населения и субсидий Государственного казначейства).
(Давидович А. Р. Школьное питание: уроки истории. //

«Российские регионы: взгляд в будущее», 2016г. — <https://cyberleninka.ru/article/v/shkolnoe-pitanie-uroki-istorii>) Вполне закономерно, что на территории Белоруссии, где в начале 20-х ещё продолжалась Гражданская война, где только в середине 20-х начала вестись системная работа по созданию школ, обеспечить школьников горячим питанием удалось не сразу, а только к концу десятилетия.

23. Марзон Владимир Осипович (1881, Заславль Минской губ. — 1954, Минск), хирург. 1904 г. окончил духовную семинарию. В 1905 году поступил в университет в Санкт-Петербурге, однако его не закончил. Завершил своё обучение в 1911 году на медицинском факультете Юрьевского университета. Работал земским врачом в Бобруйском уезде, был хирургом Глусской участковой больницы (1911—1913), Хирургом Бобруйской и других больниц Минской губернии (1913—1915). Служил военным хирургом (1915—1917), затем хирургом, заведующим хирургическим отделением, заведующим Бобруйской городской больницей (1917—1934), которая до сих пор известна у местного населения как «Марзоновка». Кандидат медицинских наук, профессор (1935). Завкафедрой хирургии и консультант Могилёвской областной больницы (1934—1935). Заведующий кафедрой аппаратной хирургии Витебского медицинского института (1935—1941). Участник войны 1941—45. В 1943—49 работал в Минздраве БССР. С 1948 зав. кафедрой общей хирургии Белорусского ин-та усовершенствования врачей и одновременно (1949—54) директор этого института. Депутат ВС БССР (1947—54). Заслуженный деятель науки БССР (1938), заслуженный врач БССР (1948). (По материалам Российской Еврейской Энциклопедии и Википедии).

24. Ликбез (ликвидация безграмотности) — массовое обучение неграмотных взрослых чтению и письму в Советской России и СССР. Исторически понятие «ликбез» возникло как сокращение от «ликвидация безграмотности» — государственной программы Советской России, начало которой положил декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 года. Согласно ему, всё население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке (по желанию). Одиннадцатого декабря 1920 г. была создана Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности в Беларуси, позже такие комиссии были созданы в уездах и волостях. В 1928/29 учебном году

в Беларуси работало 309 пунктов по ликвидации неграмотности, 319 школ для неграмотных. Народному комиссариату просвещения предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Декрет предусматривал также создание школ для переростков, школ при детских домах, колониях и прочих учреждениях, входивших в систему Главсоцвоса. Каждый населённый пункт с числом неграмотных свыше 15-ти должен был иметь школу грамоты (ликпункт). Срок обучения в такой школе составлял 3—4 месяца. Программа обучения включала чтение, письмо, счёт. В начале 1920-х годов было уточнено, что занятия на ликпункте имеют своей целью научить читать ясный печатный и письменный шрифты; делать краткие записи, необходимые в жизни и служебных делах; читать и записывать целые и дробные числа, проценты, разбираться в диаграммах и схемах; учащимся объяснялись основные вопросы строительства советского государства. Для взрослых учащихся сокращался рабочий день с сохранением заработной платы, предусматривалось первоочередное снабжение ликпунктов учебными пособиями, письменными принадлежностями. (Источник: <https://docbaza.ru/urok/historyofbelarus/20/019.html>)

25. Раскулачивание — политическая репрессия, применявшаяся в административном порядке местными органами исполнительной власти по политическим и социальным признакам на основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Формы и методы ликвидации зажиточного крестьянства на территории Белоруссии исчерпывающе описаны в документах ЦК КП (б) Б 1930 и 1931 гг. под грифом «Совершенно секретно». Приведу некоторые выдержки из Директивы ЦК КП (б) Б от 6 февраля 1930 г.:

«3) При раскулачивании в районах сплошной коллективизации должны изыматься у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и другие здания, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы и т. д.

4) Одновременно в целях решительного подрыва влияния кулачества на отдельные слои бедняцких-середняцких масс и безусловного подавления всяких попыток контрреволюционного сопротивления со стороны кулаков проводимым советской властью мероприятиям, должны быть приняты в отношении кулаков следующие меры:

а) первая категория — это контрреволюционный кулацкий

актив — должен быть немедленно ликвидирован путем заключения в концлагеря.

б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, которые подлежат высылке в отдалённые местности Союза ССР.

в) в третью категорию входят остальные кулацкие хозяйства, которые остаются в пределах района, округа или республики, но подлежат расселению на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках худшей земли.

г) Общее количество хозяйств всех трех категорий должно составить в среднем по БССР 3 — 3,5%. Это показание (3—3,5%) имеет целью сконцентрировать удар по действительно кулацким хозяйствам и безусловно предупредить распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняков.

5) Местным организациям надлежит тотчас приступить к выявлению всех кулацких хозяйств, провести учёт всех средств производства, предприятий, животных, зданий, кормовых и семенных запасов, категорически запретив кулакам распродажу взятого на учёт имущества. В случаях порчи или распродажи имущества кулацкими хозяйствами принимать репрессивные меры (конфискация всяя имущества, арест, привлечение к судебной ответственности и т.д.).

б) Выселяемым за пределы БССР кулакам должны быть оставлены только самые необходимые домашние вещи, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте, и необходимый на первое время минимум пищевых запасов. Денежные средства высылаемых кулаков также конфискуются с оставлением, однако, на руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 р. на семью), необходимой на проезд и устройство на месте». (Цитируется по публикации в журнале «АгроБаза», №3—2009: <https://www.infobaza.by/other/agro/veska30/>).

26. Лобан Николай Павлович (Микола Лобан) — белорусский писатель и языковед. Заслуженный работник культуры БССР (1974). Родился: 27 октября 1911 г., в деревне Чаплицы Слуцкого сельсовета, умер 28 января 1984 г. в Минске. Автор известной трилогии «На парозе будучыні» (1964), «Гарадок Устронь» (1970), «Шэметы» (1981). Писал на белорусском языке.

Дорогой Михаил Александрович!

И непростительно виноват перед Вами за преступную медлительность с ответом. Не казните меня, я исправлюсь. Все объясняется моей болезнью и соответствующим ей настроением. Я очень благодарен за Вашу заботу. Мёд прекрасный. Я прикладывался к нему каждый день и каждый день вспоминаю Вас. Если Вам не будет весьма обременительным, то позаботьтесь еще об одном количестве. Как только я получу от Вас уведомление, приеду забрать или пришлю кого-либо.

Как Ваша книга? Работаете ли? Есть ли написанные страницы? Пишите, я Вам помогу. Не пугайтесь трудностей, они будут. Материал Ваш добротный будет читаться. Дерзайте!

Привет семье!

С лучшими пожеланиями Ваш Микола Лобан.

15 июня 1982

Минск.

Письмо Миколы Лобана, адресованное М.А.Никольскому

Работая над своими воспоминаниями, Михаил Александрович не раз советовался с Николаем Павловичем Лобаном и неизменно находил понимание и поддержку. В семейном архиве хранится письмо Николая Павловича, в котором он интересуется, как идёт работа над книгой.

Второй мировой войны. Один из самых универсальных самолётов войны: использовался как бомбардировщик, скоростной бомбардировщик, разведчик, торпедоносец, ночной истребитель и как часть летающей бомбы в проекте Mistel. Название свое получил по фамилии немецкого авиаконструктора и промышленника Гуго Юнкерса (1859—1935), который создал авиастроительную фирму «Юнкерс», выпускавшую одноименные самолеты.

28. Политехнизация — ознакомление учащихся школ в теории и на практике с основными отраслями производства. XIV Всероссийский съезд Советов (1929) обязал Наркомпрос принять меры, обеспечивающие практическое внедрение в школу трудового политехнического образования. При школах стали создаваться мастерские по труду (столярные, слесарные, токарные), школьные производственные музеи. Учащихся вооружали элементарными производственно-трудовыми навыками, умением пользоваться простейшими инструментами труда, знакомили с трактором, автомобилем, электромотором, устраивали экскурсии учащихся на производство. На совещаниях, проведенных в различных местах по вопросу о типе средней школы, рабочие настойчиво требовали введения политехнического образования и трудовой подготовки учащихся. Растущий интерес к вопросам политехнического образования побудил поставить проблему политехнизма в полном объеме. В августе 1930 года в Москве состоялся первый Всероссийский политехнический съезд. Открывая съезд, Н. К. Крупская говорила, что жизнь повелительно требует перейти от пропаганды политехнизма к непосредственному осуществлению его на деле. Она подчеркнула, что политехническая подготовка подрастающих поколений обеспечит более успешное преодоление трудностей, связанных с технической реконструкцией промышленности и земледелия. Съезд вынес решение о прикреплении всех школ в городах и в промышленных районах к предприятиям, а сельских — к колхозам, совхозам и МТС; об организации для начальных классов школы рабочих комнат, а для пятых — седьмых групп-мастерских и лабораторий, связанных с производственным окружением, что имело в тот период важное значение для развития ФЗС и ШКМ, главной задачей которых была подготовка контингентов для ФЗУ и техникумов. В это время в школе применялись разнообразные методы, активизирующие деятельность учащихся и помогающие им более сознательно относиться к окружающей действительности. В школах проводилось много экскурсий для непосредственного

наблюдения и познания явлений окружающей природы, хозяйственных и общественных отношений. В результате экскурсии и занятия вне школы, а не уроки стали основными формами учебной работы. Силами учащихся создавались наглядные пособия по естествознанию, самодельные приборы для проведения опытов и лабораторных занятий. Организовывались уголки живой природы и проводились опытные посевы цветов и хлебных культур. При изучении обществоведения школы пользовались графическим методом обучения — составление всевозможных кривых, схем, диаграмм, таблиц и пр. Широко применялись в обучении всякого рода иллюстрации, большое место занимали они даже на уроках математики и родного языка. Однако в проведении политехнического обучения в школах имелись серьезные ошибки. Попытки сделать стержнем учебных занятий изучение ближайшего производства и местного края приводили к нарушению процесса обучения и содержания учебных предметов, отрывали политехнизацию школы от изучения основ наук. В результате в конце 30-х годов труд изымается из учебного плана и программ, а школьные мастерские ликвидируются. (Источник: Н.А.Константинов, Е.Н.Медынский, М.Ф.Шабаева, «История педагогики» «Просвещение», Москва, 1982 г.).

29. РОНО (то же, что районо) — районный отдел народного образования.

30. Райком комсомола — районный комитет комсомола. Комсомол — молодёжная организация Коммунистической партии Советского Союза, сокращенное общеупотребительное название Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи (ВЛКСМ). Организация была общественной и имела иерархическую структуру в соответствии с административно-территориальным делением: всесоюзная организация — республиканская — областная — районная — первичная (организация школы, предприятия и т.п.). Высшим органом управления районными организациями были районные конференции (до 1930 года — окружные конференции, до 1928 года — уездные конференции), избиравшиеся общими собраниями первичных организаций. На районных конференциях избирались районные комитеты (до 1930 года — окружные комитеты, до 1928 года — уездные комитеты), которые осуществляли управление комсомольской работой между конференциями.

31. Пионерский лагерь — воспитательно-оздоровительное учреждение, использовавшееся в СССР, предназначенное для пионеров Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и школьников (от 7 до 15 лет) и организовывавшееся на время школьных каникул профсоюзными, комсомольскими, хозяйственными организациями, колхозами, совхозами, органами народного образования, органами здравоохранения, а также комитетами по физической культуре и спорту.

В пионерских лагерях дети организовывались во временные пионерские дружины и отряды, работали различные детские самодеятельные коллективы по интересам, проводилась военно-спортивная игра «Зарница». Некоторые пионерлагеря принимали детей круглогодично. Вожатые лагерей формировались из членов комсомола ВЛКСМ. (По материалам Википедии)

32. Юный авиамоделист — участник детского авиамодельного кружка. В довоенные годы авиамоделирование было одним из самых серьезных увлечений пионеров и школьников, которых активно вовлекали в техническое творчество. В 1923 при Обществе друзей Воздушного флота (ОДВФ) была создана секция юных друзей Воздушного флота, положившая начало массовому развитию детского авиамоделизма. В 1924 в Москве впервые проводились соревнования авиамоделистов-школьников. В 1926 в Москве открылась первая детская техническая станция — ДТС (ныне Центральная станция юных техников РСФСР) — специализированный инструктивно-методический и консультационный центр технического Детского творчества. В конце 20-х и в 30-х гг. ДТС были организованы во многих городах страны, участником одного из таких кружков был и Леонид Манкевич, ставший впоследствии авиаконструктором.

33. Заготовитель кооперации райсоюза — сотрудник районного союза потребительской кооперации, занимавшийся закупкой продовольствия у населения. В период разрухи в первое послереволюционное десятилетие Советское правительство не имело собственного аппарата для контроля над производством и распределением продуктов, поэтому воспользовалось существовавшей системой потребительской кооперации, объединявшей производителей продуктов питания, промысловиков, работников сельского хозяйства. Через кооперацию осуществлялось нормированное снабжение населения городов на основе карточной системы, поскольку частная торговля в этот период была ликвидирована. На IX съезде

партии был одобрен декрет СНК от 27 января 1920 г. «О слиянии сельскохозяйственной и промысловой кооперации с потребительской кооперацией». В Беларуси были объединены все виды кооперативов и образованы губернские (областные) союзы. На базе Центрального союза потребительских обществ Белоруссии был образован Центробелсоюз. В это время в его состав входило 311 сельских потребительских обществ, 3 союза рабочих кооперативов и 3 центральных рабочих кооператива. Общая численность пайщиков составляла около 1,7 млн. человек. В 1930-е годы деятельности потребительской кооперации сосредоточилась в основном на обслуживании сельского населения. В 1935 г. правительство акцентировало внимание на усиление заготовительной работы потребительской кооперации. Возросла роль потребительских обществ в заготовительной деятельности. (Источник: Грищенко Г.З и др. Потребительская кооперация БССР. — МН.:, 1989. — 144 с.).

34. Масленка — так называли сыворотку или пахту. Это продукт, получаемый при изготовлении сливочного масла из коровьего молока. По консистенции напоминает сметану, имеет освежающий и кисловатый вкус.

35. Пуд — устаревшая единица измерения массы русской системы мер. С 1899 года, в соответствии с «Положением о мерах и весах 1899 года», один пуд был приравнен к 16,3804964 кг., в «Сравнительных таблицах» 1902 года значение указывалось как 16,380496 кг.

36. «В этой деревне красноармейцами Чонгарской дивизии был создан колхоз имени Белорусского Военного Округа, прославленный знаменитым белорусским поэтом Янкой Купалой в поэме «Над рекой Орессой». — Сельскохозяйственная артель (колхоз) имени Белорусского военного округа (колхоз им. БВО) была создана в д. Заболотье Нежинского сельсовета Любанского района Минской области в 1920 году демобилизованными красноармейцами знаменитой 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии. Главным идеологом создания коммуны был 24-летний политрук Эммануил Модин, который сагитировал демобилизующихся красноармейцев попытать счастье на этой богом проклятой земле, мало пригодной для земледелия. Идею поддерживали не только его сослуживцы, но и командование Белорусского военного округа, которое было заинтересовано в создании вдоль западной границы СССР красноармейских коммун. «В апреле 1929 года политрук вместе с шестью

красноармейцами на четырех подводах отправились покорять полесские болота. Всю весну и лето работали, не покладая рук. Рубили лес для изб, копали каналы. Вскоре на полесские болота приехали еще несколько сотен человек. Мелиорацией руководил опытный инженер Владимир Гневко. Работа пошла быстрее. За полгода коммунары осушили 40 гектаров болот, построили баню, столовую и несколько домов». (<https://news.tut.by/society/121114.html?crnd=50234>) Первую зиму провели впроголодь — урожай был невысоким, несмотря на активные мелиоративные работы. Однако второй урожай оказался богатым, излишки сдали государству. Успехи коммуны привлекли внимание партийного руководства страны и зарубежных товарищей. По программе «Красного Креста коммуна получила сельхозтехнику из Германии — плуги, трактора и даже железную дорогу. Урожаи с каждым годом росли — на торфяных почвах успешно выращивали коноплю, из которой изготавливали веревки, и коксогыз — растение, похожее на одуванчик, которые использовали для производства заменителя каучука. Со временем коммунары построили даже свой кирпичный завод, чтобы обеспечить материалы для растущего строительства. Янка Купала посетил коммуны в 1933 году, после чего написал поэму «Над рекой Орессой», воспев в ней трудовой подвиг коммунаров:

Ширится работа —
Стройка, корчеванье,
Роют, пилят, рубят,
Воздвигают зданья.

Вот готовы ясли,
Школа вырастает.
Яркий свет динамо
Ночью зажигает.

Тучный скот в коммуне
Табунами ходит.
Буйно расцветают
Гряды в огороде.

А с пригорка глянешь —
Не окинуть оком:
Протянулось поле
Далеко-далеко.

Над рекой Орессой
Трактор громыхает,

Торфянище плугом
Пашет, поднимает.

Коноплю, пшеницу,
И овес, и жито
Коммунары в поле
Сеют деловито.

И растут посевы
Небывалым ростом.
Поглядишь, согласишься
Будто все так просто;

Будто здесь и раньше
Все так расцветало,
Будто и болота
Вовсе не бывало.

Так сдается... Только —
Создали все руки.
Их навек запомнят
Сыновья и внуки.

И всему, что было
На болотах этих,
Этот стих свидетель,
И весна — свидетель.

Сделана работа
Хорошо и чисто!
Тысяча гектаров
Да вдобавок триста!

*

Был я на усадьбе
И ходил по полю,
На житье коммуны
Насмотрелся вволю.

И не раз я видел
Чудо здесь такое:
Будто вся работа
Шла сама собою.

Каждый свое дело
Делал со старанием,
Тут ни принужденья,
Тут ни понуканья.

Все равны в коммуне,
Всем дается право —
Жить, расти, работать
С честью и со славой.

Я еще такое
Видел не однажды,
Что для чужеземца —
Словно сон миражный.

И про то скажу я
Перед целым светом:
Здесь людей печальных
И в помине нету.

(Фрагмент поэмы Янка Купалы «Над рекой Орессой»)

37. Узкоколейка — железная дорога с шириной колеи менее стандартной, обычно узкоколейками принято называть железные дороги с шириной колеи 600—1200 мм.

Паровоз-кукушка — короткий, от одного до нескольких вагонов, пассажирский или товарно-пассажирский (грузопассажирский) поезд местного сообщения, также «кукушками» называли все паровозы узкоколейных железных дорог. Название произошло, скорее всего, из-за схожести звучания паровоза или местного поезда со звуками, издаваемыми кукующей птицей. Узкоколейные паровозы обладали слабым свистком, и подаваемые ими сигналы больше походили на «кукование», нежели на стандартное паровозное «ту-ту». Кроме того, узкоколейные паровозы имели буквенный индекс «К» — Кч4, Кп4, Кв4, Кф4, паровозы серии 157, например К-157-76.

Узкоколейка в Сосны-Коммуна-Нежин была построена усилиями местных жителей и благодаря этому стала известной.

Из воспоминаний председателя Модина:

«До зимы в Ленинградский порт на адрес нашей коммуны прибыл узкоколейный паровоз с платформами и необходимым оборудованием для 24-километровой узкоколейной железной дороги. Приглашённый инженер-железнодорожник сказал:

— Для вашей дороги и насыпи не потребуется. Укладывают рельсы прямо на грунт.

До весны узкоколейная железная дорога протяжённостью 9 километров была построена. Вся коммуна горячо и искренне поздравляла дорожную бригаду, в которую входили только женщины.

Предельная скорость на железной дороге была 15 километров в час, но наша «кукушка» летала по рельсам со скоростью и 25 километров. Далеко над просторами болот и лесов разносилось это её гудков. Узкоколейка коренным образом изменила всю жизнь коммуны...» (Цитируется по: <https://tomkad.livejournal.com/123840.html>)

Не обошёл вниманием строительство дороги и Янка Купала в своей поэме «Над рекой Орессой». Благодаря поэту мы можем узнать, как строилась знаменитая узкоколейка на болотах:

До совхоза «Сосны»
Прямо из коммуны
Протянулись рельсы
Ровные, как струны.

Дружно коммунары
Их зимою клали;
Шла узкоколейка,
Уходила в дали.

Нелегко им было
Строить без прораба,
Сами это дело
Знали они слабо.

Было лишь понятно,
что построить надо,
Что нужна дорога,
Как весна для сада.

Много было споров
О дороге этой,
Да к тому ж из Минска
Нет и нет ответа.

Вечером, бывало,
Соберутся люди —
Говорят и спорят,
Так и этак судят.

Вызвать инженера
Будет трудновато:
Средствами коммуна
Не так уж богата.

А самим за дело
Боязно им взяться:
Можно провалиться,
Можно просчитаться;

Зря растратить деньги,
Труд затратить даром...
Что же остается
Делать коммунарам?

Судят, рассуждают
Люди, брови хмуря,
Разговор то стихнет,
То шумит, как буря.

Только вдруг сорвался
С места Одериха:
«Сами все построим,
Что еще за лихо!

Был я на заводе
Мастером умелым:
Склепывал рессоры,
Шестеренки делал.

Сладим и чугунку —
Будьте уж спокойны!
Сделаем отлично,
Сделаем достойно...»

Под его командой
Началась работа.
Протянулась насыпь
Через все болото.

Протянулись рельсы,
Как на скрипке струны,
Новую дорогу
Принимай, коммуна!

И действительно, коммунары строили дорогу без грамотных специалистов, без чертежей, до всего доходили сами, своим умом, все расчёты делал местный умелец Прокоп Одериха. Под его руководством прокладкой железной дороги занималась специально созданная женская бригада. Весной 1932 года дорога была введена в эксплуатацию. Во время «рельсовой войны» узкоколейка сильно пострадала. После освобождения Белоруссии было принято решение не восстанавливать её и она была демонтирована.

38. «Полуторка» или ГАЗ-АА — грузовой автомобиль Нижегородского (в 1932 году), позже Горьковского автозавода, грузоподъёмностью 1,5 т (1500 кг). Образцом послужил американский грузовик Форд модели АА образца 1930 года, но впоследствии спроектирован по отечественным чертежам.

«Трехтонка» или ЗИС-5, в народе их ещё уважительно называли Захар Иванович — советский грузовик грузоподъёмностью 3 тонны; второй по массовости грузовик 1930-1940-х годов (первое место занимал ГАЗ-АА). Производился на Автомобильном заводе имени Сталина с 1933 по 1948 год.

39. Планер — безмоторный летательный аппарат тяжелее воздуха, поддерживаемый в полёте за счёт аэродинамической подъёмной силы, создаваемой на крыле набегающим потоком воздуха. Для доставки планёра к точке начала свободного полёта используется либо летательный аппарат другого типа (как правило — самолёт) или специальная наземная планёрная лебёдка. Также существуют планёры, оснащённые двигателем, позволяющим произвести взлёт, после чего он убирается. В начале XX века использовались такие методы, как резиновый жгут, натягиваемый группой людей, а также старт со склона горы — именно этот способ запуска планера довелось наблюдать автору.

40. Радько Степан Яковлевич — родился в д. Бояново Глуцкого района. Закончил 4 класса начальной школы. До 1928 г. работал в хозяйстве отца. В 1929 г. избран секретарем Клетнянского сельсовета Глуцкого р-на. В 1931 г. переведен на должность заведующего общим отделом Любанского райисполкома, а затем призван на действительную службу в Красную Армию. В 1932 г. Радько С. Я. подал заявление в Луганскую летную школу, в 1933 г. после успешной сдачи экзаменов был зачислен курсантом этой школы. Однако

медицинская комиссия вскоре признала его негодным для службы в авиации, и Радько С. Я. вернулся в свою часть в г. Слуцк. Служил до 1934 г. Из армии, экстерном сдал экзамены за курс средней школы, Радько С. Я. был зачислен слушателем двухгодичных партийных курсов. После окончания курсов его направили на работу в Глусский райком КП (б) Б. В 1936 г. Радько С. Я. стал работать директором Загальской семилетней школы, поступил на исторический факультет заочного отделения Минского педагогического института. В 1937—1938 гг. он работал директором Любанской белорусской школы, а в 1938 г. его перевели директором Шацкой средней школы. 11 сентября 1939 г. Радько С. Я. мобилизован в Красную Армию, где ему было присвоено звание мл. лейтенанта. В составе действующей армии он принимал участие в освободительном походе в Западную Беларусь. 4 марта 1941 г. он был демобилизован и возвратился на работу в Шацкую СШ. Здесь его застала война. 23 июня 1941 г. Радько С. Я. прибыл по мобилизационному листку на сборный пункт в Старые Дороги, где был назначен командиром взвода 32-го автомобильного полка. В составе полка принимал участие в оборонительных боях под Рогачевом на Днестре, а затем в обороне Москвы. После Московской битвы ему было присвоено звание лейтенанта. В конце июля 1942 г. 5-й автомобильный полк, в котором служил Радько С. Я., был переброшен под Сталинград. За бои под Сталинградом Радько С. Я. награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Сталинграда». Великую Отечественную войну он закончил в составе I Украинского фронта под Берлином. Демобилизован в мае 1946 года. После демобилизации Радько С. Я. в 1946 г. назначен на должность директора Любанской белорусской средней школы. До 1955 г. он работал в этой должности, а затем был назначен заведующим районным отделом образования. В 1962 г. был переведен на должность завуча Любанской СШ №2, где он работал до ухода на пенсию. За свою трудовую деятельность награжден орденом Знак Почета. (Источник: http://lyban2009.narod.ru/Navuchanne/Navuchanne_0_2_4.htm).

41. Гребля — (здесь) насыпь на болоте, используемая для переправы.

42. УЧКОМ — сокращение слов: ученический комитет (ученическая общественная организация). Учком — это исполнительный орган ученического самоуправления в школе, который должен содействовать становлению сплочённого ученического коллектива, формирования у всех учащихся

сознательного и ответственного отношения к своим правам и обязанностям. В учком избирались наиболее активные, успевающие, дисциплинированные учащиеся.

43. Школа-семилетка — тип учебного заведения (неполная средняя общеобразовательная школа) с продолжительностью обучения, равной 7 учебным годам, существовавший в СССР в 1920—50-е гг. Возникла в 1921. В 1920-е годы часть городских семилетних школ именовалась фабрично-заводскими семилетками (ФЗС), сельские же семилетние школы — школами крестьянской молодёжи, затем школами колхозной молодёжи (ШКМ). В 1934 году в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР «О структуре начальной и средней школы в СССР» были учреждены 3 типа общеобразовательной школы: начальная (1—4-й классы), неполная средняя (1—7-й классы) и средняя (1—10-й классы). Окончившие семилетнюю школу могли продолжать образование в средней общеобразовательной школе, средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях. С введением в 1958 году всеобщего обязательного 8-летнего образования семилетние школы были преобразованы в восьмилетние. Восьмилетки стали органической частью средней общеобразовательной школы, и впоследствии преобразовывались в школы-десятилетки с полной программой среднего образования. (Источник: https://kommynist.ru/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0_%D0%B2_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0)

44. Сетка-«топтуха» — рыболовная снасть, предназначена для летней ловли рыбы, которая прячется от жары в тени прибрежной растительности. «Топтухой» ловили рыбу обычно небольшой группой в 3—5 человек — несколько человек брели по мелководью, растянув сеть, а остальные шумели, загоняя рыбу в сети.

45. Щербаченя Николай Титович (1914—1995гг). Родился 2 февраля 1914 года в деревне Озномль Любаньского района Минской области в семье крестьянина. В 1934 году окончил Слуцкий педагогический техникум, работал учителем белорусского языка. С 1939 года призван в ряды Советской Армии в танковые войска. В годы войны воевал на фронтах в звании старшего лейтенанта танкового полка. После войны поступил в Гродненский пединститут, долгое время работал на партийной

работе. В 1961 году был назначен уполномоченным Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Гродненской области. В декабре 1964 года возглавил новое учебное заведение «Гродненское городское профессионально-техническое училище №49 химиков». В 1969 году переведен на должность заместителя директора по общеобразовательным предметам вышеназванного училища. В 1979 году ушёл на заслуженный отдых. Награждён орденами и медалями.

46. «...железные ручки трубочкой...» — найти образцы таких ручек нам не удалось, как и информацию о них. Возможно, эти ручки делались местными умельцами.

47. Алексáндр Григорьевич Червяко́в (белор. Аляксандр Рыгора́віч Чарвякоў, 25 февраля (8 марта) 1892 — 16 июня 1937) — белорусский советский партийный и государственный деятель. Окончил Виленский учительский институт (1915) и Александровское военное училище (1916). Служил в русской армии (1915—1917). Вступил в ряды РКП (б) в мае 1917 года и принимал активное участие в большевистском восстании в Петрограде, а позднее стал одним из основателей и руководителей Белорусской социал-демократической рабочей партии. 13 февраля 1918 года был назначен комиссаром по белорусским делам (Белнацком) при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. 1 января 1919 года Червяков вместе с другими членами Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии подписал Манифест о провозглашении Белорусской ССР. Во время недолгого существования Советской власти в Белоруссии в 1919 году занимал должность наркома просвещения Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (январь 1919 — 31 июля 1920). С восстановлением советской власти в Белоруссии в 1920 году Червяков был назначен председателем Минского губревкома, а затем Всебелорусского ревкома. Исполняющий обязанности Председателя ЦИК Белорусской ССР (1 августа 1920 — 18 декабря 1920), Председатель ЦИК Белорусской ССР (18 декабря 1920 — 16 июня 1937), Председатель СНК Белорусской ССР (18 декабря 1920 — 17 марта 1924), народный комиссар по иностранным делам Белорусской ССР (1921 — июль 1923). 30 декабря 1922 года I сессия ЦИК СССР избрала Червякова, а также М. И. Калинина, Г. И. Петровского и Н. Нариманова сопредседателями ЦИК СССР. Член Центрального бюро ЦК КП (б) Белоруссии (25 ноября 1920 — 10 февраля 1924),

Временного Белорусского бюро ЦК РКП (б) (4 февраля 1924 — 14 мая 1924), ЦК КП (б) Белоруссии (14 мая 1924 — 16 июня 1937), Бюро ЦК КП (б) Белоруссии (29 ноября 1927 — 16 июня 1937). На XVI съезде КП (б) Белоруссии (июнь 1937) был подвергнут резкой критике за недостаточную работу по уничтожению «врагов народа». По официальной версии покончил жизнь самоубийством «на личной семейной почве». (По данным Википедии).

48. Куркевич Станислав Иванович — Родился в 1895 г., д. Стриги Варшавской губ. (Польша); поляк; образование начальное; директор, Любанская МТС. Проживал: Минская обл., Любанский р-н, г. п. Любань. Арестован 26 июля 1937 г. Приговорен: Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР 29 октября 1937 г., обв.: 71, 76 УК БССР — участник «ПОВ». Приговор: ВМН Расстрелян 5 октября 1937 г. Место захоронения — Минск. Реабилитирован 29 мая 1959 г. Суд. кол. по угол. делам Верх. суда БССР. (Источник: Белорусский «Мемориал»)

Станислав Куркевич, 1935 год

49. Куркевич Болеслав Станиславович — в первые дни войны

вместе с Владимиром Луковским организовали группу патриотически настроенных ребят.

«Было солнечное воскресное утро. Только людей это не радовало, уже было известно, что началась война. Во второй половине дня 22 июня в Доме культуры началось собрание жителей района. Ученикам старших классов поручили следить за обстановкой, за подозрительными посторонними людьми, за небом.

После собрания на площади состоялся митинг. Военком объявил о всеобщей мобилизации. Многие жители Любани стали записываться добровольцами в Красную армию. Из тех, кто по возрасту не подходил для мобилизации и из молодёжи допризывного возраста сформировали истребительный отряд.

Многие школьники старших классов стали его бойцами, в том числе Владимир Луковский, Болеслав Куркевич, Андрей Ременчик, Владимир Низки и многие другие. На базе истребительного отряда в г. Любани была создана подпольная организация. В её состав входили Володя Луковский и Болеслав Куркевич — руководители организации, Володя и Константин Ременчики, Яков и Валентина Шаплыко и другие. Они поддерживали связь с командованием партизанского отряда М. М. Розова, передавали сведения о численности немецкого гарнизона в Любани, добывали пропуска. Владимир Ременчик по приказу командования партизанского отряда вступил в полицию, что помогало подпольщикам в выполнении многих боевых задач. Члены подпольной организации оказывали помощь раненым красноармейцам и командирам Красной Армии. Активную помощь подпольщики оказывали в подготовке операции по разгрому немецко-полицейского гарнизона в Любани в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года.

Болеслав Куркевич и Владимир Луковский, г. Любань, 1940 год

Весной 1942 года руководители подпольной организации в Любани Владимир Луковский и Болеслав Куркевич были арестованы и после жестоких пыток расстреляны. Многие подпольщики влились в ряды партизанских отрядов». (Источник: «Книга памяти Любанского района»)

50. Остракизм — (от греч. ostrakismos — практикуемое государственной властью изгнание из страны (в крайнем случае — физическое уничтожение) выдающихся людей, подрывающих своей популярностью, талантом, богатством, влиянием и т. п. могущество существующего государственного строя. Остракизмом в более широком смысле называют микрополитическую практику изгнания популярных людей из разного рода коллективов, т.е. при выяснении властных вопросов внутри отдельных партий, общественных организаций, производственных коллективов и пр. Впервые остракизм был введён в Древних Афинах, где изгнание выдающихся общественных деятелей осуществлялось по решению народного собрания. При этом каждый участник собрания писал на глиняном черепке (ostrakon — греч.) имя того, кто, по его мнению, опасен для народа. Теоретическое обоснование

остракизма дал великий древнегреческий философ Аристотель. Исторически остракизм встречался во всех формах государственного правления, вплоть до современных авторитарных режимов (например, изгнание А. И. Солженицына из Советского Союза). Демократические правовые государства осуждают практику остракизма, как противоречащую правам человека. (Политология. Словарь. — М: РГУ. В. Н. Коновалов. 2010.)

51. Майкл Сейрес и Альберт Кан «Тайная война против Советской России». — Москва: Иностранная литература, 1947г.

52. «Выдатна», «добра» — в советской школе отметки выставлялись не только цифрами: «пятёрка», «четвёрка» и т.д., но и расшифровывались словами «отлично», «хорошо» и т. д. Здесь указаны отметки на белорусском языке. Система отметок выглядела так:

- отлично (5) — выдатна
- добра (4) — хорошо
- удовлетворительно (3) — здавальняюча,
- неудовлетворительно (2) — нездавальняюча.

53. Вечёрки — так назывались вечерние посиделки, на которые собирались со всей деревни для совместных развлечений и общения. Девушки часто брали с собой рукоделие — вышивание, вязание или кудель для прядения.

54. Пряслица и пряжа — вещи, необходимые для рукоделия. Пряслищем часто называли самопрялку — ножную прялку, с помощью которой можно было прясть пряжу из льняной кудели. Пряжа — это спрядённая нить.

55. Шумовски (Шумовский) Станислав Францевич, 1912 года рождения. Во время ВОВ был редактором подпольной районной газеты «Сацыялістычная вёска», которая издавалась в партизанском соединении Глусского района.

56. Комсомол — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (ВЛКСМ), молодёжная организация Коммунистической партии СССР. Была создана 29 октября 1918 года.

57. «Комсомольская правда», «Сталинская молодежь» («Знамя юности») — официальные газеты комсомольской организации.

«Комсомольская правда» — советская ежедневная общественно-политическая газета, издаётся с 13 марта 1925 года как официальный печатный орган ВЛКСМ. Газета «Сталинская молодёжь» была основана в 1938 году как совместный печатный орган Центрального комитета и Минского областного комитета ЛКСМ Белоруссии. Первый номер вышел 10 апреля 1938 года. Учредителем газеты с 1956 года являлся ЦК ЛКСМ Беларуси. В июне 1956 года газета «Сталинская молодёжь» переименована в газету «Знамя юности».

58. Николай Островский «Как закалялась сталь» — автобиографический роман о молодом комсомольце Павке Корчагине, который оказывается в гуще гражданской войны и становится одним из активных участников борьбы за Советскую власть. Роман впервые увидел свет в 1934 году и быстро стал популярным у комсомольской молодёжи. Образ Павки Корчагина воспринимался как идеал комсомольца, борца за коммунистические идеи, строителя светлого будущего. «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить», — эта цитата из романа стала нравственным ориентиром для многих комсомольцев тех лет.

59. Купина — кочка на болоте, заросшая травой.

60. Новосибирский Институт Инженеров Железнодорожного Транспорта (НИИЖТ), основан в 1932 как Новосибирский путевый институт инженеров транспорта (НГИИТ), в 1934—1953 — Новосибирский институт военных инженеров транспорта (единственный в стране вуз, выпускавший специалистов такого профиля).

61. «Если в паспорте стояла виза (штамп №1), как у всех жителей приграничных районов республики, то пассажир продолжал путь дальше. Если же в паспорте такой постоянной визы не было, то пассажира высаживали на очередной станции и предлагали покинуть пограничный район».

17 июля 1935 года Советом Народных Комиссаров СССР было принято Постановление №1487 О ВЪЕЗДЕ И ПРОЖИВАНИИ В ПОГРАНИЧНЫХ ПОЛОСАХ, согласно которому «въезд в пределы

пограничной полосы и запретные пограничные зоны лицам, не проживающим в них постоянно, без разрешения органов Народного Комиссариата Внутренних Дел Союза ССР» был запрещён. При этом в паспортах жителей указанных районов, помимо стандартной информации о прописке, ставились специальные визы. В соответствии с п.13 Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 10 сентября 1940 года №1667 ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ О ПАСПОРТАХ специальные отметки ставились «органами РК Милиции на паспортах жителей запретных зон и пограничной полосы границ СССР. Отметки производятся специальными штампами, форма и размер которых устанавливаются Главным управлением РК Милиции НКВД СССР».

62. «...закомпостировать билеты» — компостировать билеты в то время приходилось всегда, если поездка до конечной точки была не прямой, а с пересадками. На станции, где производилась пересадка с одного поезда на другой, необходимо было пройти в кассу железнодорожного вокзала, в которую почти всегда стояла очередь таких же пассажиров. Кассиру предъявлялся полностью оплаченный билет до конечного пункта назначения. В кассе обычно стоял компостерный аппарат. Вложив билет в такой аппарат, кассир выбивал на нем дату отправления и номер поезда. Без компостерной отметки на билете попасть на поезд было невозможно. (Источник: Чарноцкая Л. П. «Железная дорога от А до Я». — М.: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА, 1990)

63. «...вспомним события на озере Хасан и на реке Халкин-Гол» — имеются в виду военные действия Японии против СССР в 1938—1939 гг. «Летом 1938 г. Япония вторглась на советскую территорию в районе озера Хасан на стыке границ СССР, Китая (Манчжоу-го) и Кореи с целью захвата стратегически важного района (гряда холмов к западу от озера, включая сопки Безымянная и Заозерная) и создания непосредственной угрозы Владивостоку и Приморью в целом. Этому предшествовала развернутая Японией пропагандистская кампания по вопросу о так называемых «спорных территориях» на советско-маньчжурской границе в Приморье (линия прохождения которой была четко определена в Хунчунском протоколе 1886 г. и ни разу не ставилась под сомнение китайской стороной — ред.), которая завершилась предъявлением Советскому Союзу в июле 1938 г. категорического требования о выводе советских войск и передаче Японии всех территорий к западу от Хасана под предлогом

необходимости выполнения «японских обязательств» перед Манчжоу-го.

Бои, в которых с японской стороны были задействованы 19-я и 20-я дивизии, пехотная бригада, три пулеметных батальона, кавалерийская бригада, отдельные танковые части и до 70 самолетов, продолжались с 29 июня по 11 августа 1938 г., и закончились разгромом японской группировки.

В мае 1939 г., также под предлогом «нерешенного территориального спора» между Монголией и Маньчжурией, японские войска вторглись на монгольскую территорию в районе реки Халхин-Гол (Номонган). Целью нападения Японии на этот раз была попытка установить военный контроль над регионом, граничащим с Забайкальем, что представляло бы непосредственную угрозу Транссибирской железнодорожной магистрали — главной транспортной артерии, соединяющей европейскую и дальневосточную часть страны, которая в этом районе идет почти параллельно северной границе Монголии и в непосредственной близости от нее. В соответствии с заключенным в 1936 г. между СССР и МНР Соглашением о взаимопомощи, в отражении японской агрессии вместе с монгольскими принимали участие советские войска.

Военные действия в районе Халхин-Гола продолжались с мая по сентябрь 1939 г. и по своему масштабу значительно превосходили события у Хасана. Они также закончились поражением Японии, потери которой составили: около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, 660 уничтоженных самолетов, 200 захваченных орудий, около 400 пулеметов и более 100 автомашин (потери советско-монгольской стороны составили более 9 тыс. человек).

В Приговоре Токийского международного военного трибунала для Дальнего Востока от 4—12 ноября 1948 г. действия Японии в 1938—39 гг. у Хасана и Халхин-Гола были квалифицированы как «проводившаяся японцами агрессивная война». (Новиков М. В. Победа на Халкин-Голе. — М, Политиздат, 1971).

64. Санпропускник (санитарный пропускник) — специально оборудованное или приспособленное помещение, предназначенное для санитарной обработки людей с одновременной дезинфекцией и дезинсекцией одежды и обуви.

65. Политехнический институт — имеется в виду Белорусский Государственный Политехнический Институт, который был основан 10 декабря 1920 года на базе Минского

политехническое училища (техникума). Целью БГПИ стала подготовка инженеров с высшим образованием по главным направлениям производственной деятельности государства. «Набор студентов осуществляли пять факультетов: механический, инженерно-строительный, культурно-технический, химико-технологический, электротехнический. Первым ректором был назначен Никанор Казимирович Ярошевич. Преподавательский состав насчитывал около 50 человек. В первом учебном году в институте обучались 305 студентов и 119 слушателей подготовительного отделения. В дальнейшем, после ряда реорганизаций 1 июля 1933 года СовНарком БССР принимает решение о восстановлении политехнического института, в котором в сентябре 1933 году работали уже 120 преподавателей и действовало 20 кафедр, а также обучалось около 1200 студентов. В начале 40-х годов институт стал одним из ведущих технических вузов СССР. На 32 кафедрах четырех факультетов велась подготовка инженеров по семи специальностям. Количество преподавателей увеличилось до 180, включая 19 профессоров и 71 доцента. За 1933—1941 гг. было подготовлено около 2000 инженеров. После провозглашения суверинитета Республики Беларусь, в 1991 году — Белорусский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт преобразован в Белорусскую государственную политехническую академию (БГПА) (постановление Совета Министров Белорусской ССР от 17 апреля 1991 г. №149). (Информация с сайта Белорусского национального технического университета — <http://www.bntu.by/history.html>)

66. «М-1», «эмка» — советский автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1942 год. Это легковой автомобиль, прототипом которого был Ford Model B 40A Fordor Sedan модели 1934 года.

67. «...после сентября 1939 года вместе с территорией Западной Белоруссии было присоединено к СССР». — В советских исторических источниках присоединение территорий Западной Белоруссии и Западной Украины декларировалось как «воссоединение белорусского и украинского народов» и «освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии». «1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу и в короткий срок разгромила её. Над Западной Украиной и Западной Белоруссией нависла угроза фашистского порабощения. В сложившейся обстановке Советский Союз не мог оставаться равнодушным к судьбе братских народов. 17 сентября

1939 года Красная Армия перешла советско-польскую границу. Известие об этом вызвало прилив революционной энергии масс. (История СССР с древнейших времён до наших дней. Серия вторая. Том IX. Построение социализма в СССР. 1933—1941гг. — М.: «Наука», 1971. — С.448.) Фактически присоединение этих территорий стало прямым следствием подписания в 1939 году так называемого «пакта Молотова-Риббентроппа» — Договора о ненападении между СССР и Германией, заключённого 23 августа 1939 года. Дополнительно к этому договору был подписан секретный протокол «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», в котором оговаривались возможные «границы сфер интересов СССР и Германии» «в случае территориально-политического переустройства» ряда государств Восточной Европы. В августе был подписан пакт и дополнительный протокол к нему, и уже в сентябре началась оккупация Польши фашистскими войсками и встречный захват территорий Советским Союзом.

68. «...с нового 1941 года каждый должен будет платить за учёбу 400 рублей в год» — на самом деле платное образование было частично введено в 1940 году. 26 октября 1940 года Советом Народных Комиссаров СССР было принято Постановление №638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий», согласно которому были установлены «следующие размеры платы за обучение в высших учебных заведениях СССР:

а) в высших учебных заведениях, находящихся в городах Москве, Ленинграде и столицах союзных республик — 400 рублей в год;

б) в высших учебных заведениях, находящихся в других городах — 300 рублей в год;

в) в высших учебных заведениях художественных, театральных и музыкальных — 500 рублей в год». (<http://istmat.info/node/18266>) При этом обосновывая необходимость «возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся» Совет Народных Комиссаров СССР ссылаясь на «возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений».

69. «...участия в декабре 1940 года в лыжных соревнованиях

студентов...» — возможно, имеется в виду марафонская гонка на дистанцию 60 км., которая проходила в декабре 1940 года вдоль Московского шоссе. (Триченков В. А., Манкевич О. А. Лыжный спорт в Республике Беларусь: учебно-методические материалы. — Электр. данные. — Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. — С.11.). А возможно, что речь идёт о других соревнованиях. Так, в юбилейном издании БНТУ приводятся следующие факты: «Проводились военизированные массовые пешие, лыжные походы, кроссы. 22 декабря 1940 года в республиканском военизированном походе в противогазах на 15 км. для мужчин и на 7 км. для женщин приняли участие 2 команды БПИ, в кроссе в феврале 1941 г., посвящённом XXIII годовщине Красной Армии, участвовало 810 студентов БПИ» (История Белорусского Национального Технического Университета. 1920—2010 гг. — Минск: БНТУ, 2010. — С.37)

70. «...специальные поезда, на которых Молотов ездил в Берлин, а Риббентроп приезжал в Москву». — Поездка Вячеслава Михайловича Молотова, Председателя Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народного комиссара, министра иностранных дел СССР, в Берлин состоялась в ноябре 1940 года «10 ноября в 18 часов 50 минут специальный поезд Молотова покинул Белорусский вокзал Москвы. С ним ехала представительная делегация: нарком черной металлургии И. Т. Тевосян, пять замнаркомов — В. Г. Деканозов, В. Н. Меркулов, А. Д. Крутиков, В. П. Баландин, В. С. Яковлев, ряд заведующих отделами Народного комиссариата иностранных дел — всего 65 человек. Вместе с Молотовым в поезде ехали посол Шуленбург, его советник Герхард фон Вальтер и руководитель немецкой экономической делегации Карл Шнурре. Поезд пересек границу вечером 11 ноября, прибыл в Берлин в 11 утра 12 ноября. ... Утром 14 ноября Молотов покинул Берлин, поезд пересек границу поздно вечером и вечером 15 ноября вернулся в Москву». (Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: Вече, 2000). В ходе этого визита решался вопрос о присоединении СССР к Тройственному Союзу — международному договору (пакту), заключённому 27 сентября 1940 года между главными державами — участниками Антикоминтерновского пакта: Германией (Иоахим фон Риббентроп), Италией (Галеаццо Чиано) и Японией (Сабуро Курусу) сроком на 10 лет. Риббентроп в Москве был ранее — в августе 1939 года, он прилетал самолётом для заключения Договора о ненападении или «пакта Молотова-Риббентропа».

71. «... уже ранним утром над городом появились первые самолёты и сбросили бомбы на важнейшие объекты». Информация о первых бомбардировках Минска весьма противоречива. В некоторых источниках, так же как и в воспоминаниях моего деда, говорится о том, что первые бомбы были сброшены на Минск после полудня 22 июня 1941 года. (Источник: <https://www.kommersant.ru/projects/june22>) Однако эта информация не подтверждается историческими источниками. Ирина Воронкова, научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси пишет о том, что «во многих воспоминаниях можно встретить утверждение, что Минск подвергся бомбовому удару уже 22 июня. Это не соответствует действительности, людей просто подводит память. В течение первого дня войны немецкие самолеты несколько раз пытались прорваться к Минску, но были остановлены, на Минск не упала ни одна бомба. Поэтому обстановка в городе оставалась достаточно спокойной, многие еще не успели осознать серьезности случившегося и по инерции продолжали заниматься заранее запланированными делами». Она приводит данные о том, что первые бомбардировки действительно состоялись после 12:00, но 23 июня 1941 года, когда «бомбардировщики налетели на Товарную станцию и Лошицкий аэродром (нынешний аэропорт «Минск—1»)), а 24 июня прошла первая массированная бомбардировка, в результате которой был разрушен практически весь центр города: «В 8—40 прозвучал сигнал воздушной тревоги. В 9—40 началась первая массированная бомбардировка Минска, в которой участвовало 47 самолетов. Затем в течение дня город подвергся еще трем столь же мощным налетам. Этот ад продолжался до 21 часа. ... В одночасье был уничтожен весь центр города. Особенно пострадали улицы Советская (пр. Ф. Скорины), Володарского (Городской Вал), Урицкого, Комсомольская, Ленина, Красноармейская, Пролетарская, Коммунистическая (две последние располагались в районе нынешних Октябрьской площади-улицы Я. Купалы), Свердлова, Долгобродская и другие.

В первой половине дня вышли из строя электроснабжение и водопровод, прекратили работу хлебозаводы и магазины, предприятия и учреждения, городской транспорт. Со второй половины дня жизнь в Минске была парализована. Городские и добровольные пожарные отряды, санитарные дружины, группы самозащиты из последних сил пытались выполнить свой долг: вытаскивали из-под завалов раненых, пока была вода, боролись

с огнем». (Источник: Воронкова И. Ю. «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...»: Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны. — Минск: Беларуская навука, 2011. — 265 с.)

72. «...выступление Молотова» прозвучало по всесоюзному радио 22 июня 1941 года в 12:15. Трансляция велась с Центрального телеграфа в Москве. На следующий день текст выступления был опубликован во всех газетах. Приводим здесь полный текст выступления:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на Советский Союз, несмотря

на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчёт несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполняют долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твёрдую уверенность в том, что всё население нашей страны, все рабочие, крестьяне, интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочён и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки

Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» (Источник: «Известия» №147 (7523), 24 июня 1941 г.).

73. Зажигательные бомбы не обладали большой разрушительной силой, но становились причиной серьёзных пожаров. «Эти небольшие, но дьявольски коварные изделия хорошо помнит каждый, кому доводилось по ночам дежурить на крышах. Зажигательная бомба весила всего килограмм, их сбрасывали кассетами, сериями. Корпус из электрона (горючего легкоплавкого сплава алюминия с магнием), начинка из липкого состава, который немцы называли „доннерит-желатин“ — громовой студень. Пробивной силы „зажигалки“ вполне хватало, чтобы прошить железную крышу. Потом, на чердаке, срабатывал взрыватель — и „желатин“ вместе с плавящейся, тоже горячей оболочкой расплескивался кругом, прилипал к стропилам, зажигал их» (Источник: Эттингер И. Л. «Город не горит...» // Химия и жизнь. — 1984. — №1). Именно поэтому с первых дней бомбардировки городов организовывались дружины ПВО, в обязанности которых входило дежурство на крышах административных и производственных зданий, а также жилых домов. При попадании зажигательной бомбы на крышу следовало захватить её специальными щипцами и опустить в ведро с водой. При этом действовать надо было быстро и точно, поскольку горела бомба весьма интенсивно: «Время интенсивного горения бомбы 2, 5—3 минуты. Время полного сгорания 10—12 минут. Температура в очаге горения достигает 2500 °С, поэтому бомба легко проплавляет металлические поверхности» (<https://www.nakop.ru/topic/2886-instrukciya-po-obezvrezhivaniyu-i-unichtozheniyu-nerazorvavshihsy-nemeckih-aviacionnyh-bomb/>).

74. Станковый пулемёт «Максим» образца 1910/1930 года (Индекс ГАУ — 56-П-421) — станковый пулемёт, вариант британского пулемёта Максима, широко использовавшийся российской и советской армиями во время Первой мировой и Второй мировой войн. Пулемёт использовался для поражения открытых групповых целей и огневых средств противника на расстоянии до 1000 м. (Источник: <https://wartools.ru/pulemet/pulemyot-maksim-1910/>)

75. «...фильмы по романам К. Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются» — Художественный фильм «Живые

и мёртвые» снят режиссёром Александром Столпером в 1963 году, участие в написании сценария принимал и сам писатель Константин Симонов. Главные роли в фильме сыграли популярные тогда актёры Кирилл Лавров, Анатолий Папанов, Олег Ефремов, Михаил Ульянов, Олег Табаков, Евгений Самойлов, Борис Чирков. Фильм снят по первой части романа «Живые и мёртвые» и рассказывает о первых месяцах войны, которые мы видим глазами главного героя — журналиста Ивана Синцова, ставшего фронтовым корреспондентом. Фильм по мотивам второй части романа «Живые и мёртвые» — «Солдатами не рождаются» снят в 1967 году, а в 1969 году вышел на экраны под названием «Возмездие». В основе его сюжета — Сталинградская битва и судьбы защитников города. (по материалам сайта www.kinopoisk.ru)

76. «...под командованием младшего лейтенанта с одним кубиком в петлицах». — согласно приказу НКО СССР №226 от 26.07.40 г. младший лейтенант носил знаки различия в петлице «один квадрат» и на рукаве «один угольник из золотого галуна шириной 4 мм, сверху галуна просвет из красного сукна шириной 10 мм, внизу кант шириной 3 мм» (<https://formaozhda.ru/encyclopedia/znaki-razlichiya-i-petlicy-rkka-1924-1943-gg/>)

Знаки отличия младшего лейтенанта РККА в 1941 году

Петличные знаки различия

Нарукавная нашивка

77. 200 стрелковая дивизия (I формирование) — дивизия была сформирована в марте 1941 года в Киевском особом военном округе на базе бывшего Белоковоревичского училища и входила в состав 36-го стрелкового корпуса. 22 июня 1941 года дивизия находилась на марше и выходила на днёвку в район Березне, 23 июня 1941 года находилась в Степани (110 километров юго-восточнее Ковеля). «На 27 июня 1941 года

имела приказ форсированным маршем продолжать движение к реке Стырь в район Кашовка, Навозы, Боровичи, и к утру 28 июня 1941 года заняла междуречье Стохода и Стыри на участке Углы, Навозы, не имея соприкосновения с противником, однако уже днём приняла первый бой на реке Стырь в районе Рожище.

Уже к началу июля 1941 года дивизия организованно отступала, к 5 июля 1941 года вернулась на позиции к Березьне, а с 8 июля 1941 года отходит в укрепления Коростенского укреплённого района.

С 10 июля 1941 года, когда войска 31-го стрелкового корпуса участвуют в контрударе войск 5-й армии на Новоград-Волынском направлении, прикрывает контрудар, обороняя рубеж Белокоровичи, Сербы. К 18 июля 1941 года была вынуждена отойти в район Эмильчино, Середа, Слободка, в обстановке непрекращающихся боёв к 22 июля 1941 года отошла на рубеж колхоз Спасское, Осовка, Гулянка, занимая позиции вдоль шоссе и железной дороги на Коростень на стыке со 193-й стрелковой дивизией. Отражает вражеские удары на этом стыке с 14:00 23 июля 1941 года. Вплоть до 31 июля 1941 года ведёт тяжёлые бои, медленно отступая, организуя контратаки. К исходу 31 июля отошла на позиции на рубеж колхоз Спасское, Анненская, Кривотин, Колоцкий, урочище Березовый лес, Охотовка.

До 5 августа 1941 года наступило временное затишье. 5 августа вновь вражеские части нанесли удар, дивизия отошла на 5—6 километров на север на рубеж Анненская, слобода Каменная Горка. 8 августа ведёт бои уже на рубеже Кремно, Лугины, на 14 августа занимает оборонительные позиции на левому берегу реки Жерев от Рудни Мяколовецкой до Рудни Выгранки. На тот момент дивизия насчитывала 1684 человека личного состава. С 12 июля по 21 августа 1941 года дивизия отступила только на 54 километра.

По решению Ставки ВГК с 21 августа 1941 года началось отступление войск армии за Днепр. В ночь на с 21 августа 1941 года дивизия погрузилась в эшелоны в районе погрузки Веледники, Овруч, Радча и была переправлена в район Лениновка, Березна (35 километров северо-восточнее Чернигова), поступив в распоряжение командования фронтом, была пополнена. К 24 августа заняла позиции на рубеже Свиноухи, Репки, Грабов, в 30-ти километрах севернее Чернигова. На 26 августа 1941 года оборудовала оборонительные позиции в районе Репок, прикрывая гомельско-черниговское направление. Занимала позиции в районе Буровка, Глинянка, Грабов. Ширина

полосы по фронту обороны составляла 25 километров» (Источник: <https://ru.wikipedia.org>). Именно в эти дни и присоединилась к частям 200 стрелковой дивизии группа выходивших из окружения солдат, среди которых был и мой дед.

В составе 200 стрелковой дивизии мой дед прошёл почти до конца её короткого боевого пути. «28 августа противник силами 131, 260, 134 и 17-й пехотных дивизий перешел в наступление на всем фронте 15-го стрелкового корпуса, нанося удары на Большой Дырчин в стыке 62-й и 200-й стрелковых дивизий в направлении Выхвостов, Ивашковка; на Свинаяжин, Голубичи, а также в разрыв между 200-й и 193-й стрелковыми дивизиями в направлении Костино, Задереевка. В ходе двухдневных ожесточенных боев противник, опираясь на свое трех-четырёхкратное превосходство и сильную поддержку авиации, к исходу 29 августа потеснил части дивизии на 8—12 км, которые отошли и вели упорные бои на рубеже Великолес, Голубичи, Глинянка, Грабов. Между Великолесом и Голубичами частям 134-й пехотной дивизии противника удалось вклиниться на глубину до 12 км и перерезать дорогу из Репок на Чернигов.

1 сентября 1941 г. дивизия подверглась сильному удару 134-й пехотной дивизии противника, атаковавшего ее правый фланг в направлении Сибереж, Довжик, в результате чего оказалась отрезанной от своего корпуса и с большими потерями отошла в полосу соседа слева—193-й стрелковой дивизии 31-го стрелкового корпуса. Ее разрозненные части были собраны в районе Убежичей, откуда дивизия, переданная в подчинение командира 31-го корпуса, была отведена на рубеж Довжик, Кувечичи.

5 сентября дивизия удерживает рубеж Жукотки, роща севернее Антоновичей.

7 сентября дивизия под прикрытием арьергардов осуществила отвод своих частей к югу, и они заняли рубеж Богданы, Малые Осняки.

К утру 9 сентября 200-я стрелковая дивизия по приказу командарма заняла оборону по левому берегу Десны на участке озеро Яковель, Золотинка, прикрывая переправу у Славино.

В сентябре-ноябре 1941 года части дивизии с боями выходят из окружения.

27 декабря 1941 года дивизия расформирована».

78. Людников Иван Ильич — « [13 (26).09.1902, с. Кривая Коса Мариупольского у-да Екатеринославской губ., — 23.04.1976, Москва], советский военачальник. Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (16.10.1943).

Родился в семье рабочего. Работал подростком на угольных шахтах в Макеевке. После Октябрьской революции 1917 г. добровольно вступил в Юзовский красногвардейский отряд и в его составе участвовал в разгроме казачьих сотен генерала А. М. Каледина под Юзовкой и Макеевкой. В Красной Армии с мая 1918 г. В составе партизанского отряда воевал против немцев в районе Мариуполя, а в 1919 г. — на Южном фронте против войск генерала А. И. Деникина. С марта 1920 г. в качестве военмора Мариупольского морского экипажа участвовал в боях против белогвардейских войск генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, в ликвидации десанта генерала С. Г. Улагая, а также в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе. В ноябре 1921 г. уволен с военной службы.

В августе 1922 г. Людников добровольно поступил на 94-е Одесские пехотные командные курсы Украинского военного округа, по их расформированию в начале января 1923 г. зачислен курсантом Одесской пехотной школы. По её окончании с августа 1925 г. командовал взводом и ротой в составе 37-го стрелкового полка 13-й Дагестанской стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа. С декабря 1926 г. проходил службу во Владикавказской пехотной школе: командир взвода, курсовой командир, командир пулемётной роты, начальник штаба батальона. В 1929 г. участвовал в разоружении бандформирований в Чечне. В 1930 г. окончил стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна. С июня 1934 г. — руководитель тактики пехоты Объединённой Татаро-Башкирской военной школы им. ЦИК Татарской АССР. После окончания в 1938 г. Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе проходил службу в Генштабе РККА: офицер для особо важных поручений при 1-м отделе, начальник отделения. С апреля 1939 г. — начальник Житомирского пехотного училища. В марте 1941 г. полковник Людников был назначен командиром 200-й стрелковой дивизии в Киевском Особом военном округе.

В начале Великой Отечественной войны дивизия под его командованием в составе 31-го стрелкового корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта приняла первый бой с неприятелем на р. Стырь в районе пгт Рожище. Части дивизии вели тяжёлые оборонительные бои в Коростенском укрепрайоне, под Черниговом и на р. Десна. 14 сентября 1941 г. И. И. Людников был тяжело ранен в районе г. Нежин и эвакуирован в тыл. По выздоровлении командовал 16-й отдельной курсантской стрелковой бригадой, которая в ноябре того же года участвовала в освобождении г. Ростов-на-Дону. В марте-апреле 1942 г. он

командовал 390-й стрелковой дивизией. С мая 1942 г. — командир 138-й стрелковой дивизии, которая в составе войск Сталинградского и Донского фронтов участвовала в Сталинградской битве. За стойкость и мужество, проявленные личным составом в этих боях, 138-я стрелковая дивизия 7 февраля 1943 г. была преобразована в 70-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а ее командиру в январе 1943 г. присвоено воинское звание генерал-майора.

В июне 1943 г. Людников был назначен командиром 15-го стрелкового корпуса, который в составе 13-й армии Центрального фронта участвовал в Курской битве, в форсировании Днепра и освобождении Правобережной Украины. В сентябре 1943 г. Людникову было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта, а в конце 1943 г. корпус под его командованием принимал участие в Житомирско-Бердичевской и Проскуровско-Черновицкой наступательных операциях, в освобождении городов Житомир и Тернополь. С конца мая 1944 г. он — командующий 39-й армией, которая участвовала в освобождении Белоруссии, в Витебской и Каунасской наступательных операциях. В январе 1945 г. в ходе Восточно-Прусской наступательной операции войска армии прорвали Инстербургский рубеж обороны противника, захватили его важные узлы коммуникаций и сильные опорные пункты на кёнигсбергском направлении и тем самым создали благоприятные условия для успешного прорыва к Кёнигсбергу. Затем, обойдя Кёнигсберг с севера и северо-запада, армия соединилась с войсками 11-й гвардейской армии и завершила окружение кёнигсбергской группировки противника. В последующем в апреле 1945 г. армия под его командованием участвовала в штурме Кёнигсберга. В мае 1945 г. ему было присвоено воинской звание генерал-полковника.

В мае-июне 1945 г. 39-я армия была передислоцирована на Дальний Восток, где вошла в состав Забайкальского фронта и участвовала в советско-японской войне. В ходе Хингано-Мукденской наступательной операции войска армии под командованием И. И. Людникова прорвали Халун-Аршанский и Хайларский укрепленные районы японской Квантунской армии, преодолели горный хребет Большой Хинган и, захватив города Улан-Хото и Солунь, развернули наступление на Чанчунь. Для освобождения городов Шэньян (Мукден), Далянь (Дальний) и Люйшунь (Порт-Артур) были высажены воздушные десанты. В ходе стремительного наступления войска армии вышли к Ляодунскому заливу и на Ляодунский полуостров.

После войны генерал-полковник И.И.Людников до 1947 г. являлся комендантом Порт-Артура и командующим

Группировкой советских войск в Китае на Ляодунском полуострове. Затем командовал 10-й гвардейской армией Ленинградского военного округа и 13-й армией. С декабря 1949 г. — заместитель Главнокомандующего Группы советских оккупационных войск в Германии. После окончания в 1952 г. ВАК при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова генерал-полковник Людников был помощником, затем 1-м заместителем командующего войсками Одесского военного округа. С сентября 1954 г. — командующий войсками Таврического военного округа. С июля 1956 г. он главный военный советник министра народной обороны Народной Республики Болгария. С марта 1959 г. — начальник Центральных офицерских курсов «Выстрел», затем начальник факультета Военной академии Генштаба. С июля 1968 г. в отставке. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Награждён: 3 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й ст., орденами Суворова 2-й ст., Богдана Хмельницкого 2-й ст.; иностранными орденами: США — Легион почёта 2-й ст., Франции — Почетного легиона 3-й ст. и Военным крестом 1939 г.; многими советскими и зарубежными медалями, наградным оружием».

(Источник: Энциклопедия Министерства обороны РФ: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11724258@cmsArticle>)

79. «ЗИС-5» — в народе его ещё до войны прозвали «Захаром Ивановичем», а после неё окрестили «грузовиком Победы», однако большинство помнит его как знаменитую «трехтонку». Советский грузовой автомобиль грузоподъёмностью 3 тонны ЗИС-5 выпускался с 1933 года на Автомобильном Заводе им. И. В. Сталина и стал одним из основных транспортных автомобилей Красной Армии во время Великой Отечественной войны.

80. «... солдатские ботинки с обмотками по 4 метра длиной и по 10 сантиметров шириной каждая» — ботинки с обмотками использовались в пехотных частях наряду с сапогами, а в силу их дешевизны и простоты в изготовлении, именно они чаще оказывались на ногах у рядовых солдат.

«Обмотки чёрного, серого или зелёного защитного цвета представляли собой матерчатую ленту обычно шириной 10 сантиметров и длиной около 2,5 метра. Конец обмотки был свёрнут и прошит в виде треугольника, в вершину которого вшивался шнурок или тесьма. Намотка обмоток требовала

определённого навыка — как, впрочем, и оборачивание ноги портянкой. Хранились обмотки свёрнутыми в рулон, шнурок при этом был внутри. Солдат наматывал обмотку снизу вверх; первые витки делались самыми тугими и закрывали верхнюю часть ботинка, последние чуть не доходили до колена. Шнурок завязывался вверху, прятался под верхний виток и не давал обмотке размотаться. Ботинки с обмотками прошагали на ногах пехоты до победного 1945 года». (Источник: <https://warspot.ru/2727-dva-boytsa-vneshniy-vid-krasnoarmeysa-1941-i-1945-godov>)

81. 400 отдельный саперный батальон — на сегодняшний день мне не удалось в открытых источниках найти информацию об этом подразделении, о его личном составе и командирах. «400 оспб, 200 сд» — такие пометки значатся в личных делах некоторых найденных мной на сайте «Память народа» погибших солдат. Значит, 400-й отдельный сапёрный батальон, по крайней мере, точно существовал в составе 200-й стрелковой дивизии, он упоминается и в Википедии. Историю боевого пути этого батальона ещё предстоит выяснить.

82. «Юнкерс» — немецкая авиастроительная компания Junkers&Co была создана Хуго Юнкерсом ещё в 1895 году и изначально производила отопительное и вентиляторное оборудование. К строительству самолётов в компании приступили во время Первой Мировой войны и к началу Второй Мировой из конструкторских бюро вышло больше 20 моделей, а из цехов авиапредприятия — более 3 000 самолётов. Самыми известными в первые годы войны стали пикирующий бомбардировщик Ju 87 и многофункциональный Ju 88 — один «из самых универсальных самолетов Второй мировой войны. Он применялся в роли бомбардировщика, торпедоносца, разведчика, ночного истребителя, мог производить бомбометание в пикировании, был частью летающей бомбы в проекте Mistel».

«Советские войска столкнулись с Ju.88 уже 22 июня 1941 года, когда немецкие бомбардировщики нанесли мощный бомбовый удар по советским городам и аэродромам. Ровно половина всех бомбардировочных авиагрупп 1-го, 2-го и 4-го воздушных флотов, которые использовались для нападения на СССР, имела на вооружении бомбардировщики Юнкерс-88 преимущественно в версии Ju-88A4. При ударах по аэродромам данные бомбардировщики использовали множество мелких осколочных бомб, каждый бомбардировщик нес по 2 контейнера, в которых находилось по 360 2-кг бомб».

(Юферов С. Ju.88 — самый массовый двухмоторный бомбардировщик Второй мировой. // Военное обозрение. — <https://topwar.ru/14498-ju88-samy-massovy-dvuhmotorny-bombardirovshik-vtoroy-mirovoy.html>)

83. «Рама» -«Фокке-Вульф» Fw 189 («Рама» (советский жаргонизм), «Flugaue» — нем. «Летающий глаз» или «Uhu» — нем. Филин) — двухмоторный двухбалочный трёхместный тактический разведывательный самолёт. Первый полёт совершил в 1938 году (Fw 189V1), начал использоваться в 1940 году, и производился до середины 1944 года. Основное применение получил в военных действиях против СССР.

84. Боевой листок «Раздавим фашистскую гадину» — сатирическое издание с таким названием появилось в Белоруссии в июле 1941 года и предназначалось для распространения среди партизан и населения Беларуси во время Великой Отечественной войны. Оно выходило с июля 1941 по май 1945 года. С марта 1942 года стало называться газета-плакат, позже — сатирический журнал ЦК КП (б) Б. Журнал разоблачал и высмеивал планы фашистского командования, клеймил позором пособников немцев из числа предателей белорусского народа, воспитывал ненависть к оккупантам и их прихлебателям, звал к беспощадной борьбе с захватчиками. Сотрудников редакции называли «раздавиловцами». Сатирический листок печатался на 2—4 страницах, с одноцветными, но иногда трёхцветными иллюстрациями. Всего в свет вышло 142 номера. Редакцию возглавлял сначала Михась Чаусский, а с 1943 года — Кондрат Крапива. Конечно, эти листовки попадали и в отступавшие в первые месяцы войны советские части. Для поддержания боевого духа и укрепления морального состояния бойцов командиры организовывали выпуск рукописных боевых листов. Видимо, редактором такого рукописного боевого листка был и М.А.Никольский.

85. Юго-Западный фронт (ЮЗФ) — формирование (оперативно-стратегическое объединение) вооружённых сил СССР, во время Великой Отечественной войны. Фронт был образован на юго-западном направлении 22 июня 1941 года на основании приказа НКО СССР от 22 июня 1941 года на базе Киевского Особого военного округа в составе 5-й, 6-й, 12-й и 26-й армий. В последующем в него входили 3, 9, 13, 21, 28, 37, 38, 40, 57, 61, 8-я воздушная армии. В ходе приграничных сражений 1941 года войска фронта отражали удары немецкой группы

армий «Юг» на юго-западных границах страны, нанесли противнику урон в танковом сражении под Дубно — Луцком — Бродами и задержали его продвижение. Во второй половине июля — начале августа вместе с частями Южного фронта, части фронта попали в окружение под Уманью и Киевом. Войска фронта понесли тяжёлые потери. Только в плен попало более 500 тысяч бойцов и командиров. Командующий фронтом, генерал-полковник Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-майор Тупиков и Член Военного совета фронта Бурмистенко при попытке выйти из окружения погибли. В начале сентября 1941 года «кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось, и через неделю он прекратил свое существование в старом составе. Была ликвидирована группировка, насчитывающая свыше 500 тыс. человек. Командование фронта почти целиком погибло. Разгрома такого фронтового масштаба еще не знала ни одна армия мира. Хотя англо-французские войска и потерпели поражение в Бельгии в 1940 г., но все же смогли эвакуировать основные силы через Дюнкерк. В плен попало тогда 40 тыс. французских военнослужащих и несколько тысяч англичан. А тут... Но печальный рекорд продержался недолго и был перекрыт месяц спустя в вяземском котле. Разгром войск фронта явился следствием крупнейшего просчета в оценке событий И.В.Сталиным как Верховным главнокомандующим. Истоки же просчета имели старые корни — уверенность в своей способности оценивать события глубже других». (По материалам книги Борис Шапталов «Испытание войной: выдержал ли его Сталин?», М.: Эксмо, 2012г.)

86. Людников И. И. Дорога длиною в жизнь. Военные мемуары. — М.: Воениздат Министерства обороны СССР, 1969. — С. 8—9.

87. «...и только плен сохранит вашу жизнь, как сыну Сталина». Имеется в виду старший сын И.В.Сталина Яков Иосифович Джугашвили (Сталин) (18 марта 1907, село Баджи, Кутаисская губерния — 14 апреля 1943, концлагерь Заксенхаузен). В мае 1941 года старший лейтенант Джугашвили стал командиром артиллерийской батареи. 27 июня 1941 года батарея 14-го гаубичного артполка вступила в боевые действия и 4 июля попала в окружение. После чего Яков Джугашвили считался пропавшим без вести. Листовки, о которых упоминает мой дед, появились на фронте в середине июля 1941 года. Подробно описывает их А.Н.Колесник в своей книге «Хроника семьи Сталина»: «7 августа 1941 года члену Военного совета

северо-западного направления А. А. Жданову Политическое управление Северо-Западного фронта направило в секретном пакете «3 листовки, сброшенные с самолета противника».

На листовке был текст: «Товарищи красноармейцы! Неправда, что немцы мучают вас или даже убивают пленных! Это подлая ложь! Немецкие солдаты хорошо относятся к пленным! Весь народ обманывают! Вас запугивают, чтобы вы боялись немцев! Избегайте напрасного кровопролития и спокойно переходите к немцам!»

А вы знаете

кто это?

ЭТО ЯКОВ ДЖУГАШВИЛИ, СТАРШИЙ СЫН СТАЛИНА, командир батареи 14-го гаубичного артилл. полка, 14-ой бронетанковой дивизии, который 16-го июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других командиров и бойцов.

По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако Красноармейцы все время переходят к немцам. Чтобы запугать вас комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными.

Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен

потому что всякое сопротивление
Германской Армии отныне бесполезно!

Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправила уже сдался в плен.

Здесь же фотография двух немецких офицеров с пленным и ниже слова: «Немецкие офицеры беседуют с Яковом Джугашвили. Сын Сталина, Яков Джугашвили, старший лейтенант, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, сдался в плен к немцам. Если уж такой видный советский офицер и красный командир сдался

в плен, то это показывает с очевидностью, что всякое сопротивление германской армии совершенно бесцельно. Поэтому кончайте все войну и переходите к нам!»

На обороте листовки была воспроизведена рукопись письма: «Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей Германии. Обращение хорошее. Желаю здоровья, привет всем. Яков».

На нижней кромке второй страницы дан комментарий: «Письмо Якова Джугашвили к своему отцу, Иосифу Сталину, доставленное ему дипломатическим путем».

«Фашистские идеологи рассчитывали, что, прочтя листовку, советские воины начнут массово сдаваться в плен. С этой целью на ней был отпечатан пропуск для неограниченного количества переходящих на сторону германских войск командиров и бойцов нашей армии: «Предъявитель сего, не желая бессмысленного кровопролития за интересы жидов и комиссаров, оставляет побежденную Красную Армию и переходит на сторону германских вооруженных сил. Немецкие солдаты и офицеры окажут перешедшему хороший прием, накормят и устроят на работу».

Яков был взят в плен 4-й танковой дивизией группы армий «Центр». (Колесник А. Хроника семьи Сталина. Харьков, 1990. С. 24, 35).

По неподтверждённым данным Яков Сталин погиб в немецком плену. Историки до сих пор спорят о том, действительно ли он был в плену и не являются ли все имеющиеся документы подтасовкой геббельсовской пропагандистской машины.

88. Геббельс Пауль Йозеф — один из ближайших сподвижников и последователей Адольфа Гитлера, немало способствовал его приходу к власти. С 1930 года возглавлял управление пропаганды НСДАП (национал-социалистическая немецкая рабочая партия). С 1933 по 1945 год занимал пост министра пропаганды и президента имперской палаты культуры, управляя всеми средствами массовой коммуникации: пресса, радио, кинематография. Он был одним из идеологов германского антисемитизма и инициатором многих дискриминационных мер против евреев. Во время Второй Мировой войны Геббельс стал главным голосом нацистского режима, призывая к «тотальной войне». В своих пропагандистских целях не гнушался любыми методами, используя ложь, подлоги, манипуляции. До сих пор его имя связывают с циничной беззастенчивой пропагандой.

89. «Хозяйка принесла НОЧЕВКИ, поставила их на табуретку,

налила горячей воды, добавила холодной и предложила мне умываться“. В белорусском и украинском быту так называли невысокие долблённые корытца из дерева. Упоминаются в „Словаре живого великорусского языка В.И.Даля: «Ночва, ночовка — неглубокое, тонко отделанное корытце, лоток. На ночвах сеют муку, катают хлебы; в ночвы складывают из печи печенье, выносят его на продажу, и на ночвах же полют зерно, крупу, потряхивая и сдувая легкий сор, половицу».

90. «...некоторые солдаты оставались в примачах». Примак — разговорное. муж, принятый в семью жены и живущий в её доме.

91. Фриц — немецкое мужское имя. Часто использовалось как нарицательное для обозначения немецких солдат.

92. «... полицаяв — холуев-предателей» — на оккупированных территориях немецкая администрация организовывала службу полиции, в которую набирались трудоспособные юноши и мужчины из местных жителей. Полицай контролировали выполнение установленных немецкой администрацией правил, принимали участие в облавах, арестах и казнях подпольщиков, партизан, а также в карательных операциях против мирного населения.

93. «...беленую хату-мазанку». Хата-мазанка — один из распространённых видов постройки жилья на территории Украины и некоторых регионов России и Белоруссии. Стены «мазанки» возводились из жердей или плетня, а затем обмазывались глиной, землёй перемешанной с навозом и белились мелом, крыша покрывалась соломой, а пол оставался земляной. Такая постройка была проста и дешева в изготовлении.

94. «Новый порядок» — (Neuordnung), гитлеровская концепция полного переустройства германской общественной жизни в соответствии с нацистским мировоззрением. Выступая в июне 1933 перед руководством нацистской партии, Гитлер заявил, что «динамизм национальной революции все еще существует в Германии и что она должна продолжаться до полного ее окончания. Все аспекты жизни в Третьем рейхе должны быть подчинены политике «гляйхшалтунг». На практике это означало формирование полицейского режима и установление в стране жесточайшей диктатуры.

Нацистская пропаганда неустанно пыталась внушить немецкому обывателю, что «новый порядок» принесет Германии

истинную свободу и процветание. (цитируется по: Энциклопедия Третьего рейха. — М.: ЛОКИД-МИФ, 1996.) Этот же способ управления распространялся на территории, захваченные в ходе Второй Мировой войны.

Основные направления политики Германии в отношении захваченных территорий были изложены Гиммлером в секретном меморандуме «Некоторые мысли об обращении с населением на Востоке», датированном 25 мая 1940 года. «В нём указывалось, что захваченные восточные территории следует рассматривать как объект колонизации и германизации. [...] Оккупационная политика, говорилось в этом меморандуме, должна быть направлена на то, чтобы превратить основную массу «инородческого населения» в полуграмотных рабов, которые могли бы считать не далее чем до 500, писать свое имя, беспрекословно подчиняться и знать «закон божий». [...] Осуществление всей программы германизации было рассчитано на десять лет, после чего на Востоке осталось бы «неполноценное население», пригодное только для чёрных работ». (цит. по: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т./Т.1. — Мн.: Беларусь, 1983. — С.167). Единого документа, описывающего «новый порядок», устанавливаемый оккупационными властями не было, гитлеровцы издали ряд приказов, в основе которых лежали многочисленные инструкции и распоряжения, разработанные задолго до нападения на Советский Союз. «Основной смысл этих приказов и инструкций, беспрецедентных по своей бесчеловечности и жестокости, сводился к тому, чтобы самыми беспощадными средствами и мерами не допустить сопротивления советского народа оккупантам, уничтожить любые напоминания о социалистическом строе, физически истребить значительную часть населения нашей страны. Они полностью развязали руки гитлеровским палачам и убийцам, освободив их от всякой ответственности за совершённые преступления. Узаконенным наказанием за любое проявление неповиновения или сопротивления захватчикам была смертная казнь. За невыход на работу — смертная казнь; за хождение по улицам в запретное время — смертная казнь; за слушание советских радиопередач — смертная казнь; за неуплату налогов — смертная казнь; за несвоевременную явку на перерегистрацию — смертная казнь; за хождение вблизи железнодорожного полотна, в лесу — смертная казнь.

Инструкции вводились в действие незамедлительно. Жители городов и посёлков, схваченные в запретное время,

расстреливались без суда и следствия. Строго регламентировалось передвижение населения. Для любой поездки требовалось специальное разрешение оккупационных властей. За малейшее подозрение при проверке документов, во время обысков или облав фашисты разряжали своё оружие в человека, не считаясь с тем, кто перед ними — женщина, старик или подросток. (Там же. С.169).

95. Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» — написан в 1956 году, впервые опубликован в газете «Правда»: номера за 31 декабря 1956 и 1 января 1957 года. В основу рассказа положена реальная история неизвестного человека, с которым Михаил Шолохов случайно повстречался после охоты. Об истории возникновения идеи рассказа пишет Михаил Кокта в своей статье «В станице Вешенской»: «А знает ли читатель о том, что Шолохов повстречался с героем рассказа «Судьба человека» Андреем Соколовым именно на охоте. В первый послевоенный год поехал он поохотиться ранней весной на большой, образовавшийся от талых вод степной лиман поблизости от хутора Моховского. На том лимане безбоязненно садились пернатые дикие гуси и казарки. Присев на плетень отдохнуть у разлившейся степной речушки Еланки, он заметил мужчину, который вел за руку мальчика, по направлению к речной переправе. Усталые путники подошли к нему и, приняв его за шофера, запросто сели отдохнуть. Тогда-то, на этом плетне и поведал Андрей Соколов «своему брату шоферу» о своей судьбе. Путник собирался было уже уходить, но в это время подъехала к писателю его жена и выдала его что называется с головой. Путник ахнул от такой неожиданности, но уже было поздно — все успел рассказать о себе и быстро распрощался. А писатель жалел, что не успел узнать его фамилии. Поэтому-то Шолохов в беседе с корреспондентом «Советской России», указывая на его модную курточку, справедливо заметил: «Думаешь, рассказал бы мне Андрей Соколов о своей судьбе, если бы не вымазанные в масле руки, не ватные штаны и гимнастерка. Нужно быть таким, как все. Вот в чем суть. И не специально для «общения» с массами, а всегда».

Возвратился тогда писатель с охоты необычно взволнованным и все еще находился под впечатлением от встречи с неизвестными шофером и мальчиком.

— Напишу рассказ об этом, обязательно напишу. — И Михаил Александрович в райкоме партии поделился с партийными работниками своим творческим замыслом.

Прошло десять лет. И вот однажды, находясь в Москве, читая

и перечитывая рассказы зарубежных мастеров — Хемингуэя, Ремарка и других, — рисующих человека обреченным и бессильным, писатель вновь вернулся к прежней теме. Перед глазами снова воскресла, ожила картина незабываемой встречи с шофером у речной переправы. Тем мыслям и образам, которые у него зрели, вынашивались, был дан новый толчок и придана конкретная форма и направленность. Не отрываясь от письменного стола, напряженно работал писатель семь дней. А на восьмой — из-под его волшебного пера вышел замечательный рассказ «Судьба человека», который быстро обошел весь мир и покорила миллионы человеческих сердец» (Цит по: Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Книга 2. 1941—1984 гг. / В.В.Петелин — М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2005).

96. «...задавал единственный вопрос: «Комиссар? Юде?» — опрос пленных проводился всегда с целью выявления комиссаров, командиров, коммунистов и евреев, которые подлежали немедленному расстрелу. «Юде» — по-немецки, еврей.

97. Пистолет «ТТ» — первый армейский самозарядный пистолет СССР, разработанный в 1930 году советским конструктором Фёдором Васильевичем Токаревым. Две буквы «Т» в наименовании расшифровывались как «Тульский Токарева» — по месту разработки («Тульский оружейный завод») и фамилии руководителя конструкторской группы разработчиков. Принят на вооружение в 1933 году. Боевое крещение ТТ получил в 1938 — 1939 гг. в боях на Халхин-Голе и у озера Хасан, а затем применялся во время советско-финской «Зимней» войны 1939—1940 гг. В годы участия СССР во Второй Мировой войне пистолеты Токарева широко использовались во всех родах войск РККА.

98. Тихон Бумажков и Федор Павловский — первые среди белорусских партизан Герои Советского Союза. Тихон Пименович Бумажков был первым командиром отряда «Красный Октябрь», созданного в Октябрьском районе Полесской области. После отбытия в августе 1941г в Полесский обком партии, а оттуда — в Красную Армию, командовать отрядом стал Фёдор Илларионович Павловский, работавший до войны уполномоченным Наркомата заготовок по октябрьскому району. «Вначале отряд действовал как истребительный батальон. Это дало возможность его бойцам пройти серьезную боевую школу

[...] Граница боевых действий партизанского отряда Т.П.Бумажкова простиралась далеко за пределы Октябрьского района. Его группы пробирались по тылам гитлеровских войск в Паричский, Глуский, Любогнский, Сратодорожский и Бобруйский районы. [...] Всего к началу августа партизанский отряд „Красный октябрь“, действуя совместно с подразделениями подполковника Л.В.Курмышева, истребил свыше 300 вражеских солдат и офицеров, взорвал более 20 мостов, в том числе 11 через реку Птичь, вывел из строя 20 вражеских танков, спустил под откос бронепоезд, уничтожил большое количество автомашин противника, захватил богатые трофеи в том числе важные штабные документы, оказал войскам Красной Армии большую помощь разведданными. 6 августа 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Т.П.Бумажкову и Ф.И.Павловскому первым из числа советских партизан периода Великой Отечественной войны присвоено высокое звание Героя Советского Союза». (Цит. по: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т./ Т.1. — Мн.: Беларусь, 1983. С.140—142)

99. Львов Алексей Васильевич — с ноября 1941 года по январь 1943 года был комиссаром отряда им. М. М. Громова. В январе 1943 года отряд М.М.Громова вошёл в состав 64-й партизанской бригады им. В. П. Чкалова, и до июня 1943г. Львов был комиссаром бригады. С июня 1943 по июнь 1944 года командовал 37-й бригадой им. А. Я. Пархоменко.

А.В.Львов и М.А.Никольский, 1980-е

100. Розов Николай Николаевич (11.4.1911—19.5.1959) — один из руководителей партизанского движения в Минской обл. в годы Великой Отечественной войны. Родился в д. Вассиялово Кологривского р-на Костромской обл. Член КПСС с 1947. Окончил Костромской геолого-разведочный техникум (1937). С 1929 рабочий, ст. мастер по буровым работам. С 1940 в Красной Армии. С августа 1941 в партизанах: с сентября 1941 командир отряда им. М. М. Громова, в январе — сентябре 1943 и в марте — июне 1944 командир 64-й партизанской бригады им. В. П. Чкалова. С 1945 председатель Слуцкого райисполкома, затем на хозяйственной работе в Минске. Именем Н. Н. Розова названа улица в д. Живунь Любанского р-на. (Источник: http://will-remember.ru/familii_na_r/rozov_nikolai_nikolaevich.htm)

Николай Николаевич Розов

101. «...три партизана из отряда командира Жорки Столярова и комиссара Дмитрия Гуляева». Столяров Георгий Николаевич был одним из организаторов партизанского отряда им. В. И. Чапаева, командиром которого являлся с декабря 1941 по декабрь 1943 года. Затем приказом штаба партизанского соединения Минской области на базе отдельных отрядов им. В. И. Чапаева, им. А. М. Трутикова и им. С. М. Буденного была создана 258-я бригада им. В. В. Куйбышева, командиром которой Г.Н.Столяров был с декабря 1943 по июнь 1944г. Что интересно, даже в документах о деятельности партизанских отрядах Г.Н.Столяров часто упоминается как Жорка или Жорж. Так, в докладной записке инструктора ЦК ЛКСМБ Н.А.Карповича о работе подпольных комсомольских организаций Минской обл. в 1942 г. указано, что «в зоне штаба тов. Козлова в момент нашего прибытия имелось 33 партизанских отряда: 1) Розова Николая Николаевича, 2) Патрица, 3) Далидовича Александра Ивановича, 4) Цикункова, 5) Гуляева, 6) Жорки...» (Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. В 3 томах. — Минск: «Беларусь», 1967. — Т.1. — С.535—536) Однако информация о том, что Гуляев был в 1941 году комиссаром в отряде Г.Н.Столярова подтверждения не нашла. По данным справочника «Всенародное партизанское движение

в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», цитировавшегося выше, с августа 1941 по апрель 1942 Д.Т.Гуляев был комиссаром партизанского отряда им. Е. Д. Горбачева, который был образован «в июле 1941 г. на базе группы А.И.Далидовича, прибывшей по заданию ЦК КП б) в Любанский район, где к ней присоединились местные жители и группа попавших в окружение военнослужащих во главе с Д.Т.Гуляевым и М.И.Фурманом» (Там же. — С.420). А вот с апреля 1942 г. он был комиссаром в отряде им. В. И. Чапаева, командиром которого являлся Г.Н.Столяров.

«Гуляев Дмитрий Тимофеевич (1915—1943) — партизан Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1944), командир 101-й партизанской бригады. «Дмитрий Гуляев родился 5 ноября 1915 года в городе Яранске, ныне Кировская область, в крестьянской семье. В 1921 году вместе с семьёй переехал на Украину, жил в селе Ивановка Александровского района Кировоградской области, работал в колхозе пастухом. Окончил школу, затем в 1934 году Черкасский дорожно-строительный техникум, после чего в течение двух лет работал дорожным техником и начальником машинно-дорожного отряда. В 1936 году Гуляев был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. В 1941 году окончил Московское военно-политическое училище.

С начала Великой Отечественной войны — на её фронтах. Летом 1941 года попал в окружение в районе Слуцка, организовал партизанский отряд из двенадцати человек, с которыми начал деятельность против немецких оккупантов.

Осенью 1941 года группа Гуляева вошла в состав партизанского отряда А. И. Далидовича, а сам Гуляев был назначен комиссаром отряда. Участвовал в разгроме ряда немецких гарнизонов в населённых пунктах Полесья осенью 1941 — зимой 1942 года. В освобождённых районах Дмитрий Тимофеевич организовывал встречи с местным населением, проводил разъяснительную работу, распространял сводки Совинформбюро.

С апреля 1942 года Гуляев стал командиром партизанского отряда 99-й партизанской бригады. Участвовал в рейде по сёлам Любанского района, разгромив ряд немецких гарнизонов и захватив большое количество трофеев. Неоднократно лично участвовал в боях, так, в бою за село Ломовичи Гуляев лично уничтожил немецкий дзот. В ноябре 1942 года отряд принял активное участие в подрыве железнодорожного моста через реку Птичь на линии Брест-Гомель, в декабре — моста через реку Бобрик на той же линии.

Весной 1943 года отряд провёл несколько рейдов по тылам противника и прорвал кольцо окружения немецкими войсками нескольких других отрядов, спася тех от уничтожения.

За время войны Гуляев два раза был ранен. С мая 1943 года он возглавил 101-ю партизанскую бригаду имени Александра Невского. В августе 1943 года во время «рельсовой войны» бригада уничтожила 21,7 километра железнодорожных путей.

4 сентября 1943 года командование бригады приняло решение разгромить фашистский гарнизон в Погосте. Основной удар должна была наносить группа из 70 человек во главе с комбригом Гуляевым. В тот же день партизаны вышли в поход по маршруту Обидемля, Новая Дубрава, Бычки, Замощье, Паничи, Коты, Погост.

В ночь с 4 на 5 сентября 1943 года в деревне Паничи бригада приняла бой с превосходящими силами противника. В том бою Гуляев погиб. Похоронен в городском посёлке Старобин Солигорского района.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 за «образцовое выполнение правительственных заданий в борьбе против немецких захватчиков в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм и за боевые заслуги в развитии партизанского движения в Белоруссии» Дмитрий Гуляев посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Награжден орденами Ленина и Красной Звезды, а также рядом медалей.

В честь Гуляева названа 99-я партизанская бригада, в которой он начал боевой путь в тылу врага. А также в его честь переименованы поселок Почной Любанского и деревня Коты Слуцкого районов. Имя комбрига присвоено колхозу в Любанском районе. Школа в Старобине носят имя Героя.

Памятники Гуляеву Д. Т. установлены в городском поселке Старобин Солигорского района и селе Ивановка Кировоградской области. На месте гибели в д. Калинино Слуцкого района установлен памятник. Именем Гуляева Д. Т. названы улица в Солигорске Минской области, улица в г. п. Старобине Солигорского района, в деревнях Зажэвичи и Старые Терушки Солигорского района, Малые Городятчи Любанского района». (Источник: Сайт Солигорской районной центральной библиотеки <http://libsoligorsk.by/index.php/kraevedam/66-ikh-imenami-nazvany-ulitsy/1480-gulyaev-dmitrij-timofeevich>).

102. Гестапо — « (сокр. от Geheime Staatspolizei) тайная государственная полиция в гитлеровской Германии. Создана

гитлеровской кликой в апреле 1933 г. Аппарат гестапо... являлся органом массового кровавого террора гитлеровской клики как в Германии, так и в странах, временно оккупированных в период второй мировой войны гитлеровскими войсками. [...] Во время второй мировой войны действовавшие в составе гитлеровской армии различные органы гестапо (тайная полевая полиция, зондеркоманды, эйнзацгруппы и др.) осуществляли массовые убийства и насилия над мирным населением временно оккупированных гитлеровскими войсками территорий и военнопленными, грабежи, разрушение сёл и городов» (Цит. по: Большая советская энциклопедия. Под ред. Б.А.Введенского. — М.:ГНИ «БСЭ», 1952. — Т. 11. — С.170).

103. Подрывник-разведчик — в действующей армии разведчики и подрывники — это специалисты разных подразделений — сапёрных и разведывательных. Но в партизанских отрядах, где не так много людей, чаще всего готовились кадры для «разведывательно-диверсионной деятельности», которая подразумевала владение навыками и разведчика, и минёра-подрывника. «Во многих отрядах из физически выносливых, смелых, знающих местность партизан формировались диверсионные группы, шло обучение личного состава минноподрывному делу» (Цит. по: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т./ Т.1. — Мн.: Беларусь, 1983. — С.400).

104. «Преподавал подрывное дело специалист из Минского штаба партизанского движения по фамилии Шимченко». Инструктор подрывного дела при Минском подпольном обкоме Владимир Петрович Шимченко упоминается в книге Р.К.Мачульского «Вечный огонь» в главе «Эхо на Полесье», а в коллективной монографии «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков», уточняется, что В.П.Шимченко был «инструктор диверсионной службы Минского соединения». (Цит по: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т./ Т.1. — Мн.: Беларусь, 1983. — С.400)

105. «...машины с карателями» — так называли участников карательных операций, которые проводились «немецко-фашистскими войсками и специализированными отрядами СС, полиции, жандармерии, охранных войск с целью уничтожения советских партизан и мирных жителей на оккупированных

территориях СССР». (Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия М.: «Советская Энциклопедия», 1985. — С.320).

106. Манкевич Леонид — это имя неоднократно встречается на страницах книги. Леонид Михайлович был другом моего деда, они встречались после войны, переписывались. Однако, я больше знала об их партизанской дружбе, чем о жизни в мирное время. Подробности биографии Леонида Михайловича стали известны мне из статьи Леонида Шелепина, опубликованной в корпоративном издании «ВПК НПО Машиностроения» ТРИБУНА ВПК, №22 за 2015г., текст которой приведу здесь полностью:

ГЕРОЙ-ПОДПОЛЬЩИК

В год празднования 70-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов считаю своим долгом рассказать о кадровом работнике нашего предприятия, ветеране Великой Отечественной войны Леониде Михайловиче Манкевиче.

Леня родился в 1925 году в многодетной белорусской семье. Едва он окончил 9-й класс, началась война. Парень он был не из робкого десятка: отказавшись от эвакуации, с согласия родителей он попросился на фронт добровольцем.

После окончания краткосрочных курсов по организации диверсионных работ, в числе других молодых патриотов Леонид был направлен в особый батальон разведки 232-й стрелковой дивизии. Принимал участие в боях при обороне Киева, Чернигова, Полтавы.

В октябре 1941 года, попав в окружение в районе Золотоноши, с большим трудом пробрался в родные места, затем стал бойцом партизанской бригады №64 в Любанском районе Белоруссии. Получив задание командира, он отправился в город, где влился в комсомольскую подпольную организацию, стал связным с партизанским отрядом. В апреле 1942 года Леонид Манкевич возглавил комсомольское подполье после казни его бывших руководителей. На счету подпольщиков — первые сообщения о разгроме немцев под Москвой, разгром фашистского гарнизона, десятки убитых немцев, добытые многочисленные ценные документы и трофеи.

По приказу командира партизанского отряда Леонид Михайлович вернулся в отряд, с которым прошел тернистый путь от разведчика до командира взвода.

За мужество и боевые заслуги в 1943 году одним из первых был награжден медалью «Партизану Отечественной войны I степени», а в 1944 году — орденом «Красной Звезды».

После изгнания немцев из Белоруссии в 1944 г. Леонид

Михайлович в Минске окончил курсы резерва при ЦК КП (б) Белоруссии, работал инспектором бюро по учету и распределению рабочей силы. Далее, в 1945—47 годах, служил в Красной Армии, после демобилизации работал на должности инспектора Могилевского областного управления трудовых резервов, экстерном окончил 10-й класс средней школы.

Довоенное увлечение авиамоделизмом привело Леонида в Ленинградский институт авиационного приборостроения, после окончания которого в 1956 году молодой авиаконструктор был направлен на Саратовский авиационный завод. За три года прошел путь от помощника мастера до заместителя начальника цеха — начальника контрольно-испытательной станции. За освоение и производство первых крылатых ракет разработки ОКБ-52 Леонид Михайлович был награжден орденом «Знак Почета».

Вскоре Леонида Михайловича заметили и в 1960 году, с согласия В. Н. Челомея, перевели в ОКБ-52, в отдел 4.

Из характеристики заводского руководства: «...трудолюбив, настойчив и упорен, дисциплинирован, выдержан, имеет заслуженный авторитет...».

Эти высокие качества в сочетании с раскрывшимся талантом инженера-разработчика и испытателя, организатора и руководителя коллектива были присущи ему на протяжении всего его трудового пути.

Л. М. Манкевич принимал участие в дальнейших работах по совершенствованию и испытаниям на полигонах крылатых ракет ВМФ, за что в 1963 году был награжден в числе других сотрудников ОКБ-52 орденом Трудового Красного Знамени.

Возглавляя комплексную лабораторию, Леонид Михайлович был одним из основных разработчиков уникальной, до сих пор непревзойденной по своим характеристикам, системы управления пилотируемой орбитальной станции космического комплекса «Алмаз». Однако из-за разногласий с руководителем отдела в 1968 году был вынужден искать работу и нашел применение своим знаниям и опыту в бывшем отделе 32 ЦКБМ. Это был подарок судьбы отделу.

Благодаря личному участию Л. М. Манкевича, отдел 32 стал основным подразделением на предприятии, специализирующимся на разработке систем бортовой автоматики орбитальных станций и возвращаемого аппарата. При активном участии работников отдела впервые на нашем предприятии стали внедряться типовые модули, матрицы, что способствовало повышению надежности приборов, качественной отработке и сокращению сроков их изготовления.

Он всегда вдумчиво и детально разбирался в поставленных задачах, находя нестандартные решения, профессионально обосновывал и настойчиво отстаивал свои предложения, щедро делился своими знаниями и опытом с молодежью. Его способность быстро находить неисправности и способы их устранения делали его незаменимым при испытаниях ракетно-космической техники.

Ровные, уважительные отношения со своими подчиненными и сотрудниками других подразделений, скромность и высокий профессионализм снискали ему заслуженный авторитет в коллективе. В поле его интересов была и общественно-политическая жизнь города. Он избирался депутатом Реутовского городского Совета народных депутатов.

А еще он любил природу и семейный отдых, вместе с женой и дочкой не раз сплавлялся по рекам на байдарке, профессионально освоил цветную фотографию, которая только-только входила в моду. Был на «ты» с домашней цветной телевизионной техникой, чем непрестанно пользовались его товарищи.

Неистово отдавая свои силы и время любимому делу, он безжалостно относился к своему здоровью. Очень много курил на работе, не обедал — в результате открылся туберкулез, который в кратчайший срок был побежден только благодаря его потрясающей силе воли.

Однако жизненные силы были на исходе. Не дожив двух месяцев до своего 64-летия, Леонид Михайлович Манкевич завершил свой звездный жизненный путь от первой авиамодели в пионерском лагере через крылатые ракеты к космическим орбитальным станциям.

Светлая память и вечная слава нашим соратникам, ветеранам предприятия, прошедшим через горькие испытания Великой Отечественной войны! (<http://www.npomash.ru/press/ru/tribuna050615.htm?l=0>)

107. Чадович Иван Васильевич (1895 г.р., урож. Слуцкого р-на). После рабфака поступил в БГУ на медицинский факультет, который окончил в 1928 г. В 1928—1932 г. работал терапевтом Любанской районной больницы, а в 1932 г. назначен заведующим Сосновской участковой больницы (совхоз «10 лет БССР»). В 1939 г. призван на службу в Красную Армию, принимает участие в походе Красной Армии в Западную Беларусь и в советско-финской войне (главный врач 36 бригады легких танков).

После демобилизации в 1940 г. возвращается в Любанский р-н. Добровольцем в июне 1941 г. уходит на фронт, но на сборный

пункт в Слуцк не успели: город был захвачен противником. В июле возвратился домой. Предложение оккупационных властей стать бургомистром в г. Любань отклонил, но согласился работать в районной больнице. Благодаря ему многие раненые и больные красноармейцы избежали плена и стали бойцами партизанских отрядов. Он возглавил группу врачей и медсестер Любанской районной больницы, которые оказывали помощь партизанам. Летом 1943 г. в связи с угрозой ареста и расправы с семьей покинул Любань и ушел в партизаны. Его назначили главным врачом госпиталя партизанской бригады №64 им. Чкалова. Весной 1944 г. во время блокады партизанской зоны попал в плен, был вывезен в Германию, где его и освободили наступающие части Красной Армии весной 1945 г.

Майор медслужбы Чадович И. В. был восстановлен в звании и принят на воинскую службу. После войны работал в системе здравоохранения БССР. (Источник: Сайт Любанского исполкома: www.lyuban.minsk-region.by/uploads/files/Ch-svod.doc)

108. Миха́ил Петро́вич Константи́нов (4 ноября 1900 — 30 мая 1990) — советский военачальник, генерал-полковник (1958 год), Герой Советского Союза. Родился в городе Усмань, ныне Липецкой области, в семье служащего. Русский. Член КПСС с 1929 года.

В Красной Армии с мая 1919 года. Окончил Борисоглебские кавалерийские курсы (1920 год), 3-ю Оренбургскую кавалерийскую школу (1922 год), кавалерийские курсы усовершенствования командного состава в Новочеркасске (1926 и 1935 годы), ускоренный курс Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова (1943 год), высшие академические курсы при этой академии. Участник гражданской войны — красноармеец, курсант Борисоглебских кавалерийских курсов на Южном фронте, командир взвода. Воевал на Южном и Туркестанском фронтах. В межвоенный период с ноября 1921 года — помощник командира, командир эскадрона, начальник штаба полка. С ноября 1930 года — начальник полковой школы 80-го Туркестанского кавалерийского полка, в апреле — мае 1931 года в его составе участвовал в боях с басмачами. С февраля 1932 года — начальник штаба 79-го кавалерийского полка, с сентября 1933 года — командир 41-го горнокавалерийского полка. С июля 1937 года — помощник командира и командир 20-й горнокавалерийской дивизии, с сентября 1938 года — командир 18-й горнокавалерийской дивизии. 4 июня 1940 года комбригу Константинову М. П. присвоено воинское звание «генерал-майор». В марте 1941 года

был назначен командиром 6-й Кубано-Терской казачьей Чонгарской кавалерийской дивизии имени С. М. Будённого 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени И. В. Сталина Западного Особого военного округа. В этой должности генерал Константинов встретил начало Великой Отечественной войны.

В ходе боевых действий в районе Минска он был тяжело ранен, после чего до сентября 1942 года командовал партизанскими отрядами в Белоруссии. Затем находился в распоряжении Центрального штаба партизанского движения. С декабря 1942 года — слушатель Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова, по её окончании с февраля 1943 года был командиром 19-го кавалерийского корпуса, участвовавшего в Курской битве, с июля — заместителем командующего войсками Степного фронта по кавалерии. В октябре 1943 года М. П. Константинов был назначен командиром 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, который в составе 1-го Белорусского фронта участвовал в Битве за Днепр, Гомельско-Речицкой, Полесской, Белорусской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской, Берлинской наступательных операциях. За отличия при вторжении в пределы Бранденбургской провинции корпусу было присвоено почётное наименование «Бранденбургский». 26 июля 1944 года Константинову М. П. присвоено воинское звание генерал-лейтенанта. За освобождение города Лодзь и участие в разгроме радомско-томашувско-лодзинской группировки противника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 года генерал-лейтенанту Константинову Михаилу Павловичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№).

После войны продолжал командовать корпусом, с декабря 1945 года находился в распоряжении командующего кавалерией Красной армии С. М. Будённого, с мая 1946 года — на учёбе на высших академических курсах при Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова. По их окончании в мае 1947 года он был назначен начальником 2-го отдела Управления планирования боевой подготовки сухопутных войск. С июля 1948 года — начальник 2-го курса основного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. С июля 1951 года — помощник командующего, а с июля 1952 года — командующий войсками Северной группы войск. С апреля 1955 года — 1-й заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа. 18 февраля 1958 года генерал-лейтенанту Константинову М. П. присвоено воинское звание «генерал-полковник». С июля 1964 года — в запасе. Жил в Городе-герое Ленинграде, был избран первым председателем городской

организации ветеранов войны. Похоронен на Богословском кладбище в Санкт-Петербурге. (Источник: <https://pamyat-naroda.ru/commander/1758/>)

109. Петр Иосифович Столица — родился в 1915 году в г. Ахтырка Харьковской области. Участвовал в боях за Халкин-Гол. В декабре 1941 года вместе с группой военнослужащих, выходявших из окружения, присоединился к отряду им. М. М. Громова, где с января 1943 по апрель 1944 года был комиссаром, а с апреля по июнь 1944 года — командиром отряда. В наградном листе о представлении П.И.Столицы к Ордену Красного Знамени приводится краткое изложение боевых заслуг: «Тов. Столица П. И. за время пребывания в партизанском отряде им. Громова в должности командира взвода, роты и с января 1943 года комиссаром отряда, показал себя способным, волевым командиром. Тов. Столица много сделал в деле укрепления и организации отряда. Благодаря его работе отряд им. Громова вырос из 150 до 450 человек. Отряд вооружался исключительно за счёт трофейного оружия и за счет разгрома немецко-полицейских гарнизонов. Отряд им. Громова является одним из лучших в бригаде. Только за 1943 год отрядом пущено под откос 15 вражеских эшелонов, истреблено более 1000 немецко-фашистских захватчиков и их прислужников. На базе отряда им. Громова организован Редковский партизанский отряд и отряд им. Котовского. Тов. Столица проводит большую работу среди населения» (<https://partizany.by/partisans/29588/>).

110. Смирнов Пётр Иванович — «Пётр Иванович Смирнов родился 19 июня 1914 года в селении Урень Нижегородской губернии. После школы освоил профессию токаря в фабрично-заводском училище, работал на заводе Красное Сормово в Горьком. В 1935 году был призван в Красную Армию. Учился в Горьковской бронетанковой школе, воинская специальность — механик-водитель. Обучал молодёжь в этой же школе, оставшись на сверхсрочную службу.

Бронетанковую школу вскоре перевели в Харьков и преобразовали в танковое училище. Пётр Иванович оказался в числе его первых выпускников и в 1939 году получил направление в Белоруссию.

Служил в 29-м танковом корпусе, который дислоцировался в Бресте, в должности командира танкового взвода. Принимал участие в советско-финской войне в районе Выборга и прибалтийском походе Красной Армии (1940). Вернулся

в Брест, откуда был откомандирован в танковый полк под Белостоком в качестве начальника штаба 49-го танкового батальона.

Здесь Смирнов и встретил войну.

В первых боевых столкновениях полк, где служил Пётр Иванович, попал в окружение. При попытке прорваться его танк был подбит, а сам он ранен в руку. В составе небольшой группы пешком пробирался на Восток в надежде на воссоединение с частями Красной Армии.

После пяти месяцев скитаний Смирнов с товарищами оказался в любанских лесах, где произошла встреча с такими же окруженцами, перешедшими к партизанской войне. Командовал ими Николай Николаевич Розов. С этого времени они партизанили вместе. Отряд быстро рос, Смирнов стал заместителем командира.

К концу 1942 года была установлена связь с подпольным обкомом партии, который возглавлял Василий Иванович Козлов. Под его руководством партизаны перешли к организованным действиям. Отряд Розова получил имя М. М. Громова и вошёл в состав 64-й партизанской бригады им. В. П. Чкалова. Командовать ею назначили Розова, а Смирнов стал командиром отряда им. Громова.

Комиссаром бригады им. Чкалова являлся Ипполит Сильвестрович Кононович, который перед войной являлся первым секретарём Слуцкого райкома партии, он же возглавлял Слуцкий подпольный райком.

На счету «чкаловцев» и «громовцев» были многочисленные боевые операции. После ранения Розова Пётр Иванович Смирнов некоторое время возглавлял бригаду им. Чкалова. Она во взаимодействии с конно-механизированной группой Иссы Плиева принимала непосредственное участие в освобождении Слуцка от немцев.

Вопрос формирования органов власти на освобождённых территориях являлся в то время одним из важнейших.

Нужны были энергичные и проверенные люди, знающие местную специфику. Руководство республики в условиях дефицита кадров сделало ставку на проявивших себя партизанских командиров.

Упомянутый выше Василий Иванович Козлов с июля 1944-го стал первым секретарём Минского обкома и горкома КПБ. Вероятно, не без его участия были выдвинуты на руководящие посты Случины вчерашние товарищи по совместной борьбе в тылу врага.

Бывшие «чкаловцы» заняли ключевые посты: Ипполит

Сильвестрович Кононович — первый секретарь Слуцкого райкома, Николай Николаевич Розов — председатель Слуцкого райисполкома, Пётр Иванович Смирнов — председатель Слуцкого горисполкома. [...]

Пробудет Пётр Иванович Смирнов в должности председателя Слуцкого горисполкома до 10 июля 1946 года. [...]

После отставки Пётр Иванович был направлен в распоряжение Бобруйского облисполкома. В том же 1946 году вернулся на родину в Урень Нижегородской области. Чем занимался — не знаем.

Известно, что Смирнов несколько раз приезжал в Минск и Слуцк, где встречался с друзьями-партизанами из отряда им. Громова и бригады им. Чкалова.

Пётр Иванович ушёл из жизни 4 июля 1990 года, похоронен в городе Урень Нижегородской области. (Источник: Сергей Богдашич «Пётр Иванович Смирнов», статья на сайте «Наследие Слуцкого края» <http://nasledie-sluck.by/ru/people/2477/5474/>)

111. Хусаин Вахитов — на сайте «Партизаны Беларуси» размещены 2 наградных листа на Вахитова Хусаина Губандулова. Из них нам стало известно, что родился Хусаин Вахитов в 1917 году, в 1939 году был призван в Красную Армию из г. Стерлитамак Башкирской АССР. Служил в Западной Белоруссии, и потому с первых дней начала войны оказался в самой гуще боевых действий. В партизанский отряд Н.Н.Розова попал в феврале 1942 года. «Участвовал в разгроме немецко-полицейского гарнизона в Ломовичах на р. Птичь, в дер. Яменск, под Горбачём ст. Верхутино. Проник в дер. Слива возле немецкого гарнизона и захватил одного немца живьем и двух убил. Товарищ Вахитов трофеи и немца доставил в отряд. Неоднократно выполнял задания, проникая в немецкие гарнизоны г. Слуцк, где собирал важные сведения и доставлял в штаб. В июле 1943 года тов. Вахитов заминировал паровоз в дер. Ячево, в 1,5 км от г. Слуцк, снял паровозную бригаду и паровоз направил с большой скоростью в г. Слуцк, где он, залетев на электростанцию, повредил её и при взрыве было убито 5 немцев и 1 полицейский. В конце июля 1942 года тов. Вахитов проник с группой товарищей в немецкий гарнизон г. Слуцк в гараж с автомашинами противника, повредив 18 автомашин. При возвращении в дер. Козловичи возле Слуцка был окружён немцами. Два его товарища были ранены, один убит. Тов. Вахитов, отстреливаясь до последнего патрона, был тяжело ранен, в бессознательном состоянии был доставлен в немецкий госпиталь после чего подвергался пыткам, но не сказав ни слова был казнён (отрубили

ноги, руки, выкололи глаза). Погиб смертью Героя. Достоин высокой правительственной награды посмертно» (<https://partizany.by/partisans/27980/>).

112. Фурсов Константин Семёнович — родился в 1919 году в Одессе, в партизанском отряде им. М. М. Громова числился с 20 января 1943 года. Из представления к Медали «Партизану Отечественной войны» I степени: «Участвовал во многих боевых операциях по разгрому немецко-полицейских гарнизонов в Верхутино, Макаричи, Яменск, боях с карательной экспедицией в дер. Бояничи, в лесу Дяковичи, Богуславка, Ворочегощ. Имеет на своём счету подорванных автомашин 4, убитых немцев 27, спущенных эшелонов 1» (<https://partizany.by/partisans/57579/>).

Константин Фурсов с женой Надеждой, г. Одесса, 1962 год

113. «Народный мститель» — Еще в августе 1943 года издаваемая в Москве газета «Савецкая Беларусь» поместила обзор печати, в котором говорилось: «Народны мсцівец» — газета-боец. У нее мощный голос. Газета помогает партии поднимать массы на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, на бой

за освобождение родного края». 1 апреля 1943 года вышел первый номер газеты «Народны мсцівец». Его появление стало важным событием. Газета сразу же поступила в отряды и населенные пункты. Подпольщики доставили ее и в Слуцк. У нас в редакции сложился творческий коллектив. И днем, и ночью трудились журналисты И. В. Кулешов (в сентябре 1943 года выдвинут на должность редактора любавской подпольной районной газеты), В. С. Харитонов, В. К. Плешевеня, И. В. Хотепко, а также работники типографии Л. В. Кулешова, Л. Ф. Шевчук, И. Н. Торхов и В. С. Кононович. Партизаны А. Золотой, А. Беляев делали рисунки и вырезали на дереве клише для иллюстрации изданий. Всего мы выпустили 78 номеров газеты «Народны мсцівец» общим тиражом 37 тысяч экземпляров и 72 тысячи экземпляров листовок и обращений. (Достанко Николай Евкович

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ В ПОДПОЛЬЕ. ПАРТИЙНОЕ ПОДПОЛЬЕ В БЕЛОРУССИИ. (сборник) <https://www.molodguard.ru/heroes4764.htm>)

НАРОДНЫ МСТІВЕЦ

Орган Саюзага РБ БН(б)Б

№ 38—39 | Нядзеля, 17 кастрычніка 1943 г. | № 38—39

Бязлітасна знішчайце нямецкіх акупантаў!

Беларускія пераможцы атрымалі Чырвоная Армія на ўсіх франтах у барацьбе супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў. Пад мігунамі ўдзямі чырвоных воінаў вораг адкатваецца на захад, пакідаючы істотныя страты ў жывой сіле і тэхніцы. Гітлераўская армія ўжо больш не ў стане ўстаць перад магутным і пераможным наступам Чырвонай Арміі. Горда за горадам, вёску за вёскай завяртаюць салодкія воіны нашай Радзімы.

Чырвоная Армія ўступіла на беларускую зямлю і вывадзіла ўжо дзясяткі беларускіх гарадоў, тысячы вёсак ад нямецкіх акупантаў. Беларусь становіцца вільняўшым театрам вясных дзеянняў.

Фашысцкія паліцэйны адступілі, знішчыўшы ўсё, што могуць, на сваім шляху. Яны хочуць ператварыць нашу родную Беларусь у пустыню, пакінуўшы ў ёй толькі руіны і паліўшым, а нашых людзей узяць у палон і перавесці ў Германію на галоўную і халодную смерць. Наіліца публікаваў смерць. Наіліца публікаваў смерць. Наіліца публікаваў смерць.

арміі разбойнікаў і бандытаў. Перад сабей смерцю лютуюць гітлераўскія бандыты. Гэта іскрыва бачна з фантаў крыўных дзеянняў нямецкіх душэгабаў на Случчыне. Гітлераўскія разбойнікі праводзяць масавыя арышты ў вёсках і гарадах. Сягонняшніх дзеянняў становіцца ахвярамі гітлераўцаў. Нямецкія грабешнікі вывозяць са Случчыны баранцы і каштоўнасці — у сваёй фашысцкай логіцы — Германію.

Татарышча партызанамі і сучаснае Бязлітасна знішчайце нямецкіх акупантаў! Напэўна, на адступаючым нямецкіх часткі і асобы, татуняйце адступілі гітлераўскай арміі, узяўшы чыгуначныя лініі, разбураўшы шасейныя дарогі, кіруючы шляхі адступлення немцаў, уганяўшы ў лясны жыццё, захоўваючы маймасты, харчаванне, ратуеце сябе і сваё сэрца ад знішчэння гітлераўскімі бандытамі, уступаўшы ў партызанскія атрады і біце адступаючых ворага.

Усе на дапамогу! падтрымку пераможнаму наступленню Чырвонай Арміі.

ХРОНІКА

15 кастрычніка старшыня СНК СССР тав. І. В. Сталін прыняў старшыню кіраўніцтва па справах вяснянай вытворчасці ЗША п. Данольда М. Нэўмэна.

Прэзідыум Вярхоўнага Савета СССР прызначыў тав. Новікава Нікітэя Васільевіча Надзімчэвічам і Паўнамочным пасланнікам СССР у Егіпет.

15 кастрычніка г.г. у Маскву прыбыў Надзімчэвіч пасол Турэцкай Рэспублікі п. Х. Р. Байдур. На аэрадроме п. Х. Р. Байдура сустракаў Прэзідыум пратакольнага адрэса НКЗС тав. П. А. Бушуеў з пасольствам Турэцкай Рэспублікі на чале п. Дамбае. Аўганістанскі надзімчэвіч пасол Сулейтан Ахмед Хан і Іранскі пасол п. Акі.

НАЛЁТЫ НАШАЙ АВІАЦЫІ

Наша авіяцыя бомбардыравала скопленне нямецкіх штабонаў на чыгуначных вузлах Джанкоў, Магілёў, Орша, Гарадок. Прамымі падлётамі бомб уварвана мінга чыгуначных саставаў. У выніку бомбардыроўкі ўнікла многа пажараў.

Весткі з фронту

(З 13 па 16 КАСТРЫЧНІКА)

Нашы войскі прадаўжаюць паспяховае наступленне на ўсіх участках фронту.

На Мейскапольскім напрымку нашы войскі пасля трохдзінных жорсткіх баёў прарвалі вельмі ўзмацненую паласу абароны ворага, фарсіравалі р. Макошчына, а балы занялі ўзмацненны пункт. З 13 кастрычніка баі ідуць у цэнтры горада Мейскаполь. У выніку баёў палічылі баёў ворагі палічылі страты ў жывой сіле і тэхніцы. Чыгуначная дарога, якая з'яўлялася Мейскаполь з Крымам, перарэзана нашымі войскамі. Мейскаполь захаваў ад Крыма.

Войскі Паўднёва-Заходняга фронту, працягваючы развіццё паспяховага наступлення, замялі жорсткае супрацьленне ворага і 14 кастрычніка штурмам аваладалі абласным цэнтрам Украіны гор. ЗАПА-РОЖЖА. Такім чынам запаражскі плацдарм немцаў на левым беразе р. Дняпра ліквідаваны.

У паласе сярэдняга цячэння Дняпра, на правым беразе ракі, паўночнай і паўднёвай Кіева нашы войскі прадаўжалі аяцці паспяховыя баі па расшырэнню плацдармаў.

У раёне паўночнай і паўднёвай Гомеля нашы войскі ўпэўнена падмаілі да горада, фарсіравалі Сож і прадаўжалі аяцці баі па расшырэнню плацдармаў на правым беразе ракі, і прасунуліся ўперад.

За тры дні на ўсіх участках фронту падбіта і знішчана 344 нямецкіх танкаў, у павятрах баях і агнём зенітных артылерый збіта 263 нямецкіх самалёты.

114. «Вскоре после разгрома фашистов Бузук был арестован в Слуцке и приговорён к расстрелу, в назначенный срок приговор был приведён в исполнение». — Дед рассказывал, что после войны не раз участвовал в судебных процессах над бывшими полициями, которых судили как военных преступников. Дед выступал как свидетель со стороны обвинения и общественный обвинитель. К сожалению, он не написал об этом

в воспоминаниях — видимо, слишком тяжело это было вспоминать. Информацию о судебном процессе над Бузуком удалось найти на страницах слущкой газеты «Курьер» в статье Сергея Богдашича и Василия Тишкевича «Возмездие настигло через 30 лет. Как в Слуцке проходил суд над палачом-фашистом», которую я привожу здесь полностью:

«Три дня июня 1977 года взбудоражили весь тихий Слуцк. В здании клуба строителей проходило заседание суда. Судили Андрея Бузука, бывшего командира взвода слущкой окружной полиции, сумевшего после войны уйти от наказания и дожившего до старости под Ленинградом.

Зал на 200 мест не вместил всех желающих следить за процессом. Для множества людей, собравшихся на улице, установили громкоговоритель, на который транслировался ход суда. Сам подсудимый — маленький, тщедушный и плешивый старичок — производил жалкое впечатление. Не верилось, что чуть более трёх десятков лет назад он наводил ужас на жителей Случчины, а на его совести убийство десятков людей: мирных жителей, партизан, подпольщиков, малолетний детей. Однако показания многочисленных свидетелей выводили облик безжалостного палача — садиста, хитрого и изворотливого врага.

Предыстория

Бузук Андрей Игнатьевич. Родился в 1900 году в деревне Полядь, что на Узденщине, в крепкой крестьянской семье, имевшей 20 десятин земли (около 22 гектар). Купили на Случчине участок земли в районе хутора Пытелев, где жила семья Филипчиков.

С установлением советской власти и созданием колхозов отец Бузука был раскулачен и выслан в Пермскую область. Сын затаил злость и мстил, как мог, новой власти. За ложный донос на селькора слущкой газеты Николая Филипчика и антисоветскую пропаганду был в 1929 году арестован. По приговору «тройки» в марте 1930 года осуждён на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Три года работал на строительстве «Беломорканала», досрочно освобождён.

Женился, жил с семьёй в деревне Янино Всеволожского района Ленинградской области. Работал в совхозе, потом завербовался на военный завод в Ленинграде. В начале Великой Отечественной войны вступил в ополчение, а в сентябре 1941 года сдался немцам. В плену заявил, что был репрессирован советской властью и согласился на сотрудничество с оккупантами.

По его просьбе получил проездные документы в Слуцк. Однако начальник местной вспомогательной полиции Степан

Шнек принял добровольца только на хозяйственную работу, заявив, что доверие ещё надо заслужить.

Бузук с подельниками неоднократно бывал в деревнях Случчины и Копыльщины, выявляя бывших советских активистов, членов семей военнослужащих, сдавая их оккупантам. Такое усердие было замечено. Весной 1942 года он принял присягу и был зачислен в слущкую вспомогательную полицию.

Первая кровь

С этого и начался путь палача Андрея Бузука, оставившего кровавый след на Случчине, Копыльщине и Стародорожчине. Сложно сказать, что было больше в его душе — ненависти к советской власти или жажды мести своим обидчикам. Скорее всего, и то, и другое стало основным мотивом его чудовищных деяний.

После зачисления в полицию весной 1942 года Бузук принял участие в расстреле около тысячи слущких евреев. Их безжалостно убили в печально известном урочище Гореваха.

В мае того же года в Слуцке публично казнили 35 патриотов. Их повесили на столбах по улице Пролетарской, предварительно согнав большое количество жителей города. Бузук лично выбивал опоры под ногами нескольких обречённых на смерть людей. Трупы казнённых висели на столбах несколько дней. Их сняли только по требованию немецких военных, проходящих через город. Даже они ужаснулись увиденной картине.

И вновь старания добровольного помощника немцев не остались без внимания. Полицейскому выделили дом, но главное его назначили руководить отделением, а потом и командиром 2-го взвода полиции. Это дало возможность Бузуку использовать служебное положение в своих целях, точнее сводить личные счёты с теми, кого он считал виноватыми в своих прежних бедах.

Путь злодея

Ход суда показал, что новоиспечённый взводный рьяно исполнял свои служебные обязанности. На его счету неоднократное участие в карательных операциях в Ленино, Подлесье, Борке, Гольчицах, Великой Сливе, Новинках и многих других деревнях. Ни одна из них не обошлась без убийств людей.

Особый интерес Бузук проявил к деревне Аполины. Ещё с довоенных времён он прекрасно знал местных жителей и считал их своими личными врагами. Здесь за два дня были расстреляны семьи Филипчиков, Шумельчиков, Петровских, Наронских. Всего 21 человек, из которых 13 были дети. Когда убивали семью Шумельчиков, в доме остался мальчик-инвалид Пётр. Не выдержав происходящего, он на коляске выкатился на улицу

со словами «стреляйте и меня». Бузук за ногу оттащил его в сторону и застрелил выстрелом в голову.

В деревне Новинки он выследил семью партизанского комиссара В. И. Зайца и приказал сесть им в сани. На окраине села сбросил в сугроб трёхлетнего мальчика и на ходу выстрелил. Раненый дёргался в конвульсиях, Бузук приказал остановиться и добил ребёнка. Такая же судьба постигла жену комиссара и её мать.

Кульминацией суда стали свидетельские показания Христины Петровской, которая чудом выжила при расстреле её семьи. Встречу палача и жертвы через 34 года невозможно описать. Зал погружался то в гробовое молчание, то возмущённо гудел. Женщина рассказала также об убийстве её брата патриота-подпольщика Николая Метельского.

Дальше в «карьере» Бузука было участие в уничтожении еврейского гетто в феврале 1943 года, повешение в центре Слуцка девушек-подпольщиц Марии Грак и Марии Санько. Он лично затягивал петлю на шее беременной Каролины Сокол, жены командира Советской Армии. Этот страшный перечень можно продолжать ещё долго...

Бегство и возмездие

Близилось освобождение Слуцка. Бузуку ничего не оставалось делать, как уносить ноги из города вместе с немцами. Возможность такая появилась: он дослужился к этому времени до капрала, был награждён медалью за «Отличную службу» полиции.

Бежал вместе с сожительницей, которую бросил где-то в Польше. Сам перебрался в Германию, потом оказался во Франции, где служил в охранном батальоне СС. Конец войны застал Бузука в Албании, где он примкнул к власовцам, сдавшимся канадским военным.

На допросах в лагере скрыл, что служил в полиции. В 1945 году был интернирован в СССР, получил восемь лет лагерей за службу в Русской освободительной армии генерала Власова. Шесть лет провёл в Коми АССР, потом работал на мазутном заводе. В 1953 году перебрался на довоенное место жительства, вновь сошёлся с первой женой, от которой скрыл своё кровавое прошлое. Жить старался тихо. В 1960 году вышел на пенсию и продолжал подрабатывать сторожем в местной школе.

Нашли Андрея Бузука в середине 1970-х годов. Сотрудники КГБ Минской области разбирали дела бывших полицейских. Особый интерес был проявлен к тем, кто смог избежать заслуженного наказания. Элементарная проверка по месту их

довоенного жительство дала результат. Оказалось, что под Ленинградом скрывается один из самых кровавых преступников Случчины в годы войны.

Его привезли в Слуцк, были длительные следственные действия с выездом на многочисленные места преступлений. А в июне 1977 года состоялся суд, который и вынес приговор — исключительная мера наказания — расстрел. Люди встретили его оглашение спокойно. Слышны были отдельные одобрительные возгласы, но большинство просто молчало. Все понимали, что возмездие, настигшее зверя в человеческом обличье, справедливо.

Послесловие

Память об описываемых выше событиях живёт до сих пор. Недавняя поездка авторов статьи в деревни Гольчичи и Аполины подтвердила это. Люди рассказывают о том, что творилось там в годы войны, как будто это происходило вчера. Бесспорно, так должно быть и впредь.

В заключение ещё об одном. На сайте БД «Жертвы политического террора в СССР», Белорусский «Мемориал» мы нашли запись о Бузуке Андрее Игнатьевиче, осуждённом в марте 1930 года за антисоветскую агитацию на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Там говорится, что 30 июля 1989 года он был реабилитирован прокуратурой Белорусского военного округа. Удивительные превратности жизни, ведь тот приговор стал для Андрея Бузука отправной точкой для страшной мести людям, в большинстве своём ни в чём не виновных. Однако оправдания его лютых деяний в годы войны просто не может быть». (<https://kurjer.info/2018/11/30/fascist-executioner/>)

115. ДЗОТ (сокр.) — Деревоземляная огневая точка — полевое оборонительное фортификационное сооружение, построенное из бревен, досок и земляной присыпки и вооруженное, как правило, пулеметами. Может быть как одиночным, так и входить в систему укрепленного района. Термин был широко распространён во время советско-финской войны 1939—1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. для названия лёгких замаскированных огневых сооружений. Основными преимуществами дзота являются внезапность при открытии огня, а также возможность быстрого его возведения при ограниченных ресурсах.

116. Карабин — облегчённая винтовка с укороченным стволом.

117. «Язык» — военнопленный, от которого планируется

получить какие-либо сведения о неприятеле.

118. Отряд им. Громова бригады им. Чкалова — «Образован в сентябре 1941г. в Любанском районе из группы военнослужащих, местных коммунистов и комсомольцев. В декабре 1941г. к нему присоединилась группа военнослужащих П. И. Столицы. 14 августа 1943г. отряду присвоено имя Героя Советского Союза летчика Михаила Михайловича Громова. До января 1943г. действовал самостоятельно. На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 307 партизан» (Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). — Минск: Беларусь, 1983. — С.426—427)

119. «...переправили на Большую Землю» — Большой Землёй партизаны называли территории по ту сторону фронта, свободные от оккупантов.

120. Шершнева Римма — «родилась 28 июля 1925 года в Добруше Гомельской губернии (Белоруссия), в семье лесничего. В 1933 году семья Шершневых переехала в Минск. В 1941 году Римма окончила девятый класс. С началом войны Римма вместе с матерью и двумя младшими сестрами была эвакуирована в село Тоцкое Чкаловской области. Летом 1942 года она окончила среднюю школу. Еще будучи школьницей, девушка написала письмо в ЦК ВЛКСМ с просьбой отправить ее на фронт. Едва получив аттестат, Римма уехала в Москву на подготовительные курсы радистов. Курсантов обучали не только радиосвязи, но и стрельбе, топографии, пиротехнике, прыжкам с парашютом. По окончании курсов Шершневу зачислили в комсомольско-молодежный партизанский отряд имени Николая Гастелло. Их направили в деревню Косачево под Смоленском, располагавшуюся вблизи передовой. В ночь на 20 августа 1942 года отряд перешел линию фронта и к концу сентября, преодолев более тысячи километров по тылам немецких войск, добрался до Белорусского Полесья.

Римма Шершнёва

В октябре Римма стала связной группы ЦК ЛКСМ Белоруссии, возглавляемой К. Т. Мазуровым. В ее задачи входило обеспечивать связь между подпольными группами и ЦК ЛКСМ. Также она распространяла листовки, проводила собрания с молодежью, знакомила местное население со сводками Совинформбюро и собирала разведсведения. В ноябре 1942 года Шершневу зачислили в бригаду Розова, относившуюся к Минскому партизанскому соединению». (Источник: https://webkamerton.ru/2018/02/rimma-sersneva-partizanka-kotoraapovtorila-podvig-matrosova?utm_source=warfiles.ru)

Вот как описывает подвиг Риммы Шершнёвой Роман Константинович Мачульский: «Отряды Далидовича, Розова и имени Гастелло ночью заняли исходные позиции. Наступающих поддерживали три 76-миллиметровые пушки.

На рассвете орудия начали стрельбу прямой наводкой по огненным точкам противника и за несколько минут подавили некоторые из них. С криком «ура!» партизаны устремились на штурм и вскоре зацепились за крайние дома деревни. Туда же подтянули и пушки. В ходе боя было подавлено одиннадцать дзотов. Только один — самый большой, расположенный в центре деревни, на перекрестке улиц, — продолжал оказывать сопротивление. Партизаны несколько раз атаковали огневую

точку, но безуспешно. При этом потеряли пять человек убитыми и до десяти ранеными.

Бойцы приготовились к новой атаке. Наши пулеметы стреляли по дзоту почти в упор, ослепляя своим огнем его амбразуры.

— Вперед, друзья! — скомандовал Александр Иванович Далидович.

Партизаны почти вплотную подползли к огневой точке, прикрываясь заборами и сугробами снега. Чувствовалось, что сопротивление гитлеровцев, засевших в дзоте, ослабевало. Но вдруг пулеметы застрочили с прежним остервенением. Среди партизан возникло замешательство, некоторые попятились назад.

В этот решительный момент все увидели девушку с автоматом в руке. Она поднялась, устремилась вперед и тут же, схватившись за бок, упала в снег неподалеку от укрепления врага.

— Лежи! Не поднимай головы! — кричали ей товарищи.

Это была семнадцатилетняя комсомолка из Добруша Римма Шершнева, отважная партизанка. С отрядом автоматчиков имени Гастелло она прошла всю Белоруссию, наравне с мужчинами участвовала во многих схватках с противником, оказывала помощь раненым.

— Лежи и не шевелись, Римма! — с разных сторон раздавались голоса товарищей. Несколько храбрецов под огнем противника поползли к девушке. Но Римма вдруг приподняла голову, собрав последние силы, поднялась в полный рост, чтобы броситься к дзоту, но тут же была скошена вражеским огнем и упала около амбразуры. Пулемет на минуту замолчал. Этим воспользовались партизаны — они бросились в решительную атаку и захватили огневую точку.

Вражеский гарнизон был разгромлен и больше не восстанавливался. Партизаны оказали необходимую помощь тяжелораненой Римме, но спасти ее не смогли: через несколько дней она скончалась на руках у боевых товарищей. Народные мстители с почестями похоронили Римму в деревне Сосновка и поклялись над ее могилой сражаться с захватчиками до победного конца. После Великой Отечественной войны прах отважной партизанки был перенесен в районный центр Любань. Римма посмертно награждена орденом Красного Знамени». (Цит. по: Мачульский Р. Н. Вечный огонь. Партизанские записки. — Мн.: Беларусь, 1978. — С.152—153)

121. Граната «Ф-1» — ручная противопехотная оборонительная граната, больше известна как «фенюша», «эфочка» и «лимонка».

122. Кононович Ипполит Сильвестрович — «родился 21 апреля 1908 года в д. Куковичи Слуцкого уезда (теперь Копыльского района Минской области) в крестьянской семье. Деревня находится как раз посредине дороги, соединяющей Несвиж и Тимковичи. После окончания в 1929 г. Тимковичской школы был секретарём, а затем — председателем коммуны в Копыльском районе.

В 1930—1935 гг. Ипполит Сильвестрович служил в Красной Армии, там же, в 1931 году, вступил в члены КП (б) Б. В 1935 году он стал председателем районного Совета Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ). В 1938 году его избирают секретарём Слуцкого райкома партии, а через два года он уже первый секретарь Слуцкого РК КП (б) Б Бобруйской области.

С июля 1941 года Ипполит Сильвестрович на фронтах Великой Отечественной войны. С ноября 1942 г. — член Минского подпольного обкома КП (б) Б. С марта 1943 г. — уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения, в марте 1943 — июне 1944 гг. секретарь Слуцкого подпольного райкома КП (б) Б, одновременно с июня 1943 г. — комиссар 64-й партизанской бригады им. В. П. Чкалова.

При его активном участии создаётся подпольная большевистская печать. Газету «Народны мсцівец» («Народный мститель»), листовки, сообщения Советского информационного бюро партизанские агитаторы распространяли в г. Слуцке, Слуцком и соседних районах. С 1943 года И. С. Кононович лично участвует во всех боевых операциях против немецко-фашистских оккупантов.

И.С.Кононович

После войны он был избран первым секретарём Слуцкого райкома партии, затем в 1948—1950 гг. работает секретарём Бобруйского обкома партии, с 18 октября 1951 года по 6 октября 1961 года — председателем Гродненского облисполкома.

За годы работы И. С. Кононовича председателем облисполкома Гродненщина значительно продвинулась в промышленности и сельском хозяйстве. Ей были также присущи изменения, связанные с так называемой «хрущёвской оттепелью». Сотни постановлений облисполкома, подписанных его председателем, находятся в фондах Государственного архива Гродненской области. Среди них — «О проведении сплошной радиофикации», «Об организации театра народного творчества», «О строительстве и развитии городского хозяйства и благоустройства городов Гродно, Лида и Волковыск в 1952 году», «Об учреждении областной Доски Почёта», «О селении хуторов в колхозные селения области», «О строительстве телевизионной ретрансляционной станции в г. Гродно», «О строительстве завода азотных удобрений», «О подготовке городов к приёму природного газа», «О рассмотрении генерального плана города Гродно, разработанного Белгоспроектом в 1961 году» и многие другие.

С 1961 по 1963 годы И. С. Кононович был заместителем председателя Комиссии государственного контроля Совета Министров Белорусской ССР. С 1963 года он секретарь

Белорусского республиканского Совета профсоюзов, а за тем председатель Белорусского республиканского профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок. Более 10-ти лет возглавлял Ипполит Сильвестрович этот профсоюз.

И. С. Кононович неоднократно избирался в состав ЦК КПБ. С 1968 по 1971 гг. был председателем ревизионной комиссии ЦК КПБ. Избирался депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета БССР, делегатом XXII съезда КПСС.

Ипполит Сильвестрович Кононович — почётный гражданин г. Слуцка. Его именем названа одна из городских улиц. Она находится в центре города, начинается от пересечения с ул. Ленина справа от кинотеатра «Беларусь», мимо банно-оздоровительного комплекса и заканчивается пересечением с ул. Копыльской в районе магазина №12 «Хозяйственные товары».

И. С. Кононович награждён орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и многими медалями. Жил в г. Минске. Умер 29 октября 1974 года». (Источник: <http://nasledie-sluck.by/ru/people/soldier/5485/>)

123. Иван Васильевич Арестович — « (белор. Арасто́віч Іван Васі́льевіч; 4 декабря 1909, Рабак, Слуцкого района Минской области — 30 июля 1978, Слуцк) — один из руководителей партизанского движения на территории Минской области в годы Великой Отечественной войны. С 1931 в Красной Армии. Участник освобождения Западной Белоруссии (1939). В период Великой Отечественной войны с июня 1941 на Западном фронте. С августа 1941 по заданию Минского подпольного обкома КП (б) Б организовывал партизанский отряд. С июня 1942 руководитель диверсионной группы, помощник командира, командир партизанского отряда, в июне — сентябре 1943 командир 225-й партизанской бригады имени А. В. Суворова, в сентябре 1943 — июне 1944 — 95-й партизанской бригады имени М. В. Фрунзе, одновременно член Гресского подпольного районного комитета КП (б) Б. В 1944—1963 на хозяйственной работе в Минской области». (Источник: <http://pomnipro.ru/memorypage51214/biography>)

124. Карл Куркевич — «родился 17.10.1926 в г. Мозырь Гомельской обл. (Белоруссия) в семье служащего. Белорус. Член КПСС с 1954. Окончил 7 классов в 1941. В Красной Армии с июня 1944, призван из партизанской бригады им. В. Чкалова.

На фронте в Великую Отечественную войну с июня 1944г. Автоматчик роты автоматчиков 515-го стр. полка (134-я стр. див.,

69-я армия, 1-й Белорус. фронт) рядовой Куркевич 4 февраля 1945 г. при отражении атак противника на подступах к г. Франкфурт-на-Одере (Германия) метким огнем уничтожил свыше 10 пехотинцев. 20 февраля 1945 награждён орденом Славы 3 степени.

В ночь на 26 февраля 1945г. Куркевич, действуя в составе группы захвата на юго-западной окраине г. Франкфурт-на-Одере (Германия), стремительным броском преодолел открытую местность, ворвался в дом, 2 гитлеровцев сразил, а 2 взял в плен и доставил в штаб полка. 9 марта 1945г. награждён орденом Славы 2 степени.

19 апреля 1945г., отражая контратаку противника в районе населенного пункта Дебберин (11 км к северо-западу от г. Франкфурт-на-Одере), огнем из автомата ликвидировал свыше 10 солдат, а 20 апреля 1945г., увлекая за собой товарищей, поднялся в атаку и в ходе боя уничтожил несколько пехотинцев и 2 захватил в плен. 15 мая 1946 награжден орденом Славы 1 степени.

В августе 1950г. старшина Куркевич демобилизован. В 1954 окончил текстильный техникум по специальности «техник-технолог» в г. Рига (Латвия). Жил в г. Рига. Работал инструктором производственного обучения в Рижском производственном хлопчатобумажном объединении. Награждён орденом Октябрьской Революции, Отечественной войны 1 ст., медалями. Умер 19.3.2002». (источник: Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/gentlemens/hero.htm?id=11503907@morfHeroes>).

Карл Куркевич, 1946 год

Подробности биографии Карла Куркевича, частично описанные дедом, подтверждаются и в других источниках. Приведу здесь полный текст статьи Владимира Бычени из газеты «Во славу Родины»:

ШЁЛ СОЛДАТ...

В документальном фильме под таким названием, посвящённом главному творцу Великой Победы — рядовому бойцу, известный советский писатель Константин Симонов много места уделил белорусскому парню, за три месяца заслужившему три ордена Славы...

Письмо было неожиданным и приятным:

«В Москве на Центральной студии документальных фильмов планируют выпустить к 30-й годовщине Великой Отечественной войны объемный документальный фильм о рядовом советском солдате... Хотят показать в этом фильме и героизм солдата, и его воинский труд, и его жизнь на войне, — вообще рассказать все, как было... Потому я обращаюсь к вам, Карл Станиславович, с просьбой ответить, если найдете время, как можно подробнее на мои вопросы.

С уважением, Константин Симонов».

Полный кавалер ордена Славы Карл Куркевич не стал писать

ответы, а поехал из Риги прямо к Симонову...

Не до личных обид

Осенней ночью 1937 года черный воронок увез директора Любанской МТС Минской области Станислава Куркевича. И как гром среди ясного неба — враг народа, приговор: длительный срок заключения без права переписки... Жена Екатерина Иосифовна, сыновья Болеслав и Карл, да и все местные жители не верили приговору. Руководитель солидного коллектива был настоящим коммунистом, даже младшего сына назвал в честь основоположника коммунизма. И ради светлой идеи трудился старательно, самозабвенно.

Оклеветанный Станислав Иванович так и не вернется домой. Посмертно его полностью реабилитируют. Это будет потом... А что было делать сыновьям «врага народа», когда покоровившие пол-Европы гитлеровцы обещают белорусам «новый порядок», справедливость, все блага? Помогать оккупантам, мстить за отца? Но ребята понимали: власть — одно, Родина — другое... И когда спустя неделю после начала войны немецкие автомашины появились возле райцентра Любань, что на Минщине, в них из-за кустов полетели гранаты. Несколько солдат были убиты...

Болеслав в тот вечер вернулся домой позже обычного непривычно взволнованным. Екатерина Ивановна спросила, не знает ли он, кто бросал гранаты. Ведь могли и сами погибнуть... Сын ответил: «Обошлось, план был тщательно продуман». Мать все поняла...

А год спустя по району разнеслось: гитлеровцы арестовали Болеслава Куркевича и Владимира Луковского. Долго, с пристрастием допрашивали. И, ничего не добившись, расстреляли. Потом стало известно, что Болеслав с Владимиром организовали группу патриотически настроенных ребят. Занимались разведкой, распространяли листовки — чем могли помогали партизанам, которые, кстати, еще в сорок первом разгромили сильно укрепленный вражеский гарнизон в райцентре и вместе с местными жителями отметили 24-ю годовщину Великого Октября...

Место старшего брата занял младший, ушедший с матерью в партизанский отряд имени Громова. Екатерина Иосифовна работала на кухне. Карл, которому не было и 16 лет, вместе со взрослыми пускал под откос эшелоны, громил вражеские гарнизоны. А после освобождения Беларуси пошел на фронт...

В месяц — по «Славе»

Самая главная фигура на войне — рядовой пехотинец, отвоеванной считается та земля, которую он прошел, пробежал, «пропахал» локтями и коленями. И в то же время самая сложная.

Взорвал сапер вражеский эшелон — честь ему и хвала, сбил летчик самолет — поздравления, запись в послужной список, благодарность или награда... А кто считал, сколько тот же пехотинец уничтожил солдат противника, с закатанными рукавами и звериным оскалом идущих в атаку? И всегда ли отмечаются действия рядового, забросавшего гранатами вражеский взвод, спасшего десятки жизней наступающих?

Автоматчик 515-го полка 134-й стрелковой дивизии Карл Куркевич был всегда среди атакующих и при окончательном изгнании гитлеровцев с земли белорусской, и при освобождении Польши. Но особых почестей не удостоился, если не считать звания ефрейтор... Возможно, в конце войны улучшилась фронтовая статистика, а может, парень большей ненавистью проникся к фрицам, не только принесших много бед его народу, но и растоптавших учение своего земляка, основоположника марксизма, именем которого назвал его многострадальный отец... Как бы то ни было, но документы свидетельствуют: особую удачу Карл проявил уже в боях на земле немецкой. Вот некоторые строки из них...

«4 февраля 1945 года на подступах к городу Франкфурт-на-Одере противник стремился остановить наступление 515-го полка. При отражении контратак особенно отличился тов. Куркевич — огнем своего автомата уничтожил полтора десятка фашистов. Представляется для правительственной награды — ордена Славы III степени. Командир полка подполковник Панамарчук.»

В конце февраля потребовалось срочно взять «языка». Выждав момент, Куркевич стремительно преодолел городскую площадь, ворвался в подвал дома. Уничтожил двоих гитлеровцев, двое оставшихся в живых подняли руки... Командир полка написал в представлении: ходатайствуем о награждении мужественного, решительного ефрейтора орденом Отечественной войны II степени. Но командиры дивизии и корпуса посчитали, что солдат достоин более высокой награды. И в начале марта Карлу вручили орден Славы II степени...

«Ефрейтор Куркевич Карл Станиславович... проявлял отвагу во время наступления советских войск на западном берегу р. Одер и штурма германской столицы. 19 апреля на подступах к Берлину 515-й полк овладел высотой 62,0. Отражая контратаку немцев, т. Куркевич сражался до последнего патрона, уничтожил 18 фашистских солдат. А в бою возле населенного пункта Деберин 20 апреля он уничтожил 13 гитлеровцев и двоих взял в плен...»

Это уже из представления на награждение Карла

Станиславовича орденом Славы I степени. За три месяца 18-летний солдат стал полным кавалером главного солдатского ордена...

Забвению не подлежит

...Отложив все дела в сторону, Константин Михайлович проговорил с Карлом Станиславовичем целый день. Оказалось, что у военного журналиста Симонова и пехотинца Куркевича не раз пересекались фронтовые пути-дороги. Теперь они получили возможность взглянуть на какие-то известные им события с новых точек: журналист — непосредственно из солдатского окопа, пехотинец — из штаба армии, фронта, где корреспонденту центральных газет, автору «Жди меня», других известных стихотворений приходилось не раз бывать.

Да и послевоенная жизнь обоих была наполнена интересными событиями. В 1950 году старшина Куркевич демобилизовался, окончил текстильный техникум по специальности «техник-технолог». Работал инструктором производственного обучения на Рижском текстильном комбинате, награжден орденом Октябрьской Революции. Что уж говорить о Симонове? Герой Социалистического Труда, лауреат нескольких государственных премий СССР, автор популярнейших военных романов...

И, конечно же, особая тема разговора — Беларусь, где Карл Станиславович партизанил, а Константин Михайлович делил тяготы и лишения с отступающими советскими войсками. Особым испытанием для военного корреспондента, попадавшего во всевозможные фронтовые переделки, стали бои за Могилев. Он не только наблюдал беспримерное мужество, преданность родной земле наших рядовых, офицеров, генералов, но и сам продемонстрировал там лучшие солдатские качества. Неслучайно писатель Симонов, коренной петербуржец, завещал после смерти рассеять его прах возле Могилева, над Буйницким полем...

Встречу Константина Симонова и Карла Куркевича снимал кинооператор. Он зафиксировал событие, людей, подвиг которых не подлежит забвению. (Бычеля Владимир «Шёл солдат...» // Во славу Родины. Белорусская военная газета. — Вып.47. — 17 апреля 2015. К 70-летию Великой Победы. Цит. по: <http://archive.vsr.mil.by/2015/04/17/shyol-soldat%e2%80%a6/>)

125. «...ещё оставались снопы в бабках». Бабки — это способ кладки снопов в поле для просушивания. Снопы ставятся наклонно, колосьями вверх, так, чтобы вершины их сходились в середине. Так устанавливают 9 снопов, а десятым снопом, колосья которого расправляются во все стороны и обращаются

вниз, покрываются составленные снопы в виде шапки. Бабки устанавливаются и в 20 снопов, тогда они покрываются двумя снопами. Укладка в бабки распространена главным образом в увлажненных районах. (Источник: Сельскохозяйственный словарь-справочник. — Москва — Ленинград: Государственное издательство колхозной и совхозной литературы «Сельхозгиз», 1934.)

126. «раствор риваноля» — Риванол лекарственный препарат из группы антисептических средств синтезированное Моргенротом (Morgenroth) в 1921 году, Оказывает противомикробное действие главным образом при стрептококковой инфекции. Применяют в виде водных растворов главным образом для обработки и лечения ран. (Источник: Большая медицинская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1970).

127. Граната-«лимонка» — то же, что Граната Ф-1 см. комментарий 94.

128. «Полученные сведения должны были передаваться в штаб фронта, которым командовал Рокоссовский». — Маршал Константин Ксаверьевич Рокоссовский в то время командовал 1-м Белорусским фронтом и был одним из участников разработки и проведения операции по освобождению Белоруссии, вошедшей в историю как операция «Багратион».

129. Хромовые леи — нашивки из прочной ткани или кожи на брюках у кавалеристов в местах, при езде соприкасающихся с седлом. (Источник: Малый академический словарь. — М.: Институт русского языка Академии наук СССР. Евгеньева А. П. 1957—1984.)

130. Граната-«эфочка» — граната Ф-1, см. комментарий 94.

131. Предатели-власовцы — участники антисоветских воинских формирований, действовавших на стороне фашистской Германии во время Великой Отечественной войны. Название получили по имени генерал-лейтенанта А. А. Власова, бывшего командующего 2-й Ударной армией Волховского фронта, который, сдавшись в плен в июле 1942, перешёл на службу к гитлеровцам. В мае 1945 остатки частей В. были ликвидированы на территории Чехословакии, Власов и его сообщники захвачены в плен и по приговору Военной коллегии

Верховного суда СССР 1 августа 1946 казнены. (Источник: Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.)

132. «Катюша» — «народное название бесствольных реактивных систем, находившихся во время войны на вооружении артиллерии реактивной. Существует несколько версий происхождения этого названия, однако наиболее вероятные из них связаны с заводской маркой (буквой „К“) на первых боевых машинах, изготовленных Воронежским заводом им. Коминтерна, и с популярной во время войны одноименной песней М.И.Блантера на слова М. Исаковского». (Источник: Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия.- М.: Советская энциклопедия, 1985. — С.325).

133. «додж» три четверти» — американский армейский автомобиль марки Dodge WC-51, тяжёлый внедорожник повышенной проходимости времён Второй мировой войны. Выпускался фирмой Dodge с 1941 года. Своё название получил из-за своей грузоподъемности, которая составляла 750 кг. или три четверти тонны.

134. «...по поставкам ленд-лиза». Ленд-лиз (англ. Lend-lease, от lend — давать займы и lease — сдавать в аренду), система передачи США займы или в аренду военной техники, оружия, боеприпасов, снаряжения, стратегического сырья, продовольствия, различных товаров и услуг страна-союзникам по антигитлеровской коалиции в годы Второй Мировой войны. Закон о ленд-лизе принят Конгрессом США 11 марта 1941 года; предоставлял президенту полномочия передавать, обменивать, давать в аренду, займы или поставлять иным способом военные материалы или военную информацию правительству любой страны, если её «оборона против агрессии жизненно важна для обороны США». В годы войны поставки по ленд-лизу получали 42 страны. Соглашение с Советским Союзом о поставках по ленд-лизу США подписали 11 июня 1942 года (поставки в СССР осуществлялись с ноября 1941 года). (Источник: Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия.- М.: Советская энциклопедия, 1985. — С.400).

135. «Подписка на очередной займ среди населения» — речь идёт об одном из государственных займов, которые регулярно предпринимались правительством СССР для пополнения государственного бюджета в сложных экономических ситуациях.

Первый государственный займ был выпущен после окончания военной интервенции и гражданской войны в 1922 году. Затем последовала серия государственных займов, направленных на реализацию программы первых пятилеток и превращения СССР в индустриальную державу. «Важную роль государственные займы сыграли в годы Великой Отечественной войны 1941—1945гг. Морально-политическое единство советского народа, его высокий патриотизм и беззаветная преданность социалистической Отчизне ярко проявились в подписке на государственные займы, выпущенные в период войны. Все 4 государственных военных займа (1942—1945) размещались в несколько дней со значительным превышением их выпускной суммы. За годы войны в государственный бюджет СССР поступило по займам свыше 76 млрд.рублей». (Источник: Большая советская энциклопедия. — М.:ГНИ«БСЭ», 1952. — Т.16. — С.333).

Елена Твердюкова, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ в своей статье «Финансовая удавка. Добровольные займы в СССР» уточняет эти данные: «За годы Великой Отечественной войны поступления от госзаймов составили 76,8 млрд руб., причем возросло их значение в доходной части бюджета. Если за 1938—1941 гг. собранные по подписке 34,9 млрд руб. составили около 6% доходов, то в 1942 г. эта доля выросла до 7,4%, в 1943 г. — до 8,7%, в 1944 г. — до 9,8%, несколько сократившись в 1945 г. — до 7,7%. За счет займов в годы войны было покрыто около 15% всех расходов на оборону». Однако, несмотря на патриотизм и искреннее стремление народа отдать «всё для фронта, всё для победы», государственные займы уже в 30-е годы начали вызывать хоть и робкое, но всё же недовольство населения, особенно в сельской местности. «Особенно заметно выросла нагрузка на сельское население. В 1940 г. средний размер подписки на одно крестьянское хозяйство составлял 79 руб., в 1941 г. — 101, в 1942 г. — 253, в 1943 г. — 552, в 1944 г. — 646 руб. Новым мероприятием власти в 1940-х гг. стало привлечение к займам колхозов и промысловых артелей — за счет их общих средств и независимо от индивидуальной подписки каждого их члена. В таком порядке за годы войны в бюджет поступило 5,4 млрд руб. Фактически это означало, что колхозников заставляли платить дважды» (Источник: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/finansovaya-udavka-dobrovolnye-zajmy-v-sssr.html>)

136. «...стипендия 220 рублей». Напомню, что обучение в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, а также других столиц союзных республик с 1940 года было платным

и составляло 400 руб. в год. От платы за обучение освобождались только некоторые категории студентов, в том числе участники войны. Стипендия была доступна не всем. Для того, чтобы понять, что можно было себе позволить на сумму стипендии в 220 руб., приведу сравнительную таблицу государственных и коммерческих цен на различные виды продуктов питания. (Источник: Сборник документов «Советская жизнь. 1945—1953 гг.» М.: РОССПЭН, 2003. <http://istmat.info/node/18463>)

	(В рублях за килограмм)					
	Цены нормированной торговли			Цены коммерческой торговли		
	1940 г.		1945 г.	1944 г.		1945 г.
	на начало года	на конец года	на конец года	с начала введения коммерческой торговли	на конец года	на конец года
Говядина средней упитанности 1 сорта	10*	12	12	400	320	150
Свинина разубочная необрезная 1 сорта	14*	17	17	600	500	300
Колбаса вареная «Отдельная»	13,5*	16	16	450	450	250
Колбаса полукопченая «Краковская»	20*	23	23	600	600	370
Сосиски «Русские»	12,6*	15	15	450	400	240
Судак мороженный крупный 1 сорта	3,8	5,5	5,5	200	150	110
Сельдь «Мурманская» чанового посола неразборная	4,5	6,4	6,4	300	210	150
Масло сливочное несоленое высшего сорта	17,5	25	25	1000	750	370
Масло топленое высшего сорта	18,5	26	26	1000	750	370
Масло подсолнечное рафинированное	13,5	13,5	13,5	700	600	250
Маргарин столовый 1 сорта	10,5	12	12	620	480	250
Молоко (литр)	2	2,2	2	60	50	40
Сыр «Советский» экстр. 50%	25	29	29	700	530	330
Яйца столовые 1 сорта (десяток)	6,5	6,5	6,5	200	150	100
Сахар-рафинад колотый	4,1	5,7	5,7	1050	750	250
Конфеты глазированные в шоколаде «Весна»	20**	20	20	-	850	340
Печенье «Рот-Фронт» из муки высшего сорта	9,9**	9,9	9,9	-	600	240
Чай черный байховый «Грузинский» 1 сорт	80	80	80	750	750	600
Соль помола № 1	0,12	0,12	0,48	80	80	50
Мука пшеничная 1 сорта	2,9	2,9	2,9	-	-	60
Мука пшеничная II сорта	2,4	2,4	2,4	-	-	45
Мука пшеничная высшего сорта	4,6	4,6	4,6	-	-	90
Пшено толченое 1 сорта	2,1	2,1	2,1	150	150	80
Гречневая крупа «ядрица»	4,3	4,3	4,3	250	250	150
Макароны из муки I сорта	3,5	3,5	3,5	200	200	100
Хлеб ржаной из обойной муки	0,85	1	1	-	-	24
Хлеб пшеничный из муки II сорта	1,7	1,7	1,7	-	-	30
Водка 50° (0,5 литра)	11,5	11,5	80,5	250	190	100

За годы войны государственные розничные цены в нормированной торговле не изменялись, за исключением цен на водку, водочные изделия, виноградные вина, пиво и соль.

* С 24 января 1940 г.

**С 22 января 1940 г.

Статистическая таблица ЦСУ СССР «Государственные розничные цены нормированной торговли в 1940, 1945 гг. и коммерческой торговли в 1944—1945 гг. на отдельные продовольственные товары»

137. Карточки иждивенца — иждивенцем считается нетрудоспособный (по возрасту или в силу состояния здоровья) человек, чаще всего имеющий группу инвалидности и получающий средства на жизнь от государства или от члена

семьи, на иждивении которого находится. В результате ранений у моего деда была повреждена правая рука и легкие, развивался туберкулёз, в связи с чем ему была установлена группа инвалидности. При введении карточной системы население было разделено на 4 группы: «рабочие и приравненные к ним, служащие и приравненные к ним, иждивенцы и приравненные к ним, дети до 12 лет». В послевоенные годы «ежедневная норма по рабочей карточке составляла 550 гр. хлеба, по служащей — 400 гр., на иждивенческую и детскую давали по 300 гр.» (Источник: Шмырёва С. К. Система продовольственного обеспечения городского населения в послевоенные годы (на материалах г. Куйбышева). // Известия Самарского научного центра РАН. Т.11. — №6. — 2010г. — С.172. Цит. по: <https://cyberleninka.ru/article/v/sistema-prodovolstvennogo-obespecheniya-gorodskogo-naseleniya-v-poslevoennye-gody-na-materialah-goroda-kuybysheva>)

138. «... обеспечивались продуктами по карточке с литерой „Б“ (карточки с литерой „А“ получали секретари райкома партии...)» — литерные карточки вводились для дополнительного обеспечения продуктами питания и товарами народного потребления отдельных категорий граждан — партийного актива, научных работников, военных. «К 1943 году широкое распространение получило „литерное снабжение“ по трем категориям — „А“, „Б“ и „В“. В „литерных столовых“ питались чиновники, журналисты, партийный актив, руководство силовых органов, что позволяло им, кроме горячего, получать дополнительно 200 г хлеба в день». (Источник: Павел Гнилорыбов, историк-москвовед. «Хлебные крошки: как работала карточная система в СССР». — https://new-retail.ru/magaziny/istoriya/khlebye_kroshki_kak_rabotala_kartochnaya_sistema_v_sssr5197/)

139. «... корреспондента по Слуцкому кусту, в который входили Слуцкий, Копыльский и Гресский районы» — официально эти районы входили Бобруйскую область, образованную 20 сентября 1944 г. и включавшую 14 районов: Бобруйский, Глусский, Гресский, Кировский, Кличевский, Копыльский, Краснослободский, Любанский, Октябрьский, Осиповичский, Паричский, Слуцкий, Стародорожский, Старобинский. (Источник: <https://archives.gov.by/index.php?id=989746>) В редакции областной бобруйской газеты «Советская Родина» было принято внутреннее дополнительное разделение районов на «кусты», на каждый из которых назначался

собственный корреспондент.

140. «...оперу Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем» — первая украинская опера композитора Семена Гулак-Артёмовского. Опера впервые была поставлена на сцене Мариинского театра в Санкт-Петербурге в 25 мая 1863 года.

«Самодеятельный хоровой коллектив Слуцкого Дома культуры в 1958 г. поставил на сцене оперу С.С.Гулак-Артемовского „Запорожец за Дунаем“, что явилось заметным явлением в развитии самодеятельного искусства. Хоровой коллектив выезжал с этим спектаклем в другие города Минской области, а в конце 1958 г. выступил в Минске на декаде самодеятельного искусства республики». (Источник: Грицкевич А. П. Древний город на Случи. — Минск: Полымя, 1985. Цит. по: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/114/222/236/>)

141. «Был в Москве на Всесоюзном совещании руководителей учреждений культуры, выступал на нем с обменом опытом в присутствии самого Министра культуры СССР Е. Фурцевой» — Скорее всего имеется в виду Совещание руководителей художественной самодеятельности, прошедшее в 1959 году. (Источник: Театральная энциклопедия. Том 5/Глав. ред. П. А. Марков — М.: Советская энциклопедия, 1967. — 1136 стб. с илл., 8 л. илл. Цит. по: <http://istoriya-teatra.ru/theatre/item/f00/s09/e0009483/index.shtml>)

142. Вечерняя средняя школа — общеобразовательное учебное учреждение для взрослых людей, желающих получить среднее образование без отрыва от работы. Определение «вечерняя» в данном термине весьма условно, поскольку занятия в такой школе проводились как вечером, так и в дневное время, в зависимости от сменного рабочего графика учащихся. Создание системы вечернего образования в послевоенные годы было насущной необходимостью. В годы войны на оккупированных территориях дети и подростки не могли учиться, поскольку школы не работали, а в тылу многие вчерашние школьники заменили своих родителей у станков, в госпиталях, на колхозных полях и огородах. Для решения этой задачи СНК СССР принял ряд постановлений, в том числе «Об обучении подростков, работающих на предприятиях» (июнь 1943) и «Об организации вечерних школ сельской молодёжи» (июнь 1944), на основании которых стала создаваться сеть школ рабочей молодёжи и школ сельской молодёжи, которые с 1958 года получили название вечерних (сменных) средних общеобразовательных школ.

143. Ковзан Борис Иванович (7 апреля 1922 — 31 августа 1985) — советский лётчик-истребитель 744-го истребительного авиационного полка 240-й истребительной авиационной дивизии 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта, заместитель командира полка. Полковник запаса, Герой Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны в воздушных боях четырежды таранил самолёты противника. Единственный в мире лётчик, который совершил 4 воздушных тарана и остался в живых. Восстановившись после потери одного глаза в результате ранения, продолжал воевать и сбивать вражеские самолёты.

Борис Иванович Ковзан родился в городе Шахты Ростовской области в семье служащего. Русский. Закончил 8 классов школы в городе Бобруйск Могилёвской области Белоруссии. В Советской армии с 1939 года. Закончил Одесскую военно-авиационную школу. В 1939 году вступил в ВЛКСМ. На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 года. С октября 1941 года воевал в составе 42-го истребительного авиационного полка. 29 октября 1941 года таранил «Юнкерс-88». Пилот 42 истребительного авиаполка младший лейтенант Ковзан пропал без вести в этот же день, согласно документам военкомата. За три тарана вражеских самолётов в начале июля 1942 года представлен к званию Героя Советского Союза, но в штабе 6-й воздушной армии награда заменена на орден Красного Знамени. За время войны сбил 28 самолётов противника, из них один в группе, а 4 самолёта сбил тараном. В трёх случаях Ковзан на своём самолёте МиГ-3 возвращался на аэродром. 13 августа 1942 года на самолёте Ла-5 капитан Ковзан обнаружил группу бомбардировщиков и истребителей противника. В бою с ними он был подбит, получил ранение глаза, и тогда Ковзан направил свой самолёт на вражеский бомбардировщик. От удара Ковзана выкинуло из кабины и с высоты 6000 метров с не полностью раскрывшимся парашютом он упал в болото, сломав ногу и несколько рёбер. Из болота его вытащили подоспевшие партизаны и переправили через линию фронта. В госпитале Ковзан провёл 10 месяцев, потерял правый глаз. После лечения добился разрешения продолжить лётную службу. Всего за годы войны он совершил 360 боевых вылетов, провёл 127 воздушных боев, сбил 28 немецких самолетов. После войны продолжил службу. В 1954 году закончил Военно-воздушную академию. С 1958 года подполковник Ковзан — в запасе. Жил в Рязани, работал начальником аэроклуба. Затем полковник в отставке Ковзан жил в Минске. Умер 30 августа 1985 года. Похоронен

на Северном кладбище в Минске. (По данным Википедии: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B7%D0%B0%D0%BD_%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87)

144. «...Мачульский Р. Н.» Мачульский Роман Наумович — один из организаторов и руководителей антифашистского подполья и партизанского движения в Минской области в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза, партийный и государственный деятель, заслуженный работник культуры Беларуси. Родился 30 ноября 1903 года в деревне Кривоносы Стародорожского района Минской области. «В 10 лет Роман Мачульский остался без отца, старшим в семье. После окончания сельской школы он поступил в Глусское городское училище, но окончить училище не удалось. В 1925 году был призван в Красную Армию. Там он вступил в комсомол, а затем в члены ВКП (б). Затем окончил полковую школу и служил в 110-м стрелковом полку Белорусского военного округа в Новозыбкове. После демобилизации Роман Мачульский был на партийной работе в селе, участвовал в создании первых колхозов в Речицком районе. Затем работал на заводе «Дубитель» в Речице, учился в Высшей партийной школе пропагандистов при ЦК КП (б) Б, был на ответственной партийной работе в Гресском, Червенском и Плещеницком райкомах партии.

Полученные знания и опыт руководителя-управленца помогли Мачульскому с первых дней немецкой оккупации стать одним из организаторов и руководителей партийного подполья и партизанского движения в Беларуси. В июле 1941 года он был направлен во вражеский тыл с целью организации партизанского движения. Роман Наумович вошел в состав Минского подпольного обкома партии. С 20 июля 1941 года подпольный обком начал действовать.

Вскоре обкомом переместился в Старобинский район. В октябре 1941 года Мачульский с небольшой группой партизан совершили налет на фашистский гарнизон деревни Осов и еще нескольких деревень на Полесье. С сентября 1942 до мая 1943 года Мачульский исполнял обязанности первого секретаря Минского подпольного обкома КП (б) Б и был командиром соединения партизанских отрядов Минской и Полесской областей, затем командовал Минским партизанским соединением.

Осенью 1942 года Минский подпольный обком партии и штаб соединения разработали операцию по подрыву крупного

железнодорожного моста через реку Птичь. Операции дали кодовое наименование «Эхо на Полесье». Для ее обеспечения с Большой земли специальным рейсом доставили боеприпасы и взрывчатку. Подготовка и проведение операции проходили под руководством секретаря обкома партии, командира партизанского соединения Романа Мачульского. 3 ноября группы прикрытия подорвали железнодорожное полотно и повредили линии связи слева и справа от района операции. Мачульский лично возглавил штурмовую и подрывную группы. По его сигналу партизаны ударных отрядов открыли плотный огонь по дзотам. Охрана была уничтожена. Подрывники уложили под мост свыше 300 кг взрывчатки и подорвали его. Стратегически важная для врага железная дорога на 18 суток вышла из строя, а с учетом уничтожения моста через реку Лань движение по ней прервалось более чем на три недели. Около 540 эшелонов противник не смог отправить к фронту. Это произошло в дни Сталинградской битвы. Таков был результат успешной операции народных мстителей, который высоко оценило руководство партизанского движения». (Источник: Кранцевич М. М. К 115-летию Героя Советского Союза Романа Наумовича Мачульского// <http://www.warmuseum.by/index.php/yubilyary/774-k-115-letiyu-geroya-sovetskogo-soyuza-romana-naumovicha-machulskogo>) О своём боевом пути Р.Н.Мачульский рассказал на страницах своих книг: «Страницы бессмертия», «Вечный огонь», «На огненной земле», «Люди высокого долга».

145. «Пленные чехословаки были отпущены на свободу». — В те годы многие чешские и словацкие солдаты, насильно призванные в германскую армию, переходили на сторону Красной Армии и вливались в партизанские отряды. «Вопреки воле чехословацкого народа гитлеровцы сколотили так называемую „прикрывающую“ словацкую дивизию, направив её в Белоруссию для охраны железных дорог и борьбы против партизан». Чехословацкие антифашисты уходили к партизанам как в одиночку, так и небольшими организованными группами. «Всего в отрядах белорусских партизан сражались против фашистских захватчиков более 400 словаков и чехов» (Источник: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т./ Т.3. — Мн.: Беларусь, 1983. — С.376.) После войны дед ежегодно разыскивал солдат и партизан, кто принимал участие в боях на Любанщине и Случчине. Я не знаю, как ему это удавалось, но он их находил, и часто они приезжали в Слуцк — на День победы или Освобождения Белоруссии. Так, у нашем семейном

архиве сохранилась вырезка из газеты, в которой говорится о встрече моего деда с дочерью одного из чешских партизан Юзефа Дорчака — Мариной. Я тогда была ещё совсем маленькой, но помню, что дедушка регулярно получал письма из Чехословакии от семьи Дорчака.

Йозеф Дорчак

Марцел Крупчик

операции, проведенной советскими партизанами 3 августа — 15 сентября 1943 года на оккупированной территории РСФСР, БССР и части УССР для оказания помощи советской армии в завершении разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве 1943 и развитии общего наступления. Центральный Штаб Партизанского Движения (ЦШПД) привлек к выполнению операции белорусских, ленинградских, калининских, смоленских, орловских и часть украинских партизан (всего 167 бригад и отдельных отрядов). 14 июля Ставкой ВГК был отдан приказ ЦШПД на проведение операции. Местные ШПД и их представительства на фронтах определили участки и объекты действий каждому партизанскому формированию. Партизаны обеспечивались взрывчаткой и минно-подрывной техникой, к ним были посланы инструкторы-подрывники и т. п. Активно велась разведка железнодорожных коммуникаций. За первую ночь операции было взорвано 42 000 рельсов. Действия, в которых участвовало около 100 000 партизан, развернулись в тыловых районах групп армий „Центр“ и „Север“ (протяжённость по фронту около 1 000 км., в глубину 750 км.). В ходе операции было подорвано около 215 000 рельсов, много эшелонов (только белорусскими партизанами — 836 эшелонов и 3 бронепоезда), взорваны мосты и станционные сооружения. На некоторых железных дорогах движение было задержано на 3—15 суток, а магистрали Могилёв-Кричев, Полоцк-Двинск, Могилёв-Жлобин не работали весь август. Операция значительно затруднила перегруппировки и снабжение отступающих войск противника». (Источник: Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. — М.:Советская энциклопедия, 1985. — С. 608)

147. Мачульский Р. Н. Вечный огонь. — Минск: Беларусь, — 1969. — С.245

148. Операция «Багратион» — кодовое наименование одной из крупнейших стратегических наступательных операций, проведена 23 июня — 29 августа 1944г. с целью разгрома немецко-фашистской группы армий «Центр» и освобождения Белоруссии. (Источник: Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. — М.:Советская энциклопедия, 1985. — С.83).

Составитель, редактор, автор комментариев и оформитель — Д.В.Королькова.

Для оформления обложки и в качестве иллюстраций использованы фотографии и документы из семейного

архива   Никольских.   Хранитель   архива —
Д.В.Королькова.

95 км., разъезд — 141

А

Австрия — 58

Б

Баранновина — 13

Барановичи — 121, 203, 204, 227

Бараново — 208

Барбарово — 103, 208

Бариков (Любанский район) — 34, 35, 37, 46, 65, 157

Белоруссия (БССР) — 30, 45, 63, 70, 72, 95, 103, 198, 202, 207, 209, 210, 213, 236, 239, 240, 241, 247, 260, 269, 303, 312, 330, 351

Березовка, дер. — 159, 160

Берлин — 73, 115, 257, 272, 335

Бобруйск — 12, 26, 39, 53, 75, 76, 114, 118, 128, 137, 159, 175, 188, 202, 207, 345

Большая Земля — 120, 130, 140

Большая Слива — 120, 122, 123, 203

Большие Городятичи — 98

Бондари, дер. — 124

Борисов, г. — 175

Борки, дер. (Мелешковский сельсовет) — 140, 141

Боровуха — 160

Бояничи, дер. — 148, 149, 316

Бояничское, оз. — 146, 148

Бояново (Глусский р-н) — 256

Браново — 168, 181

Брест — 202

Брно — 198

В

Ваньковщина (Слуцкий р-н) — 144, 181

Вараново, дер. — 118

Варшава — 137

Веженка, дер. — 116

Вена — 127, 128

Вербники, урочище — 150, 156

Веречегощ — 157, 316

Варковичи — 168

Верхояровка, село — 84

Верхутино — 109, 112, 118, 137, 217, 315
Витебск, г. — 207
Волга, р. — 12
Вятка, г. — 159

Г

Германия — 45, 58, 73, 96, 111, 173, 200, 203, 219, 223, 270, 275, 303, 331
Глуск — 47, 149, 203
Гнилой Рак, дер. (Старобинский р-н) — 152
Гомель — 56, 75, 76, 95, 103, 206
Горное, остров (Загальский сельсовет) — 140, 143, 150, 151, 203
Городок, урочище — 155
Грабово — 19

Д

Дальние Бондари — 162
Десна, река — 82, 83, 84
Диканька — 88
Днепр, река — 76, 77, 83, 257, 284
Душанбе — 192
Дяковичи (Житковичский р-н, Гомельская обл.) — 152, 155, 316
Дятловичи (Лунинецкий р-н, Бресткая обл.) — 153

Ж

Жалы — 17, 35, 37, 39, 46, 47, 48, 51, 52, 99, 100, 101, 104, 146, 148, 157
Живоглодовичи — 213
Живунь — 46, 53, 108, 130, 131
Житковичи — 36
Жлобин — 76 130
Жоровка, дер. — 143

З

Заболотье (Октябрьский район) — 47, 48, 52, 53, 57, 102, 219
Загальское озеро — 39
Загалье, Загальщина — 11, 37, 39, 46, 53, 102, 157
Заелица (Глусский район, бывш. Стражи) — 46, 47
Заельное (Яменский сельсовет, Любанский район) — 24, 25, 29, 30, 31, 33, 105, 107
Западная Белоруссия — 70, 203, 214, 257, 270, 309
Зыслов, остров — 53, 218

К

Кавказ — 63

Казань — 84

Калинковичи — 95, 96, 98, 206

Калиновка (Любанский район, бывш. Убибатьки) — 98

Киев — 82 83, 210, 274, 289

Кировск, пос. (Могилёвская обл.) — 131, 158

Кисловодск — 34

Кличев — 15

Кличевский район, Кличевщина — 12, 13, 14, 33

Козловичи, дер. — 124, 127, 140, 207, 315

Количевка, дер. — 82

Коммуна — 34, 37, 65, 252

Конотоп — 87

Копаткевичи — 196

Костюки — 107, 216, 219

Крупеники, дер. — 133

Купники, дер. — 138, 219

Кучино — 110, 111, 140

Л

Ленинград — 82, 189, 191, 271, 341

Ленино, дер. (Слущкий район, бывш. Романово) — 24

Лоев — 76

Ломовичи — 129, 130, 208, 315

Лопачев брод — 208

Любанский район — 11, 45, 130, 136, 138, 149, 151, 203, 213, 215

Любань — 14 15, 16, 19, 22, 24, 28, 30, 39, 40, 43, 44, 45, 47, 48, 52, 56, 60, 65, 66, 107, 114, 117, 131, 136, 140, 155, 202, 216, 219, 222, 223, 262, 263, 309

Лясковичи — 49, 53

М

Макаричи — 181

Малая Сливка, дер. — 124, 161

Малые Городятчи — 16 17, 24, 27, 98, 303

Марьина Горка — 224

Мащицы — 181

Минск — 14, 17, 26, 30, 47, 58, 64, 66, 67, 70, 76, 77, 107, 173, 184, 188, 202, 207, 214, 223, 234, 273, 274, 330

Миргород — 88

Могилёв — 12 13, 75, 118, 22, 336

Могилёвская область — 12
Мордвиловичи, дер. — 138, 144, 219
Москва — 58, 59, 60, 64, 67, 73, 131, 137, 184, 207, 218, 236,
244, 271, 272, 274, 285, 341, 344

Н

Нева, река — 212
Нежаровка, дер. — 136
Нежевка, дер. — 122, 133
Нежин, дер. (Любанский р-н) — 34, 35, 65, 105, 252
Нежин, г. (Черниговская обл.) — 87
Несета, станция — 14
Новосибирск — 56, 57, 60, 65

О

Обчин, дер. — 155
Одесса — 82
Озномль, дер. (Любанский р-н) — 259
Оренбургская область — 130
Оресса, река — 14, 16, 17, 98, 208, 215, 218, 219, 220,
233, 248
Орлево — 111, 218, 219
Осиповичи — 12, 13, 15, 57, 109
Оснички — 46
Осовец — 41, 199
Оточка — 109, 112

П

Павловка — 168
Падерские Огородники — 164
Паничи, дер. — 127
Пасека, разъезд — 109
Переспа — 25
Пирятин — 83, 84
Пласток — 29
Повстынь — 109, 193
Погребы (Золотоношский район) — 90
Подлипцы — 168, 169, 175, 181
Покрашево — 167
Полесье — 11, 215
Полтава, Полтавская область — 85, 99
Польша — 58, 237, 270
Поповцы, дер. (Слуцкий р-н) — 160
Припять, река — 95

Прощицы — 180
Прусы — 208
Птичь, река — 98, 196, 208, 315
Путивль — 87—88

Р

Репки, дер. (Черниговская область) — 78, 79
Речень — 219
Речица — 75, 76, 96, 97
Рига — 184, 331
Рудня, дер. (Слуцкий р-н) — 188
Рыбак, дер. — 110

С

Свердловск (Екатеринбург) — 189, 191, 212
Седьмое, дер. — 115
Селища — 180, 181, 182
Середняки — 181
Серяги — 167, 168, 169, 173, 181
Серяжский сельсовет — 166
Сибирь — 28
Синятово — 208
Славковичи — 46
Слуцк — 12, 14, 16, 38, 57, 66, 75, 103, 109, 110, 114, 120, 121, 123, 124, 128, 137, 140, 149, 155, 159, 162, 164, 169, 173, 183, 184, 187, 189, 190, 192, 199, 203, 204, 207, 212, 215, 223, 256, 257, 312, 315, 318, 348
Случь, река — 122
Смоленск — 85, 324
Сож, река — 95
Солигорск — 202
Соловки — 28
Сорочи — 40, 176, 219
Сосны (совхоз им. 10-летия БССР) — 36, 52, 65, 99, 101, 108, 114, 118, 148, 214, 219, 252, 253
СССР — 58, 70, 209, 235, 265, 266, 270, 271, 275, 295, 298, 303, 339
Сталинград (Волгоград) — 204, 218, 257
Старобин — 149, 303
Старобинский район — 45, 151
Старосек — 46, 53
Старушки — 36
Старцевичи — 181

Старые Дороги — 111, 118, 127, 149, 207, 257

Стяг — 46

США — 45, 339

Т

Таль, дер. — 110

Турокский сельсовет — 31

У

Украина — 87, 115, 118

Урал — 28

Уречье — 15, 28, 39, 57, 64, 65, 66, 109, 110, 111, 112, 118, 131, 133, 136, 137, 140, 162, 184, 193, 194, 219

Ф

Финляндия — 52

Х

Халкин-Гол, река — 60, 267, 268

Харьков — 84, 312

Хасан, озеро — 60, 267, 268

Хоромцы — 49

Хотиново, дер. (Любанский р-н) — 157, 160, 188

Ц

Цахмин — 34, 35, 36

Ч

Чапаево (Славковичский сельсовет, Глусский район) — 49, 102

Чернигов, Черниговщина — 82, 87, 94

Чехословакия — 58

Ш

Шипиловичи — 219

Щ

Щорс — 87

Ю

Юрковичи — 219

Я

Яменск — 25, 29, 208, 315

Ярославль — 11, 12, 228

Ярославская губерния — 12, 227, 229

Ячево, дер. — 141

Именной указатель

А

Алейников Василий — 49

Алейченко Елена — 48

Алешкевич Василий — 49, 52

Андреас — 127, 128

Арестович Иван Васильевич — 137, 330

Арестович Ольга Павловна — 199, 200, 201, 202, 219

Б

Балтушкин — 49

Баханович Антон Герасимович — 189, 190

Баханович Зинаида Антоновна — 171, 175, 176, 177, 186, 190, 212

Баханович Лидия Антоновна — 190

Белькевич — 160

Беляев Александр — 111, 112, 113, 114

Бернацкий — 120

Бойко Адам — 219

Бондаренко Михаил — 53

Бузук — 123, 124, 318, 319—323

Бумажков — 95 297, 298

Бурмистренко М. А. — 85

В

Вахитов Хусаин — 109, 118, 120, 122, 125, 126, 127, 128, 314

Вдовин Степан — 109

Величко — 34

Веремейчик Михаил — 154

Вечер Аркадий — 34, 102

Войцеховский — 101, 106

Вологин Григорий Иванович — 170

Волоткович М. — 178

Воробей Адам — 136

Воробьёв — 145

Воробьев Владимир Андреевич — 218

Воробьева Екатерина Георгиевна — 218

Воронянский В. Т. — 207

Выва Дмитрий — 142

Г

Галай — 219

Геббельс — 86, 292
Герасимов — 67 70, 72
Гитлер — 115, 116
Голец Анастасия — 121
Голец Василий — 121 123, 124
Голец Татьяна — 121
Голофаст Иван Ильич — 170
Гуляев Дмитрий — 103, 300, 301, 302
Гусак Юрий — 171

Д

Давыдов Василий Иванович — 193
Дадака — 27
Дедюля Николай — 41, 42, 43
Демидович — 36
Джугашвили Яков Иосифович (сын Сталина) — 85, 289, 290
Достанко Николай Евкович — 155, 219
Дытман Юлий — 34

Е

Евтуховский Фёдор — 49, 56, 102, 103, 104, 105, 106
Ельницкий Николай Николаевич — 49

Ж

Живоглод Сергей — 124, 127
Жук — 173

З

Заблоцкий Михаил — 34
Замжицкий Михаил — 48
Замжицкий Николай — 38, 39
Золотой А. И. — 208

К

Калиновский Александр — 38
Каминский Гриша — 77 78, 79, 80, 81, 90
Касеец Иван — 49
Касперович Иван — 219
Кирпонос — 84—85
Ковзан Борис Иванович — 188, 189, 344, 345, 346
Козлов Виктор — 185
Колганов Александр Ильич — 72, 101
Колесников — 193, 194
Коляда — 121, 122, 128

Комаров Иван — 131, 133, 134, 135, 138, 140, 193, 220,
Кононович Ипполит Сильвестрович — 136, 151, 165, 173, 313,
314, 327, 329, 330
Константинов Михаил Петрович — 116, 117, 309, 310, 311
Корзун Фёдор — 48
Корнеев — 102
Крепская Нина — 219
Крук — 144, 145
Кубыко Семен Григорьевич — 173
Кунтыш Николай — 25
Кунтыш Роман — 30
Куркевич Болеслав — 41, 43, 44, 261, 262, 263, 333, 334
Куркевич Екатерина Иосифовна — 219, 333
Куркевич Карл — 41, 43, 136, 137, 138, 139, 140, 144, 145,
151, 152, 199, 219, 220, 330, 331, 333, 334, 335, 336
Куркевич Станислав — 43, 260—261, 333

Л

Лагун Владимир — 40
Лагун Елена — 40
Лагун Лев — 40
Лагун Мария — 140
Лагун Яков — 39, 40
Леонович Степан Зиновьевич — 182
Лещеня Евгения — 53
Лиходиевский Михаил — 49
Лобан Николай Павлович (Микола Лобан) — 28, 29, 242, 243
Лобаха — 49
Луковский Владимир — 41, 261, 262, 263, 333, 334
Львов Алексей Васильевич — 99, 100, 114, 197, 198, 298, 299
Людников Иван Ильич — 78, 80—81, 84, 85, 282, 283, 289

М

Макарченко — 39
Макуценя — 51
Манкевич Леонид — 31, 41, 112, 136, 137, 138, 154, 155, 199,
200, 201, 202, 219, 246, 305, 306, 307, 308
Марзон — 25, 238
Марченко — 38
Матвеев — 63
Мачульский Р. Н. — 196, 207, 346, 347
Мирейчик — 14
Могиловец Виктор Васильевич — 193
Молотов — 74, 270, 272, 273, 274

Молчанов В. Ю. — 191, 210,

Н

Нестеров Виктор — 220

Никольская Елизавета, бабушка — 11, 12, 21

Никольская Мария, мать — 13, 15, 26, 31, 47, 51, 53, 65, 99, 100, 106, 146, 147, 149, 156, 230, 231

Никольская Наталья, дочь — 131, 195, 196, 210

Никольская Янина, сестра — 12, 100, 146, 147, 148

Никольский Александр Михайлович, отец — 11, 12, 16, 19, 21, 23, 27, 31, 36, 40, 45, 47, 51, 65, 72, 99, 104, 106

Никольский Александр, сын — 191, 195, 212

Никольский Вячеслав, сын — 177, 190, 195, 212

Никольский Михаил, внук — 189, 196

О

Окунец — 67

Орловский Кирилл Прокопьевич — 179

П

Павловский — 95, 297, 298

Пепенин Василий — 131, 143, 144, 151, 152, 154, 157, 158

Пересятник — 185

Петрениа Иосиф — 38, 46, 47

Петрениа Пётр — 37, 38, 39, 44

Плышевский Адам — 53

Подловкина Любовь — 53

Поляков — 67

Пополамов Иван — 49

Преснов Павел — 130

Проказов Франц Эдуардович — 180, 182, 183

Прокопович Анастасия — 53

Протасеня Мария — 171

Пьянин — 120

Р

Радцевич Лариса — 25

Радько Степан Яковлевич — 37, 39, 256, 257

Ральчик Константин Михайлович — 177

Рахуба — 182, 183

Резников Семён — 120

Ременчик Андрей — 262

Ременчик Владимир — 219, 263

Ременчик Степан — 219

Риббентроп — 73, 270, 272, 273
Розов Николай Николаевич — 100, 104, 106, 107, 108, 116,
118, 131, 155, 165, 207, 208, 218, 219, 299, 300, 301, 313
Рокоссовский — 160, 337
Росман — 16

С

Саенко Николай — 120
Самусеня — 173
Сарнацкий — 39
Семенков Николай Иванович — 182
Серик Иван — 49
Смирнов Пётр Иванович — 118, 165, 312, 313, 314
Соловьёва Евгения — 41 42, 43
Солонец — 67
Старовойтов — 36
Столица Пётр Иосифович — 118, 121, 134, 151, 312, 324
Столяров Георгий (Жорка) — 103, 104, 300
Сулим Вера — 34, 53
Сулим Ева — 34
Сухан Андрей — 56 57, 59, 60, 62
Сухан Андрей Яковлевич — 50, 52
Сыроквашин Сергей Васильевич — 178

Т

Тарасевич Женья — 53
Твердохлебов Иван — 103
Тризно — 17
Тупиков Василий Иванович — 84
Туровец — 67

У

Уласовец (Статкевич) Настя — 26, 30
Уласовец Николай — 25
Устинович Ипполит — 16
Устинович Полина (Пэля) — 14

Ф

Федяева Евдокия Михайловна (тётя Дуся) — 121, 203,
204, 205
Филатов Василий — 138, 139, 140, 143, 144, 145
Фурсов Константин — 109, 120, 122, 124, 126, 127, 128, 162,
163, 315

Х

Халаем Любовь — 53

Хотько Антонина Игнатьевна — 155

Ц

Цвирко — 185

Цибулько (Цыбулько) — 35

Цимбаревич Викентий Иосифович — 176

Ч

Чадович Иван Васильевич — 112, 213, 215, 221, 222, 223, 224, 308

Чадович Мария Федоровна — 214, 216, 222

Червяков — 43, 259

Черный Алексей Васильевич — 192

Чернявский Аркадий — 49

Чулицкий Николай Николаевич — 175, 178, 179

Ш

Шаблоновский Владимир — 49

Шаплыко Александр Антонович — 41

Шаплыко Валентина Николаевна — 218

Шаплыко Яков Андреевич — 218

Шаргун Полина — 219

Шарупич — 24, 25

Шевченко Дмитрий — 48

Шершнёва Римма — 130, 131, 132, 324, 325, 326, 327

Шимченко Владимир — 108, 142, 304

Шишло — 38

Шкляревский Сергей Иванович — 167

Шуба Алексей Иванович — 144, 207

Шуляковская Мария — 38

Шумило Николай — 160

Шумовски Станислав Францевич — 49, 264

Щ

Щербаченя Николай Титович — 41, 259

Я

Янович — 28

Ярошевич П. И. — 171

Семейные ценности

Мне повезло, я – богатая наследница. Нет, у меня нет миллионных счетов и недвижимости за границей, и среди моих предков вряд ли найдутся князья и графы, но мои бабушки и дедушки завещали мне нечто значительно более ценное, чем деньги и дома. Они очень трепетно относились к семейной истории, и после их смерти мне достались две рукописи их воспоминаний, несколько альбомов с фотографиями, самые старые из которых датируются 1919 годом, их переписка с 1946 до 1989, переписка с детьми – с 1950-х до 2000-х, дедушкин дневник, записные книжки, семейные документы. Целый семейный архив в фанерном довоенном чемоданчике. Так получилось, что я стала наследницей и хранительницей нашей семейной истории. Так начался мой путь в прошлое нашего рода.

Больше 20 лет я собираю семейный архив, восстанавливаю родовое древо, по письмам и рассказам составляю семейную летопись...

И знаете, что я поняла?

История – это не то, что пишут в учебниках и других умных книжках. История – это то, что совершается каждый день жизнью каждого человека на земле. И каждая такая жизнь, каждое свидетельство о ней – в ее бытовой повседневности, в ее каждодневной суете и рутине – это немыслимая ценность в своей уникальности.

Память – наше самое дорогое наследство.

**Диана Королькова,
автор проекта "Семейные ценности"**

- Как создать и сохранить семейный архив?
- С чего начать изучение семейной истории?
- Где искать документы и свидетельства о жизни своих предков?

Ответы на эти и другие вопросы, а также истории о моём опыте поисков и расследований вы найдёте на страничке проекта "Семейные ценности":

<https://www.facebook.com/myfamilytale>